

Отголоски сказки объ Ерусланѣ.

Въ своей книгѣ „Восточные мотивы въ средневѣковомъ европейскомъ эпосѣ“¹⁾ я посвятилъ отдельную главу сказкѣ объ Ерусланѣ Лазаревичѣ. Изъ материаловъ, собравныхъ мною, я сдѣлалъ такие выводы. Сказка эта была принесена къ намъ не изъ Ирана, а изъ орды; она возникла въ ордѣ и оттуда попала въ одной редакціи къ намъ, а въ другой въ Иринъ. Зародыши ея кроются въ животномъ эпосѣ орды. Одинъ въ такихъ зародышахъ я указалъ въ тюрко-монгольскихъ разсказахъ о львѣ (арсланѣ), который старается узнать, кто сильнѣе, арсланъ, или человѣкъ. Въ болѣе древнихъ редакціяхъ вместо льва, можетъ быть, стоялъ медвѣдь; сначала, подъ именемъ арслана понимали, можетъ быть, медвѣдя, потомъ стали понимать льва, а затѣмъ арсланъ превратилось въ имя богатыря Арслана (въ русской сказкѣ Ерусланъ или Урусланъ, который иѣсколько разъ задаетъ вопросы, есть ли кто его сильнѣе, и отъ одного сильваго соперника переходить для состязанія къ другому).

Кромѣ этого мотива съ именемъ Арсланъ былъ соединенъ другой—бой отца съ сыномъ, сначала не узнающихъ другъ друга (или бой дяди съ племянникомъ, старшаго брата съ младшимъ). Эта мотивъ народная память сохранила въ дюрбютской сказкѣ объ Иринѣ-Сайнѣ; въ одномъ мѣстѣ сказки племянникъ напускается на Иринѣ-Сайну, не зная, что это его дядя; въ другомъ Иринѣ-Сайнѣ вступаетъ въ бой съ своимъ старшимъ братомъ Арсланомъ, но узнавъ его; здѣсь народная память удержала и имя Арсланъ. Въ той же главѣ я указалъ на отголоски сказки объ Ерусланѣ въ монгольскихъ сказаніяхъ о Чингизѣ-ханѣ. Для облегченія этихъ сближеній я переосмотрѣлъ иѣсколько русскихъ сказокъ, объ Иванѣ-Пономаревичѣ и друг., въ которыхъ замѣчаются еруслановскіе мотивы. Въ настоящей статьѣ я хочу заняться еще четырьмя сказками, въ которыхъ также есть инциденты, сходные съ сказкой объ Ерусланѣ, тремя русскими: о Бурзѣ

1) Восточные мотивы въ средневѣковомъ европейскомъ эпосѣ, М. 1899, стр. 826—347.

Воловичъ, о царѣ Каприкѣ, и о Каролѣ и одной французской:
Jean de l'Ours.

Сказка „Бурза Воловичъ“, записанная Колосовымъ въ с.
Шалгѣ Каргопольск. у. ¹), заключаетъ въ себѣ слѣдующіе эпизоды съ мотивами изъ сказки объ Ерусланѣ:

1) Въ царствѣ родились три мальчика, которые, подросши, обнаруживаютъ необыкновенную силу; играя на улицѣ, кого хватить за руку — рука прочь, кого за ногу — нога прочь. Жители просятъ царя выслать богатырей изъ царства; царь отсылаетъ ихъ. Бурза Воловичъ не нашелъ себѣ въ царскихъ конюшняхъ подходящаго коня и уходитъ пѣшкомъ. Дорогой онъ встрѣчаѣтъ старуху; она направляетъ его къ дубу, подъ которымъ находится погребъ въ 40 саженей; въ томъ погребѣ стоять конь. Бурза Воловичъ вызвѣлъ его изъ погреба и поѣхалъ на немъ дальше.

Этотъ эпизодъ соотвѣтствуетъ началу сказки объ Ерусланѣ. Ерусланъ также оказался неудобнымъ для населенія вслѣдствіе своей необычайной силы (кого возьметъ за руку, у того руку вырвать, кого за ногу, тому ногу выломить ²), и царь высылаетъ его въ пустыню по настоянію жителей. Подобно Бурзѣ Воловичу онъ находитъ себѣ коня уже на пути въ изгнаніе, но на мѣстѣ старухи въ сказкѣ объ Ерусланѣ стоитъ царскій пастухъ.

2) Дальѣ каргопольская сказка разсказываетъ, какъ три брата Ѳдуть вмѣстѣ и видѣть „дубъ полунутрой, накиданъ целовѣцескихъ костей и лошадиныхъ“. Затѣмъ они встрѣчаютъ Издорище проклятое о трехъ головахъ. Бурза Воловичъ убиваетъ его; на другой день они наѣзжаютъ на два полунутройныхъ дуба съ человѣческими и лошадиными костями и Издорище съ шестью головами, на третій день три дуба и Издорище о девяти головахъ. Бурза Воловичъ убиваетъ и второго и третьаго Издорища. Пріѣзжаютъ братья въ городъ; оказалось, что царь обѣщалъ отдать дочь за того, кто убьетъ Издорищей. Бурза Воловичъ береть царевну и отдаетъ ее замужъ за старшаго своего брата Ивана Царевича.

Въ сказкѣ объ Ерусланѣ есть разсказъ о князѣ Иванѣ, русскомъ богатырѣ, который безуспѣшно бѣтается съ ратью Феодуламъ, добиваясь получить въ замужество его дочь. Ерусланъ убиваетъ змѣя и выдастъ его дочь за князя Ивана. Повидимому, каргопольский рассказъ объ Издорищахъ есть иначе редактированный эпизодъ съ Феодуломъ змѣемъ; князь Иванъ въ каргопольской сказкѣ явился подъ именемъ Иванъ-царевича, а Ерусланъ подъ видомъ Бурзы Воловича; въ сказкѣ объ Ерусланѣ родственныхъ отношеній между Ерусланомъ и княземъ Иваномъ не существуетъ; въ каргопольской сказкѣ ихъ замѣстители, Иванъ царевичъ и Бурза Воловичъ братья. Въ каргопольской сказкѣ три Издорища,

(¹ Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и слов. Акад. Наукъ, т. XVII, стр. 190.

(² Афанасьевъ, Народн. русскія сказки, М. 1897 г., т. II, стр. 441.

въ сказкѣ обѣ Ерусланѣ на ихъ мѣстѣ одинъ Феодуль-змѣй, но и здѣсь, кажется, число три участвовало въ тектоникѣ сказки; Ерусланъ, прежде чѣмъ доѣхать до князя Ивана, минуетъ сначала одно поле съ побитою ратью, потомъ другое; въ своей книгѣ „Восточные мотивы“ я высказалъ предположеніе, что Ерусланъ проѣхалъ не двѣ, а три побитыя рати, одну на третьемъ шаломянѣ (горномъ перевалѣ), другую на шестомъ и третью на девятомъ. Вмѣсто побитыхъ ратей или вмѣсто полей съ костями въ каргопольской сказкѣ явились три калиновыхъ моста и при нихъ полуунутрые дубы (сначала одинъ дубъ, потомъ два, потомъ три), закиданные человѣческими костями, а также и лошадиными, потому лошадиными, конечно, что рати были конныя.

3) Въ дальнѣйшемъ разсказъ Бурза Воловичъ видѣтъ богатырскіе слѣды, поѣхалъ по нимъ и догналъ богатыря; стали биться сначала копьами, потомъ тесаками, потомъ палицами. Сбила Бурза Воловичъ противника съ лошади, уперся ему колѣньями въ грудь и спрашивавшій, какого онъ рода, какого города, чей сынъ. „Побѣжденный богатырь отвѣчалъ ему такъ, какъ Сокольникъ Ильѣ Муромцу“. Оказалось, что это Василій Нянкинъ сынъ.

О рожденіи Бурзы Воловича каргопольская сказка разсказываетъ: поймали щуку и изжарили, а кишкі выбросили. Рыбу поѣли царыца и нянѣка, а кишкі съѣла корова. Всѣ трое заберемѣнѣли и родили трехъ малычиковъ; сына царыцы называли Иванъ-царевичъ, сына нянѣки Василій Нянкинъ сынъ, а сыва коровы Бурза Воловичъ. Слѣдовательно, Бурза если по матери и не братъ Ивану царевичу и Василію Нянкину сыну, то братъ по съѣденной щукѣ, и бой Бурзы Воловича и Василья есть поединокъ между двумя братьями. Это эпизодъ въ каргопольской сказкѣ, отвѣчающій разсказу о бой Урусзана Залазаревича съ своимъ сыномъ Урусланомъ Уруслановичемъ. Въ дюрбютской сказкѣ обѣ Иринъ-Сайнѣ это или разсказъ о бой Иринъ-Сайна съ своимъ племянникомъ или разсказъ о бой съ братомъ Арсланомъ²⁾). Здѣсь кстати замѣтить, что въ дюрбютской сказкѣ также три брата: Иринъ-Сайнѣ, Китынъ-Зеби и Китынъ-Арсланъ.

4) Бурза Воловичъ и Василій Нянкинъ сынъ ёдутъ и видятъ, идетъ на нихъ облако; это идетъ на нихъ сила Бабы-яги. Богатыри перебили эту силу; сама Яга-баба ушла подъ бѣлую плиту, въ нижний свѣтъ. Василій спускаетъ Бурзу Воловича въ нижній свѣтъ на ремнѣ; Бурза Воловичъ, спустившись, находитъ тамъ сначала дѣвицу, которая ткетъ; бросить утокъ, выскочить богатырь; Бурза убилъ и богатыря и дѣвицу; потомъ овъ находить

¹⁾ Сказка упоминаетъ только третій и девятый шаломянѣ; я думаю, шестой пропущенъ. (Восточные мотивы въ средневѣковомъ европейск. вѣсѣ. М. 1899, стр. 305).

²⁾ См. Восточн. мотивы, 288, 290.

дѣвицу, которая вышиваеть на пялахъ; взмахнетъ иголкой, выскочить богатырь; Бурза убиваеть и дѣвицу и богатыря; далѣе кузница и въ ней наковальня; взмахнетъ кузнецъ молотомъ, выскочить богатырь; Бурза убиваеть и кузнеца и богатыря. Послѣ того Бурза Воловичъ приходитъ въ хрустальное царство, гдѣ живеть сама Яга-баба; у ней находилась въ пѣнице царская дочь, унесенная съ верхняго свѣта и посаженная на цѣпь. Бурза Воловичъ разбилъ цѣпь и убилъ Ягу-бабу; Василій Нянкинъ сынъ вытащилъ ихъ на ремнѣ на верхъ; Бурза Воловичъ отдалъ спасенную царевну за Михаила царевича, брата Марыи царевны, жены Ивана царевича.

Эта вставка опять напоминаетъ эпизодъ о Феодулѣ-Змѣѣ, какъ и вставка, приведенная выше подъ № 2. Ерусланъ гонится за Феодуломъ, Феодулъ утекаетъ отъ него въ каменные городскія ворота; тутъ Ерусланъ разсѣкаетъ его надвое, береть его дочь и отдаеть замужъ за князя Ивана. Какъ въ сказкѣ объ Ерусланѣ, такъ и въ каргопольской сказкѣ главный герой убиваетъ злое существо, и найденную около него дѣвицу дѣлаеть женой своего товарища; Феодулъ-Змѣй въ каргопольской сказкѣ обратился въ Ягу-бабу, дочь его въ царевну-плѣницу; Яга-баба скрывается въ отверстіе подъ блѣющей плитой; въ сказкѣ объ Ерусланѣ какъ будто на мѣстѣ блѣющей плиты каменныя ворота, въ которыхъ утекаетъ Феодулъ-Змѣй. Освобожденная царевна, выданная за Михаила царевича (который тутъ на мѣстѣ князя Ивана), замѣтила, что онъ не налюбуется на ея красоту, говорить ему: „Какая у меня красота, какая у меня лѣпота! Вотъ у царя Ахрамея есть дочь Марья царевна,—то красавица!“ Бурза Воловичъ услышалъ эту рѣчь и поѣхалъ къ царю Ахрамею. Эпизодъ каргопольской сказки закончился совершенно такъ же, какъ эпизодъ о князѣ Иванѣ; князь Иванъ, только что женившійся на дочери Феодула-Змѣя, задаетъ ей вопросъ, есть ли кто ея краше? на что та отвѣчаетъ, что краше ея двѣ дѣвицы, кочующія въ полѣ, и Ерусланъ, слышавшій эти рѣчи, ёдетъ искать этихъ дѣвичъ. Въ каргопольской сказкѣ Бурза Воловичъ на пути къ хрустальному царству Яги-бабы встрѣчаетъ двухъ дѣвичъ, и обѣихъ убиваетъ. Это можетъ быть тѣ дѣвицы, которыхъ ёдетъ искать Ерусланъ и которыхъ кочуютъ въ полѣ; Ерусланъ, подобно Бурзѣ Воловичу, убиваетъ ихъ; разница однако въ томъ, что въ каргопольской сказкѣ дѣвицы встрѣчены на пути къ Яги-бабѣ, а Ерусланъ ёдетъ искать ихъ послѣ того, какъ убилъ Феодула-Змѣя, и кромѣ того Ерусланъ убиваетъ ихъ по другой причинѣ: онъ спрашивается одну дѣвицу, потомъ другую, есть ли кто его сильнѣе, и обѣ отвѣчаютъ, что Ивашка, егорожъ индѣйскаго царства, сильнѣе его; это показалось Еруслану обиднымъ, и онъ убиваетъ ихъ одну за другой; затѣмъ онъ спрашиваетъ третью дѣвицу, и та даетъ ему такой отвѣтъ, что онъ оставляетъ ее въ живыхъ. И здѣсь, какъ

въ каргопольской сказкѣ, число три завершено, только третій членъ совершенно въ иной родѣ; въ сказкѣ объ Ерусланѣ это третья дѣвица, въ каргопольской—кузнецъ.

5) Бурза Воловичъ перелетѣлъ черезъ непроходимыя топи въ царство Ахрамея на птицѣ Ногуѣ; царство было одержимо змѣемъ-людоѣдомъ, который ежедневно выходилъ изъ моря; люди стали уже кидать жребій, кому итти на съденіе къ змѣю; царь объявилъ, что отдастъ свою дочь за того, кто убьетъ змѣя; Бурза Воловичъ пошелъ за царевну ночь спать на берегъ; вскорыбѣлось море и вышелъ змѣй; Бурза Воловичъ сталъ бить его оловяннымъ прутомъ; змѣй сталъ просить пощады и пообѣщалъ богатырю драгоценный камень о сени стахъ ставкахъ, который дѣластъ человѣка невидимымъ. Бурза Воловичъ взялъ камень, змѣя все таки убилъ и женился на дочери царя Ахрамея.

Этотъ послѣдній эпизодъ каргопольской сказки почти вполнѣ совпадаетъ съ предпослѣднимъ эпизодомъ сказки объ Ерусланѣ. Въ спискѣ Ундорльскаго дѣло происходитъ въ индѣйскомъ царствѣ, въ лубочномъ—въ царствѣ Вахрамея, въ которомъ нельзя не узнать каргопольского Ахрамея. Царство индѣйское или царство Вахрамея также одержимо змѣемъ, который скрывается въ озерѣ; по жребію очередь итти на съденіе пала на дочь царя, она уже отвезена на берегъ, Ерусланъ бѣется съ змѣемъ, уходить съ нимъ на дно озера, убиваетъ змѣя и выходить изъ воды съ самоцвѣтными каменемъ.

Далѣе въ сказкѣ объ Ерусланѣ идетъ разсказъ о его поѣздкѣ въ Солнечное царство, о женитьбѣ на Солнечной царицѣ и о поединкѣ съ сыномъ. Каргопольская сказка не знаетъ этого эпизода, но слѣдѣ существованія его въ первоначальной редакціи сохранился въ разсказѣ о поединкѣ Бурзы Воловича съ братомъ Васильемъ Нинькинымъ сыномъ; поединокъ отца съ сыномъ здѣсь замѣненъ поединкомъ между братьями; тема эта изъ конца сказки перенесена въ середину ея, и лишена той обстановки, которую она могла бы удержать, если бы явилась на своеиѣ мѣстѣ, послѣ освобожденія обреченной змѣю царевны; вслѣдствіе такого переноса поединка въ другое мѣсто сказки, драгоценный камень, добытый Бурзой Воловичемъ на днѣ моря, явился въ сказкѣ праздной подробностью.

Не на своемъ мѣстѣ въ каргопольской сказкѣ также и Ногуй-птица. Въ сказкѣ объ Ерусланѣ, въ спискѣ Ундорльскаго, птица Хохотунъ переноситъ Еруслана, но не въ царство индѣйское, которое въ этомъ спискѣ стоитъ на мѣстѣ царства Ахрамея, а въ царство Зеленаго царя Огненный Щитъ, разсказа о которомъ и о добываніи желчи изъ его печени въ каргопольской сказкѣ совсѣмъ вѣтъ.

Сдѣланное сравненіе каргопольской сказки съ сказкой объ Ерусланѣ убѣждаетъ, что это одна и та же сказка. Тутъ мы нахо-

димъ сходство и въ сюжетахъ отдельныхъ эпизодовъ (удаленіе богатыря изъ царства вслѣдствіе его невыносимой силы, умерщваніе злого существа и отдача найденной подъ него дѣвицы замужъ за товарища, поединокъ съ близкимъ родственникомъ по недоразумѣнію, освобожденіе царевны, обреченной змѣю), и сходство въ деталяхъ (вопросъ, есть ли дѣвица еще краше, птица переносящая богатыря на себѣ въ другое царство, драгоцѣнныій камень, отнятый у змѣя), и даже сходство въ послѣдовательности эпизодовъ, хотя и не полное, сходство только до нѣкоторой степени. Наконецъ мы находимъ тутъ и вѣкоторыя сходныя имена: Ахрамей въ каргопольской сказкѣ стоитъ на мѣстѣ Вахрамея, Иванъ-царевичъ на мѣстѣ князя Ивана; Ерусланъ явился подъ именемъ Бурзы Воловича. Если въ имени Бурзы откинуть инициалъ, то это имя близко подойдетъ къ первой половинѣ имени Ерус-ланъ (или Урус-ланъ, какъ въ спискѣ Ундовльскаго). Второй членъ, Воловичъ, конечно, можетъ намекать на происхожденіе богатыря отъ коровы, но ему приличнѣе было бы называться „коровыимъ сыномъ“; Воловичъ не совсѣмъ основательно; зачать онъ отъ съѣденной щуки, слѣдовательно воль не былъ его отцомъ. Въ виду такой сомнительности этого имени можно думать, что оно получило настоящий свой видъ только въ позднєе время, что за нимъ скрывается другое имя архаическое и можетъ быть варварское ¹⁾.

Чтобы не нарушить цѣлостности сравненія каргопольской сказки со сказкой объ Ерусланѣ, я при обзорѣ эпизодовъ каргопольской сказки нѣкоторыя детали опустилъ. Теперь я возвращаюсь къ первому ея эпизоду, чтобы изложить его въ его полнотѣ.

Сказка начинается разсказомъ о царѣ, который молить Бога о дарованіи ему дѣтей; во снѣ онъ получиль указаніе, что онъ долженъ закинуть въ океанъ неводъ и, что поймасть, тѣмъ покормить царицу. Попалась шука; изжарили ее, и царица съѣла рыбу; часть рыбы съѣла инянька, а выброшенныя кишкы съѣла корова. Родилось три мальчика: Иванъ царевичъ, Василій Нянькинъ сынъ и Бурза Воловичъ. Такъ какъ зачатіе ихъ было отъ одной причины, то сказка называетъ ихъ братьями. Три брата єдутъ, доѣзжаютъ до калиноваго моста; тутъ они ночуютъ; ночью по мосту єдетъ Издорище трехголовое; Бурза Воловичъ выскакиваетъ изъ-подъ моста и убиваетъ его. На вторую ночь онъ тоже на мосту убиваетъ другое Издорище, на третью убиваетъ третье Издорище. Тому, кто убьетъ Издорищей, обѣщана Марья царевна. Бурза Воловичъ беретъ ее и женитъ на ней Ивана царевича. Марья царевна оказалась въ родѣ Брунигильды: это было поленица. Она положила ночью на Ивана царевича свою руку и едва его не задушила. На слѣдующую ночь вместо Ивана царевича въ ея

¹⁾ Впрочемъ въ русской сказкѣ „Иванъ Быкошъ“ тоже сынъ не быка, а родился у коровы отъ съѣденной ухи.

спальню идеть Бурза Воловичъ и бить ее сначала желѣзными прутьями, потомъ мѣдными, потомъ оловянными; царевна взмолилась, но когда Бурза Воловичъ пришелъ къ ней на другую ночь, она обрубила ему ноги, а мужа заставила коровъ пасти. Бурза Воловичъ подружился съ братомъ Мары царевны, Михайломъ цавевичемъ, которому алая сестра обрубила руки и выколола глаза. Михайло царевичъ сталъ возить на себѣ Бурзу Воловича. Нашли богатыри колодезь съ живой водой, искупались въ его водѣ, и исцѣлились; напились воды, и у нихъ силы прибыло. Далѣе идеть разсказъ о поединкѣ съ Василіемъ Ниякиннымъ сыномъ, обѣ освобожденія царевны, находившейся въ плѣну у Яги-бабы, и о царствѣ Ахрамея. Въ концѣ сказки сказано, что Бурза Воловичъ далъ Ивану царевичу живой воды, и онъ сталъ сильнѣе своей жены.

Въ этомъ эпизодѣ каргопольской сказки мы находимъ мотивы русской сказки „Буря-богатырь, коровий сынъ”¹⁾. Царица, кухарка и корова зачинаютъ отъ ухи изъ щуки; рождаются царевичъ, кухаревичъ и Буря-богатырь, коровий сынъ. Далѣе слѣдуетъ разсказъ о боя Бури-богатыря съ тремя змѣями на мосту въ то время, какъ братья спятъ. Далѣе идеть разсказъ, которому нѣть ничего отвѣчающаго въ каргопольской сказкѣ, разсказъ о погонѣ за братьями змѣи, матери убитыхъ змѣевъ, и о кузницѣ, въ которую братья спасаются. За этимъ эпизодомъ опять начинается совпаденіе съ каргопольской сказкой. Буря богатырь идетъ въ индѣйское царство добывать для царевича невѣсту, индѣйскую паревну. Царевна выходитъ за царевича, кладетъ на него руку и начинаетъ его душить; Буря-богатырь идетъ на мѣсто царевича и укрошасть царевну, подобно Бурзѣ Воловичу. Тотъ же сюжетъ въ русской сказкѣ о Никитѣ Колтомѣ, который помогаетъ царю жениться на Еленѣ прекрасной²⁾. Елена кладетъ руку на своего мужа и тотъ едва выносить ея тяжесть; Колтома замѣняетъ царя и укрошасть богатыршу; разобиженная Елена мстить Колтою и велить обрубить ему ноги, а мужа дѣлаетъ пастухомъ коровъ. Безногаго Никиту Колтому носить на себѣ Тимофей Колтома, его братъ, которому Елена приказала выколоть глаза. Баба-яга указала имъ колодезь съ живой водой, и богатыри исцѣли одинъ свои глаза, другой ноги. У Колтомы была шапка-невидимка, которую онъ надѣваетъ, когда онъ долженъ бытъ натянуть лукъ; судя по другому варианту, лукъ долженъ бытъ натянуть самъ царь, но въ дѣйствительности это дѣлаетъ его товарищъ, и шапка-невидимка должна была скрыть обманъ. Въ каргопольской сказкѣ нѣть шапки-невидимки, но въ послѣднемъ эпизодѣ о царствѣ Ахрамея

¹⁾ Афанасьевъ, т. I, № 76, стр. 154.

²⁾ Афанасьевъ, I, № 116, 6, стр. 343.

Бураа Воловичъ овладѣаетъ камнемъ - невидимкой, который однако ему ни къ чему не служить.

Такое же чудесное зачатіе, какъ въ каргопольской сказкѣ, и въ бѣлорусской у Шейва „Сучкинъ сынъ“¹⁾). Три брата зачата отъ рыбной ухи; одинъ родился отъ царицы, другой отъ кухарки, третій отъ суки. Три брата поселяются въ пустой избѣ въ полѣ; каждый день въ избу приходитъ чудовище Самъ Скокыцъ, борода зъ ложыцъ, а носъ съ сажень и избиваетъ сначала царевича, потомъ кухаркина сына, но отъ Сучкина сына чудовище само терпитъ побои и уходить въ подземный міръ; братья спускаются Сучкина сына въ подземелье, гдѣ онъ освобождается трехъ царевенъ²⁾.

Эту сказку мы находимъ вставленной въ каргопольскую въ видѣ эпизода о Ягѣ-бабѣ, послѣдняя на мѣстѣ чудовища Самъ-Скокыца. Эти отношенія яснѣѣ выступаютъ при сравненіи каргопольской сказки съ малорусской о двухъ братьяхъ Иванѣ Сухобродзенко и Васильѣ Сухобродзенко. Иванъ занимаетъ мѣсто Еруслана и Бурзы Воловича, на мѣстѣ князя Иава и можетъ быть Василья Нянкина сына; Васильѣ бьется семь лѣтъ съ бабой, которая здѣсь на мѣстѣ Феодула змѣя; Иванъ Сухобродзенко наѣзжаетъ въ полѣ на Васильѣ и сначала бьется съ нимъ (въ каргопольской сказкѣ это поединокъ Бурзы Воловича съ Васильемъ Нянкинымъ сыномъ); потомъ они братаются и вѣдуть вмѣстѣ противъ бабы; баба утекаетъ въ нору. Иванъ спускается за ней на канатѣ убиваешь бабу, выносить ея дочку на верхъ и отдаешь за брата Василья. Жена Василья говорить ему, что ея сестра краше ея; Иванъ Сухобродзенко подслушалъ и Ѳдетъ отыскивать ее³⁾.

Большое сходство приведенныхъ устныхъ сказокъ о дающей чадородіе ухѣ съ книжною обѣ Ерусланѣ вызываетъ вопросъ обѣ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Каргопольская сказка о Бурзѣ Воловичѣ занимаетъ середину между сказкой обѣ Ерусланѣ и другими устными сказками, какъ напр. „Буря богатырь“, „Сучкинъ

1) Сборн. отд. словесн. Акад. наукъ, т. VII, Спб., 1893, стр. 102.

2) Тотъ же сюжетъ у Худякова, в. II: № 42, „Усына“ (подземное чудовище назыв. Усына, самъ съ ноготъ, борода съ ложью, усы по землѣ ташатъ; это — змѣй о 12 головахъ; наѣ подземного царства Ивана царевича выносить баба птица, стр. 14), № 43 „Арикадъ царевичъ“ (вмѣсто подземелья — гора, куда царевичъ занесъ Бихорь; царевичъ скватился за тросточку, которую держали Бихорь и съ которой полетѣлъ подъ облака), № 45 „Иванъ Кобыльѣ сынъ“, и № 46 „Иванъ Кошкинъ, Иванъ Дѣвкинъ и Иванъ Царичъ“; у Манжуромъ (Сказки, пословицы и т. п. запись, въ Екатериносл. и Харьк. губ., Харьковъ 1890 г.; помѣщ. во II томѣ Сборника Харьк. истор.-филологич. Общества); „Марко Сучченко“ (стр. 24), „Иванъ Царевичъ та Иванъ Кухаревичъ“ (стр. 28), и „Кыріакъ, Кобыльчай сынъ, Верныдубъ, Верныгора та Прутмыусъ“ (стр. 43—45); Кыріакъ ухватился за дубъ, съ которымъ лѣтѣлъ змѣй и тотъ таинъ образомъ вынесъ его изъ подземелья ваверхъ.

3) Чубинскій, II, № 80, стр. 308.

сынъ" и "Сухобродзенко". Она представляется составленной изъ этихъ сказокъ, и въ то же время эта комбинація очевь напоминаетъ комбинацію Еруслава. И "Бурза Воловичъ" и "Ерусланъ"— своды изъ однѣхъ и тѣхъ же сказокъ, и имевно изъ трехъ сказокъ: 1) сказки о коровьемъ сынѣ, убивающемъ змѣя или трехъ змѣевъ и добывающемъ дѣвицу (Буря богатырь), 2) сказки о коровьемъ сынѣ, спускающемся въ подземный міръ и освобождающемъ царевну (Сучкинъ сынъ, монгольск. сказка о Масангѣ), и 3) о богатыре, освобождающемъ царевну, обреченную на същеніе. Въ "Бурзы Воловичъ" эпизоды еще сохранили ясныя черты сказокъ, отъ которыхъ они произошли; въ "Ерусланъ" эти черты болѣе стерты.

Такъ, безъ посредства "Бурзы Воловича" трудно было бы догадаться, что эпизодъ о Феодулѣ-змѣѣ въ Ерусланѣ имѣть отношеніе къ сказкѣ о коровьемъ сынѣ, спускавшемся въ подземный міръ. Послѣдовательность нужно установить такую: сначала отдѣльные сказки, потомъ своды въ родѣ "Еруслана" или "Бурзы Воловича". Въ сказкахъ, послужившихъ материаломъ для этихъ сводовъ и сохранившихся еще въ устахъ народа, мы ясно замѣчаемъ тектоническую гармонію; въ сводѣ "Бурза-Воловичъ" эта гармонія уже разрушается, а въ "Ерусланѣ" ее еще менѣе замѣтно. Если вѣрно наше представление, что сказки: "Буря-богатырь", "Сучкинъ сынъ", "Сухобродзенко" если не тѣ самыя сказки, изъ которыхъ построены своды "Ерусланъ" и "Бурза Воловичъ", то варианты тѣхъ сказокъ,— то въ сказкѣ обѣ Ерусланѣ нельзя будеть видѣть заимствованіе отдѣльного памятника изъ какой-то чуждописьменности. Она принадлежитъ намъ вмѣстѣ съ цѣлымъ комплектомъ сказокъ и ихъ вариантовъ.

Въ другой сказкѣ "Царь Каприкъ", записанной Колосовымъ тамъ же,¹⁾ два эпизода изъ сказки обѣ Ерусланѣ: 1) поѣзда за средствомъ для исцѣленія отца и 2) освобожденіе обреченной змѣю дѣвицы. У царя Каприка три сына; младшій Иванъ-царевичъ. Царю захотѣлось помолодѣть; онъ посылаетъ старшаго сына Царь-дѣвицѣ за живой водой и "морожлявой" яблоней (Колосовъ поправляетъ моложавой, молодящей). Сынъ ёдетъ, встрѣчаетъ "огненное пламя" и ложится тутъ спать. Ёдетъ второй сынъ, доѣзжаетъ до огненнаго пламени и не узнаетъ брата. Враждебное между ними столкновеніе; второй братъ вышибъ изъ сѣдла первого; вопросъ о родѣ-племени. Оба брата ложатся спать у огненнаго пламени. Третій сынъ доѣзжаетъ до пламени и не узнаетъ братьевъ; бой между ними; младшій побѣждаетъ. Вопросъ обѣ имени. Отвѣтъ: когда-бъ... (и пр., какъ въ былинахъ).²⁾ Иванъ-

¹⁾ Сборникъ отдѣленія русск.яз. и словесн. И. Академія Наукъ, т. XVII, Спб. 1877, стр. 205.

²⁾ Такое краткое изложеніе сказки дано самимъ Колосовымъ.

царевичъ перескочилъ черезъ пламя. На той сторонѣ онъ встрѣчаетъ одну послѣ другой трехъ старухъ; одна дарить ему щетку, другая кремень, третья ширинку, крыику масла и крестикъ. Далѣе онъ встрѣчаетъ заставы: кота-вахиря и богатыря въ шесть сажень высоты. Коту отдаётъ масло, богатырю крестикъ и получаетъ пропускъ. Доѣзжаетъ до Царь-дѣвицы, достаетъ живой воды и яблокъ, спить съ дѣвицей и отѣзжаетъ; Царь-дѣвица съ 33 дѣвицами-богатырями говится за нимъ; онъ бросаетъ щетку, становится лѣсь, броненый кремень обращается въ каменную стѣну, ширинка въ огненную рѣку. Спасшись отъ погони, онъ ложится отдохнуть на берегу моря; братья кладутъ его спящаго въ осину и бросаютъ въ море. Осину прибило къ острову; здѣсь дочь царя обречена ва съѣденіе змѣю. Иванъ-царевичъ засыпаетъ около иея, но когда змѣй вышелъ, пробуждается отъ горячей слезы царевны и убиваетъ змѣя. Слѣпой и безногій зарѣзали Ивана-царевича и выдали себя за спасителѣй царевны; царевна нашла тѣло убитаго царевича и подлѣ него живую воду и оживила его. Иванъ-царевичъ возвращается къ отцу и находитъ тамъ Царь-дѣвицу съ двумя сыновьями.

Ерусланъ въ этой сказкѣ выступаетъ подъ именемъ Ивана-царевича, который, какъ и Бурза Воловичъ, имѣть двухъ старшихъ братьевъ. Эпизодъ о Царь-дѣвицѣ—это поѣздка Еруслана къ Зеленому царю, Огненный Щитъ-Пламенное Копье; живая вода и молодильные яблоки, то есть средства противъ старости, на мѣстѣ желчи изъ печени царя Огненный Щитъ, которая возвращаетъ потухшее зрѣніе, т. е. служить противъ одной изъ немощей старости. Царь-дѣвица на мѣстѣ царя Огненный Щитъ; „огненное пламя“ каргопольской сказки, конечно, отголосокъ имени царя; Огненный Щитъ жжетъ своими лучами приближающихся къ нему; въ каргопольской сказкѣ Царь-дѣвицѣ такого свойства не приписано, но въ сходной смоленской сказкѣ объ Игрѣ,¹⁾ добывающемъ живую воду, Царь-дѣвица имѣть въ рукахъ щитъ, который жжетъ своими лучами. Въ каргопольской сказкѣ „огненное пламя“ явилось въ видѣ огражденія царства Царь-дѣвицы; богатыри доѣзжаютъ до него и далѣе, повидимому, вѣхать не рѣшаются, только Иванъ-царевичъ сумѣль перелетѣть черезъ него²⁾.

Ерусланъ на дорогѣ къ царю Огненный-Щитъ встрѣчаетъ стадо птицъ хохотуней, и одна изъ нихъ переносить его въ царство Огненнаго-Щита. Объ Иванѣ-царевичѣ только глухо сказано, что онъ перелетѣль черезъ пламя, а на чёмъ, на ковѣ или на птицѣ, не объяснено. Въ сказкѣ „Бурза Воловичъ“ есть птица; Бурза

¹⁾ Добровольскій, Смоленскій Сборникъ, Спб., 1891, ч. I, стр. 505.

²⁾ Жилище валыжиріи Бруннагильды было окружено со всѣхъ сторонъ пламенемъ. Конь Гунвара (Гунтера) неайдеть. Сигурдъ принялъ видъ Гунвара и на конѣ Грані проицался черезъ пламя.

зетить на Ногуй-птицѣ, но этотъ мотивъ помѣщенъ не въ отвѣ чающемъ эпизодѣ, а именно, онъ вставленъ въ поѣздку Бузы въ царство Ахрамея, т. е. въ эпизодѣ о царевнѣ, обреченной на съѣденіе змѣю. Связь этого мотива—летаніе на птицѣ или конѣ—со сказкой о заточенной царевнѣ пользуется большимъ распространениемъ, и потому появленіе птицы, несущей богатыря, въ эпизодѣ обѣ обреченной змѣю царевнѣ имѣло столько же шансовъ, какъ и въ эпизодѣ о Царь-дѣвицѣ.

Въ смоленской сказкѣ живую воду привозить Игръ; у царя три сына, Игръ изъ нихъ младшій; они поочередно объѣзжаютъ царство, но объѣхать удается только младшему. Игръ совершаєтъ объѣздъ на конѣ, которого ему указалъ встрѣтившійся ему человѣкъ; Игръ самъ поймалъ коня, когда тотъ прибѣжалъ къ криницѣ пить. Ловля коня описывается и во всѣхъ вариантахъ сказки обѣ Еруслаахъ; Ерусланъ тоже самъ ловить, чѣмъ онъ отличается отъ монгольского богатыря Иринъ-Сайна, для которого коня ловить царскій пастухъ; въ русской сказкѣ царскій пастухъ только указываетъ, гдѣ и котораго поймать коня. Пастухъ по большей части называется Ивашкой; въ смоленской сказкѣ въ эпизодѣ съ конемъ также упоминается „Ивашка, сѣрая сиримяжка“, но онъ въ ловлѣ коня не участвуетъ ни дѣйствіемъ, ни совѣтомъ. Вѣроятно, сказка забыла значение Ивашки; вѣроятно, онъ-то, а не другой какой-то человѣкъ, какъ разписано въ сказкѣ, указалъ Игру, гдѣ добыть коня. Игръ ловить коня у криницы; и Ерусланъ также ловить своего коня, когда тотъ пришелъ на водопой. Этотъ эпизодъ ужо даетъ поводъ подозрѣвать, что Игръ одно лицо съ Ерусланомъ.

На пойманномъ конѣ Игръ ѿдѣть въ „Царь-городъ“; дорогой онъ проѣзжаетъ мимо трехъ дѣвицъ, которыхъ даютъ ему совсѣмъ взять въ Царь-городъ живой и мертвой воды. Въ Царь-городѣ онъ находитъ спящую царевну и оставляетъ на ея груди надпись: „быть чужеземецъ“. На обратномъ пути, перескакивая черезъ стѣну, конь задѣлъ ногой за протянутыя струны; въ городѣ поднялась тревога, дѣвница пробудилась и погналась за Игромъ стъ огненнымъ щитомъ въ рукѣ, который за лѣвнадцать верстъ печеть. Игръ махнулъ полотенцемъ, даннымъ ему одной изъ придорожныхъ дѣвицъ, и явилась рѣка. Послѣ того братья нашли Игра спящимъ и столкнули въ подземное царство. Здѣсь царевна обречена на съѣденіе Чуду; Игръ засыпаетъ около царевны, пробуждается отъ ея горячей слезы и убиваетъ Чуду; но Банька бросаетъ сонного Игра въ воду и присвоиваетъ его подвигъ себѣ; царевна выневодила тѣло Игра, нашла на немъ пузырьки съ живой и мертвой водой и оживила богатыря.

Сказка „Царь Каприкъ“ и сказка обѣ Игра почти тождественны; обѣ онѣ состоять изъ двухъ одинаковыхъ эпизодовъ: 1) поѣздка къ Царь-дѣвицѣ и 2) освобожденіе обреченной змѣю царевны.

Оба эпизода въ обѣихъ сказкахъ въ деталяхъ почти вполнѣ со-впадаютъ. Обѣ сказки начинаются съ того, что у царя три сына, только въ сказкѣ объ Игрѣ царь не отдаетъ приказанія добыть живой воды; вода все таки тутъ есть; она нужна была редакції, потому что потомъ она пригодится для спасенія самого Игра.

Тѣ же два эпизода находятся и въ сказкѣ объ Ерусланѣ. Эпизоду о Царь-дѣвицѣ въ Ерусланѣ отвѣчаетъ поѣздка Еруслана за цѣлительной желчью Зеленаго царя-Огненнаго Щитъ; второй эпизодъ еще яснѣе усматривается въ разсказѣ объ индѣйскомъ царствѣ. У приведенныхъ выше сказокъ съ Ерусланомъ есть много общихъ деталей, и не только деталей, которыя имѣютъ большое распространеніе, каковы напримѣръ сонъ богатыря около царевны, обреченной на съѣденіе змѣю, пробужденіе отъ ея горячей слезы, упавшей спящему на щеку; эти подробности повсюду сопутствуютъ сюжету о царевнѣ, обреченной змѣю. Но есть детали, имѣющія ограниченное распространеніе, а нѣкоторыя даже какъ бы ограниченное варіантами Еруслана, одвако и такія встрѣчаются въ сказкѣ „Царь Каприкъ“ и въ сказкѣ объ Игрѣ. Огненный жгущій щитъ не принадлежитъ къ образамъ распространеннымъ; въ Ерусланѣ мы имѣемъ царя-Огненный Щитъ, который жжетъ, и въ сказкѣ объ Игрѣ также мы имѣемъ жгущій огненный щитъ; это указываетъ на особенную близость этихъ сказокъ.

Другая подробность въ сказкѣ объ Игрѣ, постоянно встрѣчающаяся въ варіантахъ сказки объ Ерусланѣ—это ловля коня, о которой уже было сказано выше.

Въ сказкѣ „Царь Каприкъ“ вмѣсто огненного щита огненное пламя; ловли коня нѣтъ, но за то есть другія черты, сильно вамекающія на Еруслана; младшій братъ наѣзжаетъ на спящаго въ степи старшаго, не узнаетъ его, ложится возлѣ него спать, а пробудившись, богатыри вступаютъ въ бой. Этотъ мотивъ, не знаю, встрѣчающейся ли въ сказки объ Ерусланѣ, тѣсно придвигаетъ сказку „Царь Каприкъ“ къ сказкѣ объ Ерусланѣ¹⁾.

Послѣ сдѣланного обзора и сравненія приведенныхъ сказокъ можно составить себѣ такое иѣнѣе о составѣ сказки о Ерусланѣ; въ составѣ ея вошли три сказки: 1) о Царь-дѣвицѣ и добываніи цѣлебнаго средства, 2) о царевнѣ, заточенной чудовищемъ въ подземномъ мірѣ, и богатырѣ коровьемъ сынѣ, освобождающемъ ее, и 3) о царевнѣ, обреченной на съѣденіе змѣю. Сказки эти живутъ и доселе въ памяти народа въ отдѣльныхъ редакціяхъ, и эти отдѣльные редакціи цѣлѣнѣ и полнѣе деталями, чѣмъ эпизоды

¹⁾ Богатырь, наѣзжающій на спящаго другого богатыря, вступающій въ поединокъ съ нимъ и потомъ узнавающій въ немъ своего сына, находится въ монгольской сказкѣ о Дзалута-мэргэвѣ (Очерки с.-з. Монг., IV, 508, 509); къ этой сказкѣ я еще вернусь ниже при разборѣ французской сказки: Jean de l'Ourse.

сказки объ Ерусланѣ. По этимъ отдельнымъ сказкамъ можно не то чтобы возстановить самую древнюю редакцію сказки объ Ерусланѣ—можетъ быть нынѣ существующая редакція и есть древнейшая,—а составить новую редакцію, такъ сказать „исправленную и дополненную по источникамъ“¹⁾. Такъ, напримѣръ, во всѣхъ сказкахъ, перебранныхъ нами выше, въ „Царѣ Каприкѣ“, въ „Бурзѣ Воловичѣ“, въ „Бурѣ богатырѣ“, въ „Игрѣ“—говорится о трехъ братьяхъ; въ сказкѣ объ Ерусланѣ братьевъ у Еруслана нѣтъ. Согласно съ этими сказками исправленную и дополненную сказку объ Ерусланѣ также можно было бы начать разсказомъ о рождениѣ трехъ братьевъ; Ерусланъ изъ нихъ младшій. Что это очень древнее представление, объ этомъ свидѣтельствуетъ то, что въ дюрютской сказкѣ объ Иринѣ-Сайнѣ, въ которой содержатся намеки на Еруслана²⁾, у Иринѣ-Сайна есть два брата. Сказка, правда, не начинается разсказомъ о рождениѣ трехъ сыновей у царя; напротивъ, она разсказывается, что у царя родился одинъ сынъ Иринѣ-Сайнѣ, но въ дальнѣйшемъ текстъ сообщается, что было три брата: Китынъ-Зеби, Китынъ-Арсланъ и Иринѣ-Сайнѣ. Иначе въ монгольской повѣсти о Гэсэрѣ; ова начинается разсказомъ о трехъ сыновьяхъ царя, но не земного царя, а царя веба; младшій изъ вихъ спускается на землю и здѣсь воплощается, рождается чудеснымъ образомъ отъ дѣвицы; это и есть Гэсэръ; собственно, исторія самого Гэсвра начинается разсказомъ о рождениѣ только его одного, какъ и сказкѣ объ Иринѣ-Сайнѣ³⁾. Можетъ быть и эта послѣдняя имѣла подобную подставку, въ которой была разсказъ о трехъ небесныхъ братьяхъ, но эта подставка отвалилась. Такую же судьбу можно подозрѣвать и у сказки объ Ерусланѣ; она также, можетъ быть, начиналась разсказомъ о трехъ небесныхъ братьяхъ, изъ которыхъ младшій народился на землѣ (сыномъ Лазаря или царя Каприка).

Это кажется мнѣ тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что сказка объ Игрѣ, на взаимныя отношенія которой со сказкой объ Ерусланѣ только что было указано, представляеть пересказъ одной главы изъ повѣсти о Гэсэрѣ, именно главы о Гумэнѣ-ханѣ. Повѣсть о Гэсэрѣ начинается съ того, что царь неба посыпаетъ поочередно трехъ своихъ сыновей обѣхать землю; два старшихъ не могутъ этого исполнить, можетъ только младшій, который ниже въ повѣсти будетъ действовать подъ именемъ Гэсера. Въ смоленской сказкѣ царь посыпаетъ трехъ своихъ сыновей обѣхать царство, два старшихъ не могутъ, удается это только младшему Игру; съдовательно, Игрѣ—это Гэсэръ. Далѣе, въ отдельной главѣ о Гэсэрѣ говорится, что онъ призванъ исцѣлить царя Гумэнѣ-хана,

¹⁾ См. Вост. мотивы, 288 и 292.

²⁾ Младшій изъ трехъ вебесныхъ братьевъ, явишійся на землѣ подъ видомъ Гэсвра, и имя носить особое.

который впалъ въ венощь; Гесарь поднимается по лѣстницѣ на небо, подпаиваетъ небожительницу, у которой хранились талисманы (эрдени), и во время ея сна похищаетъ эти талисманы. Небожительница просыпается, замѣчаетъ покражу, сердится и въ сердцахъ разливаетъ по небу молоко изъ своихъ грудей; образовался Млечный путь. Въ смоленской сказкѣ Игръ ёдетъ въ Царь-городъ, гдѣ находить спящую дѣвицу; о городской стѣнѣ въ передний путь ничего не сказано, но въ обратномъ пути онъ долженъ быть перескочить черезъ стѣну; конечно, и въ передний путь онъ долженъ быть перескочить или перелѣзть черезъ нее. Пользуясь тѣмъ, что дѣвица спитъ, онъ взялъ у неї живой и мертвей воды ¹⁾). Когда онъ сталъ удаляться, царевна проснулась и бросилась вслѣдъ за нимъ; Игръ взмахнулъ полотенцемъ, обраловалась рѣка; тогда дѣвица взмахнула полотенцемъ, сдѣлалась мостъ ²⁾); Игръ проѣхалъ по нему, а дѣвица не могла. Тутъ путаница: вовсе не въ интересахъ погони было устраивать мостъ черезъ рѣку, напротивъ, ей нужно задержать бѣглеца; рѣка, новидимому, возникла впереди Игра, потому что онъ долженъ по мосту перебѣжать черезъ нее въ дальнѣйшемъ своемъ бѣгствѣ; редакція не сообразила, что для Игра было бы выгоднѣе, если бы рѣка возникла сзади его. Можетъ быть, это мѣсто должно быть

¹⁾ Въ трансильванской сказкѣ (Сосюш, II, 71) герой проникаетъ въ жилище спящей принцессы черезъ пору, которую дѣлаютъ его товарищи и три гиганта; въ покое принцессы онъ пьетъ три раза изъ фляги вино, береть кольцо съ руки принцессы, закалываетъ шагай одного за другимъ трехъ гигантовъ въ то время, какъ они лѣзли по той же порѣ. Рассказъ напоминаетъ сїверную сагу о Суттунговомъ винѣ: Однажды проникаетъ въ жилище Гулады черезъ пору, просверленную Бойтіемъ, и выпиваетъ три глотка вина; въ сагѣ пѣть смерти трехъ гигантовъ, но есть смерть девяти косцовъ; Бойтію приписано памѣрение заключить (Одна сверломъ въ то время, когда овъ будетъ лѣзть по порѣ (см. Вост. мотивы, 266)). Въ кельтскомъ романѣ Парсиваль наѣзжаетъ на замокъ спящей дѣвицы, снимаетъ съ ея руки кольцо и береть себѣ, а свое ей оставляетъ. Для изучающаго сказку объ Еруслаѣ въ ряду темъ, связанныхъ съ именемъ Парсивала, кроме эпизода съ кольцами, могутъ вмѣтъ интересъ 1) разсказъ о приобрѣтеніи чаши Граля и 2) рассказъ о кузнецѣ, который куетъ для Парсивала мечъ, необходимый для совершенія по-двига. Въ сказкахъ, которыми я займусь ниже, Медвѣжій сынъ (Jean de l' Oign французскихъ сказокъ) прежде, чѣмъ вачать своимъ подвигамъ, заказываетъ кузнечу палицу, желѣзную baguette. Еруслаѣ, какъ и Парсиваль, вмѣсто палицы имѣеть мечъ. Въ предашнихъ упоминаются мечи, всаженные въ землю (мечъ скіфовъ) или въ тѣло звѣра (нонъ Ародбай—Эго-хана въ монхѣ Очеркахъ с.-з. Монг., IV, 615, мечъ Медвѣжіаго сыва въ аварской сказкѣ, всаженный въ тѣло змѣи Сармыть, ibid., 782), или замурованные въ стѣну, или всаженные въ скалу (мечъ Ародбай—Эго-хана, Очеркъ с.-з. Монг., IV, 606; мечъ въ славянской повѣсти о Ванилонскѣмъ царствѣ); силачи не могутъ вытащить засаженный мечъ, и только герою сказки удастся это сдѣлать. Въ тангутской легендѣ человѣкъ пытается высвободить изъ земли врытый въ нее камень, но тщетно, потому что это былъ высуаушийся ковецъ освѣ земли (Танг.-тиб. окраина Китая, II, 241)—образъ, и въ кажется, ввшеніемъ представлѣніемъ о неподвижно стоящей Поляроидѣ звѣздѣ.

²⁾ Смоленск. Сборн., 505.

исправлено такъ: дѣвица взмахнула платкомъ или полотенцемъ, явилась рѣка (Млечный путь монгольской небожительницы?) впереди Игра, чтобы задержать его; но онъ взмахнулъ полотенцемъ, даннѣмъ ему его покровительницей, придорожной дѣвицей, и на рѣкѣ возникъ мостъ, по которому онъ и проѣхалъ¹⁾. Царь-городъ смоленской сказки—это небо монгольской; дѣвица въ городѣ—это монгольская небожительница. И у той и у другой что то похищается въ то время, какъ овѣ спятъ; и къ той и къ другой, чтобы добраться, нужно или перелазить черезъ стѣву или подняться по лѣстницѣ; обѣ оиѣ пробуждаются и гонятся за похитителемъ; внезапно появляется рѣка, въ одномъ случаѣ водяная, въ другомъ молочная. Похищенные вещи потомъ пригодились самому похитителю; Игры убить, но его оживляютъ той живой водоей, которую онъ похитилъ въ Царь-городѣ; Гэсэрѣ нѣсколько разъ угрожаютъ погибелью, слѣдуетъ рядъ казней, но похищенные на небѣ талисманы спасаютъ его отъ смерти.

Эти совпаденія устанавливаютъ тожесгво персонажей Гэсера, Иринъ-Сайна, Игра и Еруслана; Гэсэръ, Иринъ-Сайнъ и Игры имѣютъ братьевъ; я думаю, какъ обѣ эти семьи уже заявлено выше, что и Ерусланъ имѣлъ двухъ братьевъ, хотя русская сказка теперь ихъ и не знаетъ. Въ дюробютской сказкѣ три брата: Китынь-Зеби, Китынь-Арсланъ и Иринъ-Сайнъ; послѣдній два раза вступаетъ по недоразумѣнію въ поединокъ съ своими родственниками; сначала съ племянникомъ, сыномъ Китына-Зеби, потомъ съ братомъ Арсланомъ, оба поединка кончаются примиреніемъ. Въ русской сказкѣ также два поединка, кончающіеся примиреніемъ; сначала Ерусланъ бѣтъ съ княземъ Иваномъ, русскимъ богатыремъ; потомъ съ своимъ сыномъ Ерусланомъ (Еруслановичемъ); въ русской сказкѣ только въ однѣмъ случаѣ поединщики родня, относительно же князя Ивана, родство его съ Ерусланомъ не установлено; только примирившись послѣ боя, они называются „названными братьями“. Исходя изъ параллелей съ сказкой обѣ Иринъ-Сайнѣ, я думаю, что они были настоящими братьями; въ поединкѣ Иринъ-Сайна съ племянникомъ Иринъ-Сайнъ является богатырь старшаго возраста; слѣдовательно, этому поединку въ русской сказкѣ будетъ параллеленъ поединокъ Еруслана отца съ Ерусланомъ сыномъ; въ поединкѣ же Иринъ-Сайна съ Арсланомъ

1) Что такъ и было, обѣ эти семьи въ некоторой степени свидѣтельствуетъ сказка у Афанасьевы, № 60, „Баба-яга и Заморышекъ“. Изъ сорока одного яйца рождаются сорокъ мальчиковъ и сорокъ первый Заморышекъ. Братья странствуютъ и находятъ замокъ, въ которомъ живетъ Баба-яга и съ нею сорокъ ея дочерей. Вследствіе хитрости Заморышка сорокъ дочерей Бабы-яги обезглавлены; братья убѣгаютъ изъ замка; Баба-яга гонится за ними съ огненнымъ щитомъ, который „надить на всѣ четыре стороны“. Братья прибѣгаютъ къ синему морю, Заморышекъ взмахнулъ платкомъ, сталь мостъ черезъ море; когда братья перешли по нему, Заморышекъ вновь взмахнулъ, моста не стало (т. I., стр. 88).

Иринъ-Сайнъ являются младшимъ родственникомъ; вѣроятно этому то поединку и отвѣчаетъ бой Еруслана съ княземъ Иваномъ; какъ въ русской сказкѣ, такъ и въ дюрбютской поединокъ кончается мировой, послѣ которой одинъ богатырь помогаетъ другому въ приобрѣтеніи невѣсты, въ одной личнымъ участіемъ и силой, въ другой совѣтами. На родство Ивана съ Ерусланомъ указываютъ и нѣкоторыя русскія сказки, приведенные выше; въ сказкѣ „Бурза Воловичъ“ на мѣстѣ князя Ивана новидимому стоить Василій Нянкинъ сынъ; сказка называетъ его братомъ Бурзы Воловича на томъ основаніи, что оба зачаты отъ съѣденной щуки. Въ сказкѣ „Царь Каприкъ“ эпизоду о князѣ Иванѣ отвѣчаетъ разсказъ о богатыряхъ, съ которыми Иванъ царевичъ бѣтесь около огненнаго пламени. Молодой богатырь, наѣхавъ на снящаго старшаго, ложится рядомъ спать, то-есть поступаетъ такъ же, какъ Ерусланъ, наѣхавъ на спящаго князя Ивана. Родство, которое тутъ установлено между поединщиками, не можетъ быть выведено изъ сказки объ Ерусланѣ; судя по такой детали, какъ сонъ богатырей, это бой Еруслана съ княземъ Иваномъ, а они не названы братьями. Это родство поединщиковъ ведеть свое начало отъ какой-то древней редакціи, которая древнѣе нынѣшней редакціи сказки объ Ерусланѣ. Побочная къ Еруслану сказки, какъ „Бурза Воловичъ“, „Царь Каприкъ“ и „Буря богатырь“ сохранили въ себѣ вѣкоторыя болѣе древнія черты, чѣмъ сказка объ Ерусланѣ. Существованіе этихъ побочныхъ сказокъ, сохранившихъ болѣе древнія черты, показываетъ, что сказка объ Ерусланѣ не можетъ считаться литературнымъ заимствованіемъ. Если-бы мы получили Еруслана изъ Ирана въ видѣ книги, или если-бы народъ посредникъ, между нами и Ираномъ, передавшій намъ Еруслана устно, самъ все-таки получилъ его въ видѣ книги, сказка была бы у насъ одинокимъ явленіемъ, не окруженнымъ такими побочными сказками, которые представляли бы въ себѣ эпизоды въ болѣе цѣльномъ и страйвомъ изложеніи, чѣмъ въ сказкѣ объ Ерусланѣ, и которыхъ помогали бы установить связь этой сказки съ монгольскими сказками объ Иринъ-Сайнѣ и Гасэрѣ.

Третій сводъ еруслановскихъ томъ представляетъ угро-русская сказка „За одного мясороша (мясника) сына“¹⁾). Я передамъ ее здѣсь не въ полномъ переводѣ, а въ вольномъ изложении, но въ полномъ составѣ ея эпизодовъ и деталей.

У одного мясорожа (мясника) былъ сынъ по имени Кэроль. Этотъ Кэроль отправляется странствовать; отецъ далъ ему запасъ и тарканистаго (geschekt) пса.

Пришелъ Кэроль къ лѣсу; его предупреждаютъ, что внутри лѣса живутъ черти (пропасники); шесть дней идетъ онъ безъ ёды,

¹⁾ Записки наукового товариства імені Шевченка, під ред. Мих. Грушевського, Т. XXIX (1899, т. III). У Львові. Стр. 138—145.

запасъ вышелъ; на седьмой догоняетъ нищаго и даетъ ему изъ остатковъ милостынью (алмужну); тотъ уходить своею дорогой. Кáроль догоняетъ другого, даетъ и ему, и тотъ уходитъ. Догоняетъ третьяго, даетъ милостынью; тотъ палашомъ отрубаетъ тарканистому псу голову. Кáроль лѣвой рукой отъ себя ножомъ хочеть ударить нищаго¹); ницій говорить ему: бей дважды и трижды. Кáроль догадался, что это чортъ и не сталъ его бить, а помолился; тотъ издохъ. Кáроль выкопалъ двѣ ямы, въ одной похоронилъ пса и воткнулъ въ могилу вербу, въ другой нищаго. Пошелъ далѣе, дошелъ до хижинъ; въ ней старый, сѣдой человѣкъ молится Богу. Прожилъ тутъ сутки. У старца рушникъ; постелетъ его, на немъ появляется всякая пища²); старецъ даетъ Кáролю трехъ псовъ: Дунал, Драву и Тису, шкатулку мазя (масти) и мѣдный прутъ. Пошелъ Кáроль и дошелъ до крѣпости; въ ней до 600 разбойниковъ, песы-глаголицы Кутя-татаре. Они посадили его за столь Ѣсть; Кáроль плеснулъ одну ложку псу, тотъ помахаль головой; это служило указаніемъ, что не слѣдуетъ Ѣсть. Песы-глаголицы говорить: эти псы не могутъ быть среди насъ; ихъ нужно запереть. Заперли ихъ и повели Кáроля по „хижамъ“, а въ нихъ кучами золото и серебро; ступилъ Кáроль черезъ послѣднюю дверь и очутился въ глубокой и темной пивницѣ. Онъ вспомнилъ про своихъ трехъ псовъ; они учудили это, стали искать свободы, вырвались, пришли къ той хижѣ, въ которой Кáроль самъ себя похоронилъ; отворили дверь, вынули Кáроля. Дунай посовѣтовалъ ему расплесть мѣдный прутъ и бить имъ песы-глаголицъ; собаки схватили ихъ за ноги, а Кáроль бьеть ихъ прутомъ; всѣхъ 600 перебили. Побросали тѣла въ ту пивницу, гдѣ спѣль Кáроль; набралъ онъ золота и серебра и наложилъ на остальное печать.

Пришелъ Кáроль въ одно селеніе; на каждомъ домѣ черная

¹⁾ Русско-сибирское повѣрье рекомендуетъ бить нечистую силу на-отмашь, лѣвой рукой на лѣво, правой направо.

²⁾ Старецъ-отшельникъ вѣдає этотъ рушникъ Кáролю, но когда потомъ отшельникъ вѣдѣ голуби вознесли къ небу, Кáроль взялъ его книжку и этотъ рушникъ и унесъ домой. Не было ли въ этомъ мѣстѣ разсказа о трехъ диковинкахъ, въ числѣ которыхъ часто встречается скатерть самобранка? Въ самарской сказкѣ Борма Ярыжка Ѣдетъ въ Вавилонское царство, населенное змѣями, чтобы привезти оттуда корову, скипетръ и книжку (Садовниковъ, Сказки и предѣ Самарск. края, Спб., 1884, стр. 22—27). Въ вариантахъ этой сказки Иванъ Турутгинъ получаетъ подарки: коверь-самолетъ и шапку-невидимку (*ibid.*, стр. 21). Въ другомъ варианте (у Барсова) Борма, герой предания, на пути въ Вавилонъ встречаетъ переворочную Празду, который переворачиваетъ его черезъ море и даетъ ему необходимые советы (И. Н. Ждановъ, Русск. былевой эпосъ, стр. 11). Въ газзакѣ Генриха von Neustat Аполлонію на пути въ Вавилонъ встречается басволосовый звѣрь инородецъ Milgot и свабжааетъ его вельемъ или коренемъ, которое чудесно питаетъ человѣка и возвращаетъ ему силу (А. Н. Веселовскій, Повѣсть о Вавилонск. царствѣ, въ Славянск. Сборникѣ, III, стр. 162).

завѣса. Семнадцать лѣтъ назадъ была война; пришли черти къ „цысарю“, говорить, если дашь то, что не знаешь, что его имѣешь, то поможемъ докончить войну. Взяли съ него запись кровью съ печатью, что онъ черезъ семнадцать лѣтъ отдастъ имъ обѣщанное. Вернулся царь, окончивъ войну, домой, увидѣлъ беременную жену и заплакалъ. Родилась царевна. Кэроль по совѣту псовъ берется освободить царевну. Взялъ съ собой Христово распятіе и двѣ свѣчки, и пошелъ туда, гдѣ будуть отдавать царевну „шатану“; онъ вынулъ „масть“ изъ шкатулки, положилъ на стопы, приказалъ царевнѣ раздѣться до нага, помазалъ ее мазью, далъ ей книжку въ руки, велѣлъ молиться Богу и засвѣтилъ свѣчки. Въ 11 часу пришли шатаны; не могутъ до нея досгупиться. Кэроль велѣлъ имъ принести запись, данную царемъ. Шатаны послали одного; остальные пришли на стульяхъ, потому что онъ на каждомъ стулѣ положилъ мази¹⁾. Самъ сатана принесъ письмо; Кэроль выхватилъ письмо, положилъ подъ свѣчки и началъ бить мѣднымъ прутомъ шатановъ; собаки помогаютъ ему, а шатаны не могутъ оборониться, потому что прилипли. Кэроль побилъ всѣхъ, взялъ 12 кадей золота, 12 кадей серебра, собралъ мазь въ шкатулку, вымылъ царевну и одѣлъ ее. Она сняла съ себя гранатки и привязала одинъ шнуръ Дунаю, другой Дравѣ, третій Тисѣ, разломила пополамъ перстень и дала половину Кэролю; зоветь его итти вмѣстѣ, чтобы пережениться. Кэроль говорить, что ему еще нужно странствовать годъ, три мѣсяца, шесть дней. Если не вернусь, говорить, можешь идти за кого хочешь. Поехали; кучерь взялъ пистолеть и велѣтъ ей идти за него замужъ и сказать отцу, будто онъ, кучерь, освободилъ ее. Царевна заперлась въ своей хижѣ и говорить, что будетъ ждать годъ 3 мѣсяца и 6 дней, а ранѣе не пойдетъ за кучера. Кэроль послыаетъ ей письмо съ Тисой. Пришли въ церковь; царевна взяла Кэроля, подвела къ владыкѣ и говорить, что она съ этимъ будетъ вѣничаться. Повѣничавши, пришла домой. Она спрашивавшая кучера: что слѣдуетъ сдѣлать тому, кто нась разлучить? Тотъ говорить: привязать за руки къ двумъ конямъ и разорвать. Тогда она вывязала изъ платка половину перстня, и Кэроль вынулъ свою. Кэроля короновали. Онъ поѣхалъ за родителями. Везеть ихъ черезъ лѣсъ и показываетъ, гдѣ верба, что тутъ тарко зарыть; потомъ показываетъ хижу, въ которой старецъ живетъ. Старецъ говорить ему: „Теперь освободи псовъ; это не псы; отруби имъ головы“. Кэроль отрубилъ имъ головы; они стали

¹⁾ Ср. у Афанасьева. Народн. русск. легенды, Лондонъ, 1859 г., стр. 199 съ сказкой „Ковалъ Захарко“, перепечатанной изъ Москвитинина, 1843 г. № 1, стр. 132—140; Захарко имѣлъ силу заклинать чертей, такъ что они не могли сдвинуться съ места, а самого сатану посадили въ кошель и разбили молотомъ на наковальни.

тремя голубями и полетѣли къ небу. Кэроль зоветь старца съ собой; тотъ говоритъ: „Не могу идти; меня Богъ покаралъ. Освободи и меня, отруби мнѣ голову“. Кэроль отрубилъ; вылетѣль золотой голубь, поблагодарилъ Кэроля и улетѣль въ небо. Взяли книжку старца, рушникъ, что давалъ ему пищу, пошли къ кладовымъ песиглавцевъ, забрали все золото и пошли домой въ свое царство.

Въ этой угро-русской сказкѣ два эпизода: 1) хожденіе въ страну песиглавцевъ и 2) освобожденіе царевны, обреченной черту, подобно тому, какъ и въ сказкѣ „Царь Каприкъ“, въ которой также два эпизода; второй эпизодъ одной сказки совпадаетъ со вторымъ эпизодомъ другой; тутъ также освобожденіе обреченной змѣю царевны, присвоенія подвига другимъ лицомъ и разоблаченіе. На мѣстѣ первого эпизода, т. е. на мѣстѣ хожденія къ песиглавцамъ, съ сказкѣ „Царь Каприкъ“ стоять поѣздка къ царь-дѣвицѣ. Угрорусскій эпизодъ не походитъ на каргопольскій, но здѣсь есть одна деталь, напоминающая Еруслана. Когда Кэроль замахнулся на чорта, бывшаго въ образѣ нищаго, чорть стала просить его бить дважды и трижды, во Кэроль догадался, что это чорть, и не послушался. Это напоминаетъ совѣтъ Раслана, данный Еруслану, бить царя Огненный-Щитъ только разъ, и не бить два раза¹⁾. По мѣсту въ былинѣ и по этой детали песиглавцы какъ будто стоять на мѣстѣ царя Огненный-Щитъ (или царь-дѣвицы), но въ ихъ странѣ герой сказки находить не цѣлительную жельч или не живую воду, а золото и серебро. На какое-то отношеніе этихъ песиглавцевъ къ царю Огненный-Щитъ указываетъ и другой мотивъ; въ одной сказкѣ у Афанасьева, № 219, мать Ивана царевича живеть съ Огненнымъ царемъ и хочетъ отравить сына ядовитыми лепешками; Иванъ-царевичъ береть лепешку отъ матери, но собака вырываетъ ее; въ угро-русской собака махаетъ головой, т. е. учить не Ѣсть. Изъ сравненія этихъ деталей можно сдѣлать заключеніе, что персонажъ Еруслана въ нѣкоторыхъ вариантахъ назывался именемъ Кэроль, что въ числѣ сюжетовъ, связанныхъ съ именемъ Кэроль, былъ также сюжетъ о матери-измѣнице (или сестрѣ-измѣнице), завязавшей любовную связь съ богатыремъ, врагомъ сына, и пытающейся извести сына, и что этоъ сюжетъ не вошелъ въ сводъ обѣ Ерусланѣ, можетъ быть, потому, что былъ соединенъ только съ именемъ Кэроль или Иванъ-царевичъ, и не рассказывался съ именемъ Еруслана (по крайней мѣрѣ въ той средѣ, въ которой составился сводъ о Ерусланѣ).

¹⁾ Тотъ же совѣтъ въ сказкѣ № 71 у Афанасьева, стр. 128: царевна даетъ наставленіе Ивану Царевичу рубить Быкря (змѣя?) только разъ; сзади будутъ кричать: руби еще! но Иванъ-царевичъ долженъ сказать: богатырская рука два раза вѣ бьеть.

Въ угрорусской сказкѣ три ¹⁾ собаки являются покровителями Кроля какъ въ эпизодѣ о песиглавцахъ, такъ и въ эпизодѣ о женщинахъ, обреченной чертамъ. Собаки являются и въ отдельныхъ сказкахъ, излагающихъ съ большей цѣльностью тѣ же темы, какъ тему о женщинѣ измѣнице, такъ и тему о женщинѣ, обреченнѣ змѣю ²⁾). У Афанасьева въ № 119, т. е. въ той самой сказкѣ, въ которой описывается любовь матери Ивана-царевича къ Огненному царю и измѣна сыну, послѣднаго выручаютъ изъ бѣды двѣ собаки.

Собаки угрорусской сказки не простыя собаки, а обращенные люди новидимому. Окончивъ свою покровительственную миссію, онѣ обращаются въ трехъ голубей, которые улетаютъ къ небу. Тутъ мы, кажется, имѣемъ дѣло съ образомъ, распространеннымъ въ тюркомонгольскихъ сказкахъ, именно съ образомъ дѣвицъ, такъ называемыхъ въ монгольскихъ сказкахъ небесныхъ дѣвъ, которая летаютъ чаще всего въ числѣ трехъ и въ видѣ лебедей или голубей. Три дѣвицы покровительницы, предупреждающія опасности, которая угрожаютъ богатырю, или спасающія его отъ смерти, часто попадаются въ сказкахъ и составляютъ обычное явленіе въ монгольскихъ сказкахъ съ сюжетомъ о женщинѣ измѣнице, въ союзѣ съ любовникомъ убивающей资料其子 or brother. Богатырь въ обыкновеніи находитъ ихъ въ степи въ то время, какъѣдетъ по порученію матери въ опасную поѣздку за цѣлебнымъ средствомъ отъ ея мнимой болѣзни. Ерусланъ на пути къ царю Огненный-Щитъ встрѣчаетъ трехъ дѣвицъ, которыхъ кочуютъ въ полѣ въ шатрахъ. Покровительственной роли дѣвицамъ не приписано. Ерусланъ спрашиваетъ ихъ, есть ли богатырь его сильнѣе, и, недовольный ихъ отвѣтомъ, убиваетъ ихъ. Эта излишняя жестокость, приписанная богатырю, дѣлаетъ эпизодъ сомнительнымъ, и дѣйствительно, по сравненію съ тѣмъ, что сказано выше по поводу сказки о Кролѣ, надо думать, что тутъ большой пролускъ и искаженіе. Вѣроятно эти три дѣвицы—остатокъ отъ сюжета объ измѣнице матери, который тутъ прежде находился, т. е. отъ сказки Афанасьева № 119 объ Иванѣ-царевичѣ (на мѣстѣ Еруслана) и Огненному царю. Три небесныя дѣвы стоять и въ монгольской повѣсти о Гэсэрѣ; онѣ неоднократно оказываютъ ему свое покровительство; повѣсть выдаетъ ихъ за небесныхъ сестеръ Гэсера ³⁾; въ концѣ повѣсти сестры Гэсера улетаютъ на

¹⁾ Число три и еще разъ встрѣчается въ этой сказкѣ: три встрѣчи съ нимъ. Въ сказкѣ о Ерусланѣ оно также встрѣчается часто: три побитыхъ рати, три дуба съ корами, три меча, три кочующія въ подѣ дѣвицы.

²⁾ У Сосоунга три собаки съ именами Brise-Vent, Brise-Fer и Brise помо-гаютъ герою освободить принцессу, обреченную на същеніе чудовищу съ семью головами (1, 57).

³⁾ У Гэсера кроме родин на землѣ была еще небесная родина, такъ какъ онѣ сыны небеснаго царя, всплывшіе на землѣ. Кроме небесныхъ сестеръ,

небо ¹⁾). Собакъ Каролю даетъ старецъ отшельникъ, встрѣченный Каролемъ на пути къ песиглавцамъ; кромѣ собакъ старецъ даетъ богатырю мастику и мѣдный пруть. Въ верхоянской сказкѣ, представляющей варіантъ ко второму эпизоду сказки о Кароль, т. е. имѣющему своимъ содержаніемъ разсказъ о женщинѣ, обреченной змѣю (собственно выдаваемой замужъ за многоголовое чудовище ²⁾) и спасенной богатыремъ, подвигъ котораго присвоиваетъ себѣ коварный человѣкъ, однако потомъ изобличенный ³⁾, покровительство герою оказываетъ человѣкъ, который называется Пилигримомъ, и который передъ тѣмъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. Въ смоленской сказкѣ сходный персонажъ со сходнымъ именемъ, Палугримъ, сидящій за дубъ на границѣ царства, помогаетъ Игру сѣздиТЬ къ царь-дѣвицѣ (собственно къ дѣвицѣ Иринѣ, дочери мурумскаго царя) ⁴⁾, даетъ ему коня; три дѣвицы, которыхъ Игръ встрѣчасть вслѣдъ за тѣмъ, даютъ ему три подарка, которые превращаясь въ лѣсь, въ болото, и въ рѣку, спасаютъ его отъ погони. Въ смоленской сказкѣ съ сюжетомъ, соотвѣтствующимъ второму эпизоду сказки о Кароль, мѣсто старца покровителя, дѣлающаго подарки, занимаетъ Дивный мужикъ или Дивный старикъ; онъ сидитъ въ столѣ ⁵⁾; въ вологодской сказкѣ того же содержанія это Дивий мужикъ, сидящій на дубѣ ⁶⁾. Старикъ, покровительствующій Каролю, своимъ отшельничествомъ напоминаетъ эти персонажи, уединенные въ столѣ, въ тюрьмѣ или за дубомъ.

Въ сказкѣ у Афанасьевы № 119 собакъ Ивану царевичу даетъ царевна, на которой онъ потомъ женится. Можетъ быть, и въ сказкѣ, послужившей материаломъ для первого эпизода сказки о Кароль, тутъ тоже стояла женщина, но при сліяніи со вторымъ эпизодомъ, подъ вліяніемъ сказокъ о Пилигримѣ или Дивномъ старикѣ, женщина исчезла. Въ монгольской повѣсти Гэсэръ кроме трехъ сестеръ покровительствуетъ постоянно еще небесная мать или небесная бабушка. Варіантъ повѣсти, переведенный Шмидтомъ, кончается тѣмъ, что Гэсэръ освобождаетъ мать изъ царства мертвыхъ (изъ зачарованного состоянія?) и отправляется ее на небо съ помощью трехъ небесныхъ сестеръ. Угрорусская сказка кончается тѣмъ, что Кароль отрубаетъ головы тремъ собакамъ, а потомъ и старцу покровителю; собаки обращаются

повѣсть называетъ еще небесную мать его (въ варіантѣ небесную бабушку) и небесныхъ братьевъ.

¹⁾ Die Thaten Bogdo-Gesser chan's, übers. v. Schmidt, St. Ptib, 1839, T. 286.

²⁾ Во французской сказкѣ у Коcquin (Cosquin, II, 257) принцесса, освобожденіе которой присвоиваетъ самозванецъ, была не просватана, а обречена на сѣдданіе чудовищу съ семью головами.

³⁾ Верхоянский Сборникъ, Иркутскъ, 1890, стр. 268—288.

⁴⁾ Доброзвольский, Смоленск. вѣн. сборн., стр. 458.

⁵⁾ Ibid., 471.

⁶⁾ Труды вѣн. отд. И. Общ. люб. естеств. и этн., т. XI, М. 1890, стр. 175.

въ голубей, а старець въ золотою голубя, и всѣ улетаютъ къ небу¹⁾.

О трехъ милостыняхъ, поданныхъ тремъ нищимъ, разсказано въ русской народной легенды „Солдатъ и смерть“. Солдатъ выслужилъ у царя только три сухаря; встрѣчаетъ убогаго, который просить у него милостыню; солдатъ отдаетъ одинъ сухарь; встрѣчаетъ другого и отдаетъ другой сухарь; наконецъ третьему убогому отдаетъ послѣдній и отъ этого третьяго убогого получать въ подарокъ карты, въ которыхъ если будешь играть, всегда будешь выигрывать, и торбу, въ которую все соберется, если скажешь: полѣзай въ торбу²⁾. Въ другомъ варианѣ солдату, выслужившему три денежки, на встрѣчу идетъ Христосъ и апостолы; солдатъ подаетъ три милостыни за три раза, а Христосъ даетъ три подарка: кисеть съ неубывающимъ табакомъ, кошелекъ съ неубывающими деньгами и суму, всегда полную по желанию³⁾. Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ о царскомъ дворцѣ, одержимомъ по

¹⁾ Тѣ же два сюжета: объ измѣнѣнїи женщины и о женщинѣ, обреченной гибели, которые заключаются или заключались по предположенію нѣтъ сказкѣ о Каролѣ, находятся и въ русской былинѣ о Потокѣ, только въ другой последовательности, именно эпизодъ о женщинѣ, обреченной смерти и спасающей богатырямъ, стоитъ первымъ, а впослѣдствіи о женѣ измѣнѣнїи вторымъ; нѣ серединѣ между впослѣдствіемъ всплываетъ покровительствующій персонажъ, пилигримъ, или три пилигрима; въ сказкѣ имѣетъ договора мужа съ женой, въ случаѣ смерти одного изъ нихъ, пойти вмѣстѣ въ могилу, договоръ отца съ чортомъ, отдать, чего не звасиши дома; мазь попала въ сказку подъ влияніемъ редакціи, сходной съ былиной, но въ былинѣ воскрешеніе производится посредствомъ орошенія живой водой; мазь въ физикѣ разсказъ о Леминкѣнеавѣ; въ бretонской сказкѣ (Cosquin, II, 344), которую А. Н. Веселовской воспользовалась для сближенія съ русской былинѣ о Михаилѣ Потокѣ (въ рецензіи на книгу Коскіна „Лорренскія сказки“ въ Жури. М. Н. Пресн., 1887, апрѣль, стр. 297 и слѣд.) подъ носомъ умершей три раза проводить цвѣткомъ розы; въ сказкѣ у Афанасьева, нов. изд. т. II, стр. 14. Эта привносить листоголь, прикасается къ изрубленной змѣи и та оживаетъ; въ лорренской сказкѣ Victor La Fleur оживляетъ свою умершую жену, помазавъ ея тѣло мазью, полученной отъ „блѣдой дамы“ (Cosquin, II, 342).

По повѣрѣ ветокъ травы *Sedum Telephium*, по-латыни у лыбъ, имѣеть даръ возвращать людимъ полезную способность, и воспрещать убитыхъ змѣй; впрочемъ *Sedum Telephium* не настоящая улыбъ; она такъ названа только потому, что не видали; настоящую люди не видятъ; чтобы найти настоящую нужно найти табунъ змѣй и убить одну; тогда змѣя привнесутъ эту траву и проведутъ ею вдоль хребта убитой, послѣ чего она оживаетъ. (Извѣстія Общества истор., археол. в этнogr. при Казанс. універс., т. III, 1880—1882 г., стр. 248). Въ русской народной медицинѣ вода, прогнавшая черезъ листья *Sedum*, назыв. „живою водой“ (Анненковъ, Ботан. словарь, 1878 г., стр. 325). Въ болгарской легенде на Волгѣ парила царевна вѣнчаніи изъ сарбакъ—березы и изѣчили отъ семянѣтвіи потері языка Вост. мотивы сарбака даютъ даръ человѣческой рѣчи. У казанскихъ татаръ сарбакъ *Melilotus officinalis* L. (Изв. общ. ист., арх. и эти. при. каз. ун., 246), который по русски назыв. донникъ отъ имени женской болѣзни донъ, донная, кр.-русс. дна.

²⁾ Афанасьевъ, Народн. русскія легенды. Лондонъ, 1859: „Солдатъ и смерть“, нар. с., стр. 60.

³⁾ На той же страницѣ вариантъ, помѣщенный подъ строкой.

вочаи чертами; солдатъ иочуетъ во дворцѣ; черти наполняютъ дворецъ ночью; солдатъ играетъ съ ними въ карты, выигрываетъ у нихъ все ихъ серебро и золото, и потому велитъ чертамъ лѣзть въ торбу, а золото и серебро относить царю. Утромъ кузнецы бьютъ молотами по торбѣ¹⁾). Эпизодъ о трехъ нищихъ въ легендѣ у Афанасьевъ изложенъ симметричнѣе и осмысленнѣе, чѣмъ въ угровской сказкѣ. Третій нищий въ угровской сказкѣ полу-
чила печальный конецъ подъ какимъ то постороннимъ вліяніемъ; судя по легендѣ у Афанасьевъ, третій нищий и старецъ отшельникъ—тожественное лицо. Въ „Вост. мотивахъ“ я указалъ на сербскую сказку о Радованѣ, который, подобно Каролю, находить въ лѣсу подъ сосной отшельника и получаетъ отъ него порученіе сходить на озеро, куда летаетъ драконъ, и принести воды, исцѣляющей слѣпоту. Радованъ, кромѣ воды приносить еще три пера дракона, которые оказали ему услугу въ дальнѣйшемъ его похожденіи²⁾). Не была ли редакція о Каролѣ ближе къ сербской сказкѣ? не говорилось ли, что Кароль получалъ цѣлитѣльную мазь не отъ отшельника, а ходилъ за нею по его порученію къ писиглавцамъ? Въ настоящей же редакціи эпизодъ о писиглавцахъ стоитъ безъ концепціи съ послѣдующемъ эпизодомъ о царевнѣ, обреченной чертамъ, и является въ сказкѣ произвольнымъ и излишнимъ наполненіемъ.

Мотивъ: „бей только одинъ разъ“³⁾), кажется, находился прежде въ бурятской сказкѣ о Гули-ханѣ и Ханѣ-Гужирѣ, и именно въ эпизодѣ, представляющемъ параллель къ Еруслану. Ханъ Гужиръ наѣзжаетъ на тѣло погибшаго богатыря въ родѣ того, какъ Ерусланъ наѣзжаетъ на Расланея; этотъ богатырь Хухудой даетъ Ханѣ-Гужиру мечъ, подобно тому, какъ Расланей Еруслану, и просить убить чудовище Наранъ-Гэрэла; Наранъ Гэрэль здѣсь, съдовательно, на мѣстѣ царя Огненный Щитъ; Хухудой даетъ совѣтъ богатырю, если ему не удастся сразу разрубить Наранъ-Гэрэла⁴⁾), скорѣе рубить во второй разъ. Слѣдопательно, совѣтъ совершенно противоположный тому, который даетъ Расланей Еруслану. Убивъ Наранъ-Гэрэла, Ханѣ-Гужиръ вырѣзываетъ его печень и достаетъ изъ нея масло; это масло на мѣстѣ желчи, которую добываетъ Ерусланъ изъ печени царя Огненный Щитъ. Совѣтъ Хухудоя не отвѣчаетъ совѣту Росланея, но во

¹⁾ Тамъ же, стр. 65. Въ вар. а у Афанасьевъ, стр. 53, солдатъ, чтобы напугать чертей, иѣраетъ землю въ аду, будто хочетъ строить соборъ; въ киргизской сказкѣ хитрый Алдаръ-коза иѣраетъ землю, чтобы узнать, где середина земли.

²⁾ Вост. мотивы, 166.

³⁾ См. Reinhold K hler, Kleinere Schriften, Weimar, 1898, S 469. Въ турецкой сказкѣ Atola бѣть дева; въ кабильской вѣвесто чудовища быкъ.

⁴⁾ Разсѣканіе пополамъ народное воображеніе видить въ сазахъ луны. Наранъ-Гэрэль по-монгольски „солнечный лучъ“ или „сияніе солнца“; скорѣе бы ждать на этомъ месте „лунный лучъ“, Саранъ-Гэрэль.

всякомъ случаѣ дѣло идеть о томъ, какъ бить мечемъ. Можетъ быть, въ другихъ вариантахъ совпаденіе съ русской сказкой было полное; инородцы туруханского края для исцѣленія болѣзни вырѣзываютъ изъ дерева фигуру (въ видѣ рыбы или животнаго), олицетворяющую болѣзнь, и бьютъ ее деревяннымъ молоткомъ только разъ; повторенный ударъ можетъ только усилить болѣзнь.

Въ виду созвучия именъ Кароль и Гэрэль при сходныхъ мотивахъ называется вопросъ, неѣть ли тутъ дѣйствительно чего нибудь большаго, чѣмъ случайное созвучіе. Правда, персонажи, носящіе эти имена, не совпадаютъ; въ угрорусской сказкѣ Кароль богатырь, герой сказки, въ бурятской Гэрэль злое существо, убивающее героевъ сказки. Но имя Наранъ-Гэрэль встрѣчается въ другихъ сказкахъ, какъ имя персонажа, ничего не заключающаго въ себѣ злого или чудовищнаго. Такъ, наприм., въ Шиддикурѣ именемъ Наранъ-Гэрэль называется царевичъ, котораго хочетъ погубить мачеха; она притворяется больной, какъ мать Ивана царевича въ сказкѣ Афанасьевы № 119, и говоритъ, что выздоравливаетъ только въ томъ случаѣ, если у царевича Наранъ-Гэрэла вырѣжутъ сердце и дадутъ ей съѣсть. Если въ самомъ дѣлѣ въ угрорусской сказкѣ въ эпизодѣ о песиглавцахъ стоялъ сюжетъ о матери или женщинѣ, искавшей погубить Кароля, то судьба Кароля въ такомъ случаѣ совпадала съ участіемъ Наранъ-Гэрэла въ Шиддикурѣ.

Во второмъ эпизодѣ Кароль является спасителемъ женщины, обреченной чертамъ. Въ южнорусскомъ преданіи Кирила-Кожемяка спасаетъ паревну, унесенную змѣемъ. Сходство только въ темѣ; обстановка темы подробностями другая. Отмѣчу только, что и тутъ и тамъ обнаруживается пристрастіе къ числу двѣнадцать; Кирила сразу разрывается *двенадцать* кожъ; въ побочныхъ сказкахъ или преданіяхъ обѣ умерщвлениіи змѣя—двѣнадцать кузнецовыхъ, двѣнадцать молотковъ и пр.¹⁾ Кароль, перебивъ всѣ злые существа, увозитъ съ собой *двенадцать* кадей золота *двенадцать* кадей серебра.

Въ своихъ „Восточныхъ мотивахъ“ я высказался за тожество Наранъ-Гэрэла съ Наранъ-ханомъ бурятскаго преданія. Наранъ-ханъ, „Солище-парь“—парь солоновъ, или солонготовъ²⁾; преданіе разсказываетъ, что Чингисъ-ханъ или увозить у него дочь, или выдаетъ за него дочь свою замужъ. Въ обоихъ случаяхъ роется ровъ, по которому везутъ невѣсту; этотъ ровъ и валъ и теперь указываютъ въ Забайкальѣ и съверной Монголіи подъ названіемъ у русскихъ „вала Чингисъ-хана“, у монголовъ Чингисэнъ-Харимъ. Въ первомъ случаѣ увозъ дѣвицы вѣроятно изображался, какъ насилие, похищеніе. Ровъ рыли для того, чтобы спасти невѣсту и

¹⁾ См. Вост. мотивы, 819.

²⁾ Солонготъ—иное. число отъ солонъ.

кортежъ ея отъ гонящагося за ними Наранъ-хана, которому сказка приписываетъ свойство жечь лучами¹⁾; слѣдовательно, это персонажъ въ родѣ царя Огненный Щитъ и въ родѣ Царь-дѣвицы, которая гонится съ жгущимъ щитомъ. Въ виду этого отожествлѣвія Наранъ-хана съ Огненнымъ Щитомъ я думаю, что и о Наравъ-Герэль-ханѣ, печень которого вырѣзали Ханъ-Гужиръ, тоже передавалось, что онъ жегъ лучами (герэль—лучъ), а съ другой стороны, что имя Наранъ-ханъ могло передаваться сложнѣе въ формѣ Наранъ-Гэрэль-ханъ, т. е. что форма Гэрэль ставилась иногда въ преданіяхъ рядомъ съ именемъ Чингисъ-ханъ. Герэль былъ царь солновъ, противникъ Чингисъ-хана.

Съ именемъ Кирила-Кожемяки также связанъ валъ, но происхожданіе его объяснено иначе; въ русскомъ преданіи Змѣеборецъ пашетъ землю на Змѣѣ, проводить борозду: вотъ отчего образовался Змѣевъ валъ подъ Кіевомъ. Мотивы проведения борозды не объяснены.

Кароль идетъ къ песиглавцамъ. На пути—старець-отшельникъ, который молится Богу. Старець даетъ Каролю разные обереги, трехъ собакъ, мазь и мѣдный прутъ. Кароль приходитъ къ песиглавцамъ; они водятъ его съ коварнымъ умысломъ по своимъ кладовымъ и показываютъ свое богатство, груды золота и серебра.

Въ такъ называемой солунской легендѣ на славянскаго апостола Кирилла перенесена очевидно какая-то народная сказка. Кирилль идетъ въ страну болгаровъ; на пути къ нимъ въ Солуни заходитъ къ митрополиту; тотъ его отговариваетъ, говорить, что болгары человѣкоядцы. Песиглавцы, какъ это видно изъ другихъ преданій обѣихъ, синонимъ человѣкоядцевъ, и слѣдовательно Кароль попадаетъ къ человѣкоядцамъ; дружественно относящейся солунскій митрополитъ какъ будто на мѣстѣ старца-отшельника. Обереги, которые отшельникъ давалъ Каролю, въ солунскую легенду не попали. Съ другой стороны подробности солунской легенды, какъ наприм. осада Солуни болгарами и требованіе выдачи Кирилла, „говорящій голубъ“, роняющій какой то „зборъкъ“, въ угровусской сказкѣ никакими намеками не представлены, но за то въ другихъ преданіяхъ о Кирилль мы находимъ еще иѣкоторые намеки на сказку о Каролѣ.

1) Въ другомъ варианте ровъ нуженъ былъ для того, чтобы скрыть невѣстку отъ тестя; таковъ обычай, соблюдавшійся въ монгольскихъ семьяхъ—тестъ не долженъ видѣть лицо невѣстки. Въ арабской сказкѣ (Cosquin, II, 365) царь посыпаетъ молодого человѣка въ опасныя мѣста съ расчетомъ, что онъ тамъ погибнетъ, въ родѣ того, какъ въ монгольской сказкѣ Гули-ханъ посыпаетъ Ханъ-Гужира достать жемчугъ Наранъ-Гэрэль-хана. (Записки Вост.-сіб. Отд. Геогр. Общ. по вѣн., т. I, в. I, ст. 149), и въ заключеніе поручаетъ ему принести дочь султана Зеленої Земли; молодой человѣкъ привозитъ, но принцесса говоритъ, что на ея родинѣ свадебный обрядъ совершается такъ: роютъ ровъ до рѣки, по краямъ его раскладываютъ огонь, и женихъ бросается черезъ огонь въ рѣку.

Песиглавцы пытаются отравить Кароля, но Кароль пленнуль одну ложку предложенной ему пищи собакѣ, та замахала головой, и Кароль не сталъ есть. Сарацины, которые въ другихъ преданіяхъ стоять, можетъ быть, на мѣстѣ человѣкоядцевъ солунской легенды, пригласили Кирилла на обѣдъ и дали ему испить яду, но Господь спасъ его, какъ коротко, къ сожалѣнію, говорить преданіе¹⁾.

Подобно песиглавцамъ, водившимъ Кароля по палатамъ, заваленнымъ золотомъ, и сарацины провели Кирилла по храминамъ своего царя. Показавши ему все богатство и храмины, украшенныя золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными камнями и бисеромъ, они сказали ему: „вижь философе, дивное чудо, сила велика и богатство много амерынніо владики срацинска“²⁾.

Въ монгольскихъ преданіяхъ показываніе богатства связано съ именемъ какого-то богатаго хана Кункэра³⁾. Когда Абдыль-хотонъ, посланный царемъ Едженъ-хавомъ за кораллами для украшенія строящагося дворца, зашелъ въ царство Кункэра, его впустили въ кладовую, где хранились кораллы, а потомъ, чтобы онъ подивился богатству Кункэра-хана, провели его подъ золотой горы, отъ которой подданные Кункэра отламываютъ куски золота. Абдыль-хотонъ украдкой набралъ въ свою пазуху и коралловъ и золота, а когда ему подарили золотую монету, онъ ее бросиль и о достоинствѣ драгоцѣнностей Кункэра-хана отозвался съ презрѣніемъ; вернувшись къ своему хану, онъ хвалится, что и драгоцѣнности принесъ, за которыми его послалъ ханъ, и слалу своего хана, какъ богатаго хана, не уронилъ⁴⁾. Богатое царство Кункэра повѣрье помѣщаетъ на западѣ, т. е. тамъ же, где монгольское повѣрье помѣщаетъ и своихъ: *мохой-эртей*, *мохой-ертэ*, *мохой-еритя*, т. е. людей съ собачими головами,⁵⁾, съ ко-

¹⁾ Биѣбасоевъ, Кирилль и Меѳодій, Спб., 1871, стр. 154.

²⁾ Ibid., 152 Въ другихъ спискахъ не амерынніо, а амаврино, амаврино. На домахъ въ саракинскомъ царствѣ, правда вѣ вѣ всѣхъ, а только христіанскихъ, изображены различные „образы демонскіе, стрипые и гусиные вещи“. Если саракины стоять на мѣстѣ человѣкоядцевъ, то не будетъ ли это мѣсто затѣмнѣнныи отголоскомъ разсказа повѣсти о Бавилонскомъ царствѣ о змѣяхъ, которымъ были варисованы „на хоромахъ на каждомъ бревнѣ, и на дверяхъ, и на окошкахъ“ (А. Н. Веселовскій. Отрывки визант. эпоса въ русскомъ, въ Славянск. Сборнике, III, 127).

³⁾ Кункэра-ханъ по теленгитскому повѣрю въ Алтав „ежемѣсячно умираетъ и снова возвращается, такъ что вѣчно живеть“. (Очерки с.-в. Монг. IV, 321); съдовательно, это персонажъ въ родѣ русского папы римскаго, останецкаго Тункъ-поха и сойотскаго Джедай-хана. (См. Вост. мотивы, 459). То же повѣрье монголы связываютъ съ далай-хамой (см. Энногр. Обоз. кн. XX, стр. 10; и Памятники ярцев. письменности и искусства, CXXXIII, 1899 г. въ старинной статьѣ „Вѣдомость о яит. землѣ и глуб. Индїи“. стр. 30).

⁴⁾ Очерки с.-в. Монг. IV, 321.

⁵⁾ Ibid., 322. Ордоское повѣрье помѣщаетъ собачье царство, *мохой-барласу*, на сѣверовостокѣ (Танг.-тиб. окраина Китая, II. 351).

торыми, впрочемъ, разсказать, записанный мною, не соединяетъ представлениі о золотѣ и богатствѣ, но изображаетъ все же, какъ и другія повѣрья, человѣкоядцами.

Въ русскихъ сказкахъ встрѣчается Золотая гора. У Чубинскаго въ сказкѣ № 51 „Про Золоту гору“¹⁾ передается, что три брата, странствуя, заночевали въ лѣсной хатѣ; воалъ былъ мостъ; по этому мосту идетъ ночью змѣй; младшій братъ семилѣтка убиваетъ его; въ слѣдующія ночи онъ убиль еще двухъ змѣевъ; эти поединки съ змѣями происходятъ на Золотой горѣ; по убиеніи трехъ змѣевъ, братья беруть отъ горы золото. Гора указываетъ на какое-то высокое положеніе, можетъ быть на небо; „Золотая“ — эпитетъ, придаваемый въ ордынской терминологіи Полярной звѣздѣ: Золотой кольцо, Золотой гвоздь. Алтайское повѣрье знаетъ Золотую гору, Алтынъ-ту, которая съ неба висить внизъ и только на локоть не достигаетъ земной поверхности. На вершинѣ монгольской міровой горы Сумбырь народное повѣрье помѣщаетъ храмъ и Полярная звѣзда, это — Золотая маковка на этомъ храмѣ²⁾. Если подъ Золотой горою дѣйствительно слѣдуется угадывать Полярную звѣзду, то подъ мостомъ (въ сказкахъ и былинахъ это часто калиновый мостъ), служащимъ дорогой, по которой ходить Змѣй (Змѣева гора) придется подразумѣвать Млечный путь. У Афанасьевъ въ сказкѣ „Золотая гора“, № 136³⁾, Золотая гора находится на острову въ морѣ; купецъ ъздить туда съ работникомъ, котораго поить соннымъ зельемъ и зашиваетъ въ шкуру лошади; вороны поднимаютъ минную падаль на гору; работникъ спускается съ вершины горы напопайное золото; купецъ уплываетъ съ золотомъ, оставляя работника на горѣ (подобно тому, какъ братья оставляютъ коровьяго сына въ подземельѣ). Уже девяносто девять такихъ обманутыхъ людей погибло на вершинѣ горы. Работника спасаютъ кремень и кресало, подаренные ему дѣвицей; при ударѣ кремня о кресало явились два человѣка, которые спустили его съ горы. Теперь работникъ перехитрилъ купца: онъ въ свою очередь напоилъ его соннымъ зельемъ и зашилъ въ шкуру, и когда тотъ, занесенный воронами на вершину горы, накопалъ и спустилъ золото внизъ, работникъ уплываетъ, оставивъ купца на горѣ на вѣки. Эта тема, обмынѣ мѣстомъ, при чемъ второй персонажъ обреченъ на вѣчное прикрѣпленіе къ мѣсту, кажется, указываетъ на Полярную звѣзду⁴⁾.

Птицы, переносящія человѣка на гору въ шкурѣ животнаго, повидимому, принадлежать къ категоріи разсказовъ о добывавшемъ драгоценныхъ камней; по монгольскому повѣрью благовонное де-

¹⁾ Чубинскій, II, 167.

²⁾ Вост. мотивы, 330.

³⁾ Афанасьевъ, II, 118.

⁴⁾ См. Вост. мотивы, 197, 479.

рево Зандонъ, стоящее на мѣстѣ драгоценныхъ камней западныхъ преданій, приносится птицей Ханъ Гариди¹⁾; на отношенія этой птицы къ Полярной звѣздѣ мною указано въ „Вост. мотивахъ“²⁾.

Ни у Чубинского, ни у Афанасьевы герою не придается необыкновенного происхождения (у первого это семилѣтка, одинъ изъ трехъ сыновей, у второго работникъ), но одна сказка у Садовникова заставляетъ подозревать таковое; у Садовникова въ сказкѣ № 34 „Медвѣжий сынъ“³⁾ женщина, увлеченная медвѣдемъ въ берлогу, родила сына; сынъ убивается отца—медвѣдя, какъ въ аварской сказкѣ „Медвѣжье ухо“, и выходитъ съ матерью на ея родину; но онъ не годится для человѣческаго общества: кого скватить за руку,—рука прочь, за голову,—голова прочь. Чтобы отдѣлаться отъ него, его посылаютъ на мельницу, гдѣ было много чертей; „въ полночь черти облѣпили всѣ колеса“. Медвѣжий сынъ избилъ ихъ всѣхъ; тогда пришелъ самъ сатана, пообѣщалъ ему золота и просилъ уйти. Медвѣжий сынъ иссыпалъ себѣ золота и ушелъ. Мельницу, какъ сродство отдѣлаться отъ богатыря, находимъ также и въ сказкѣ у Чубинского, № 50 „Про охоту“⁴⁾, которая содержитъ сходна съ угрорусской сказкой о Кэролѣ. Герою сопутствуютъ, какъ и Кэролю, помогающія животныя, только здѣсь не собаки, а левъ, медвѣдь, волкъ, лисица и соколъ. Сестра героя измѣница, живеть съ Зміемъ (какъ мать Ивана царевича съ Огненнымъ царемъ въ сказкѣ у Афанасьева); она посылаетъ брата въ опасныя поѣздки; послѣдняя поѣзда имѣть цѣлью принести муки изъ мельницы; у мельницы двѣнадцать дверей, соотвѣтствующихъ „хижамъ“ сказки о Кэролѣ; герой проникъ до самой задней комнаты, захватилъ муки, но долженъ былъ опрометью скакать на волю; двери одна за другой заклопывались, и послѣднія отсѣкли хвостъ у его лошади; самъ онъ выскочилъ, но охота его т. е. звѣри остались въ мельницѣ. Змій хочетъ сѣсть вернувшагося богатыря; но богатырь взмостился настоль и поджидаетъ охоту. Звѣри грызутъ двери мельницы; прогрызли всѣ двѣнадцать, прибежали и разорвали змія.

Въ своихъ „Восточныхъ мотивахъ“ для сравненія съ славянскими преданіями я воспользовался также одной монголо-тибетской сказкой. Эрдени-Хараликъ совершаетъ поѣздку для того, чтобы привезти своему народу предметъ, который можетъ доставить ему благоденствіе. Это—дѣвица Билге-виликъ. Онъ ёдетъ за нею въ страну Удаяну не смотря на то, что его предупреждали, что Удайна населена человѣкоядцами (когда Кэроль отправляется странствовать и входитъ въ лѣсъ, его предупреждаютъ, что этотъ лѣсъ

¹⁾ Очерки с.-з. Монг. IV, 188; см. также Вост. мотивы, 449.

²⁾ Стр. 650.

³⁾ Сказки и прек. Самарск. края, Сиб., 1:84, стр. 150.

⁴⁾ Чубинский, т. II, стр. 157—167.

населенъ чертами или пропасниками). Хараликъ можетъ исполнить свою задачу только въ томъ случаѣ, если онъ добудеть сердце и печень коровы Курия, которая мечеть пламенемъ. Судьба Харалика похожа на судьбу бурятскаго Хань-Гужира; этотъ богатырь получить руку дочери Гули-хана только въ томъ случаѣ, если онъ принесетъ масло изъ печени Нарань-Гэрэла (который, по моему предположенію, жегъ своими лучами). Хараликъ сначала благополучно минуетъ отвратительныхъ ассуровъ, потомъ добываетъ сердце и печень коровы, и получаетъ возможность доставить дѣвицу своему царству¹⁾.

Два эпизода, сначала эпизодъ съ собаками или звѣрями, которые помогаютъ герою, брату измѣницы сестры или матери, и попадаютъ въ западню, но выдираются изъ нея, потомъ эпизодъ съ дѣвицей, обреченной на същеніе чудовищу или змѣю, расположенные именно въ этомъ порядкѣ, находятся въ вѣкоторыхъ вариантахъ сказки, которая иногда получаетъ название „Звѣриное молоко“. Такъ напримѣръ эти два эпизода можно найти у Афанасьевъ, № 118 „Звѣриное молоко“, вар. с²⁾, и у Романова, № 2 „Пуша драмуша“, № 3 „Хортки“ и № 4 „Мѣдзянный волкъ“³⁾. Схема сказки такая. Герой, иногда это Иванъ-царевичъ, живетъ уединенно съ своей сестрой, иногда матерью.⁴⁾ Женщина спознается съ змѣемъ или съ разбойникомъ⁵⁾ и старается сгубить

¹⁾ Хараликъ не убиваетъ корову Курия, а только заявляетъ желаніе имѣть ея сердце и печень, и корова сама умираетъ. Король же убиваетъ третьего нищаго, а только молится, и ницій (чортъ) умираетъ.

²⁾ Афанасьевъ, II, стр. 8.

³⁾ Романовъ, III, стр. 40.

⁴⁾ Первый эпизодъ передается и въ видѣ отдельной сказки, безъ рассказа о царевичѣ, обреченной змѣю, какъ напримѣръ, у Афанасьевъ, № 118, „Звѣриное молоко“, вар. а и с, у Романова, № 1 „Звѣривое молоко“, № 7 „Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ“, № 8 „Иавѣт Златовустъ“, у Чубинской, № 48, „Иавѣт Ивановичъ, русскій царевичъ“ и у Садовникова, № 11 „Волкъ, мѣдный лѣбѣдь“.

⁵⁾ Разбойники являются у Афанасьевъ № 118 вар. с и у Романова, № 2. У Романова братъ и сестра, осиротевшіе послѣ смерти отца, находятъ въ хвѣсу домъ изъ 12 покосевъ, въ которомъ живутъ двѣнадцать разбойниковъ; братъ убиль изъ пвхъ одиннадцать, двѣнадцатый спрятался подъ печь; втотъ послѣдній заводитъ связь съ сестрой и въ союзѣ съ ней убиваетъ ея брата (стр. 41). У Афанасьевъ братъ одинъ пошелъ къ лѣсу, набрелъ па домъ, вошелъ въ него, вошелъ въ неѣмъ кадку съ виномъ и плавающими въ немъ ковшомъ, сѣлъ на стулъ возлѣ кадки и привился пить; входитъ двѣнадцать разбойниковъ, также садятся вокругъ кадки и одному изъ нихъ не достаетъ стула; начинается скора изъ-за стула, переходитъ въ драку и герой сказки убиваетъ всѣхъ, за исключениемъ атамана, который спрятался въ уголъ за бочки. Потомъ онъ насыпаетъ золота въ плетушку и относитъ сестрѣ. Сестра въ союзѣ съ атаманомъ хочетъ погубить брата, посыпаетъ его за яблонами въ садъ, гдѣ живутъ 24 разбойника и гдѣ также было много гаконено всякаго богатства, золота и драгоценныхъ камней; она убиваетъ всѣхъ 24 разбойниковъ (стр. 8). Въ этой картинкѣ сквозятъ черты и изъ народныхъ представлений о созвѣздіи Плеяды. Число 24 есть удвоеніе двѣнадцати, а 12 есть удвоеніе

Ивана-царевича; она притворяется больной и посыпает брата за звѣринъ молокомъ, сначала за заячьимъ или лисинымъ, а когда Иванъ-царевичъ привозить его, не погибнувъ въ дорогѣ, то за волчимъ, медвѣжимъ, львинымъ, лосинымъ и др. Звѣри не только даютъ молока, но каждый звѣрь даетъ герою въ подарокъ по звѣренку. Подъ конецъ у Ивана-царевича составляется защита изъ вѣсколькихъ звѣрей. Когда всѣ роды звѣрина молока добыты, коварная женщина посыпаетъ богатыря достать мучной пыли съ какой-то мельницы, у которой двѣнадцать комнатъ и двѣнадцать дверей; богатырь добываетъ пыль и успѣваетъ выскочить прежде, чѣмъ захлопнулись двери, но звѣри очутились въ западинѣ¹⁾. Змѣй любовникъ увѣренъ, что безъ звѣрей онъ одо-

щести; монголы насчитываютъ въ Плеядахъ шесть звѣздъ. По бурятскому повѣрю въ Плеядахъ устраиваются суглавы боговъ т. е. собравія или засѣданія. (Вост. мотивы, 583); по осетинскому представлению Плеяды это собраніе виরующихъ вартовъ (богатырей); они сидѣтъ вокругъ бочки съ виномъ; одна изъ звѣздъ въ центрѣ — это бочка (Очерки са. Мовг., IV, 730). Монгольское преданіе присыпываетъ Плеядамъ злой (разбойническій?) характеръ и разсказываетъ, какъ корова и верблюдѣ раздѣлились раздавать это чудовище комытомъ, во оно распалось на части, и только одна часть была раздавлена, а шесть частей ускользнули и видны теперь въ небѣ въ видѣ шести звѣздъ Плеядъ; въ одномъ варианѣ вицесто коровы козы, въ которомъ здѣсь Идыгавъ (т. е. Б. Медвѣдица). Къ Плеядамъ же, вѣроятно, относятся въ другіе рассказы о чудовищѣ, распадающемся на части, изъ которыхъ только одна спасается отъ гибели или о компактѣ людей, изъ которыхъ только одинъ спасается отъ смерти (Вост. мотивы, 567). У Афанасьева герой садится на стулья, приходить двѣнадцать разбойниковъ, одному стула не хватаетъ (вамекъ въ преданіе о Плеядахъ, потерявшихъ одну изъ своихъ звѣздъ, Оч. са. Мовг., IV, 193) сидовательно, всѣхъ стульевъ было двѣнадцать; такое же представлениѳ въ однѣй угрорусской сказкѣ. Овчий пастухъ убиваетъ поочередно приставшихъ въ садъ шарканей (драконовъ, съ венгерского ſarkanj) съ 6 головами, потомъ съ 12-ю, потомъ съ 24 головами, предварительно опиявая ихъ виномъ; потоѣмъ овь нашелъ 12 ключей, отперъ 12 златыхъ, въ двѣнадцатой по срединѣ золотой столъ, кругомъ его 12 золотыхъ креселъ; овь сѣлъ на одно изъ нихъ и увидѣлъ въ ставѣ 12 мама (родь вѣса, грузъ въ одну телегу) бегерей (пачечки для цимбаловъ); однимъ бегеремъ овь ударилъ по столу, явилось 12 юношей въ спрашивавшими: что прикажете? Овь попросилъ быть и привести плаТЬе. Тутъ овь и остался жить; это было жилище убитыхъ шарканей (Записки научного товариства імени Шевченко під ред. М. Грушевскаго, т. XXIX, [1899 г., т. III], Львовъ, стр. 128—130). Другая сходная сцена находится во французской пѣснѣ о вояжѣ Карла Великаго въ Иерусалимъ. Карлъ входитъ съ своими двѣнадцатью царями въ храмъ въ Иерусалимъ и видитъ тутъ тридцать креселъ; овь садится на одно изъ вихъ, въ на двѣнадцати остальныхъ разсаживаются цари. Входить въ храмъ евреи, приходить въ ужасъ отъ грозового вида Карла и бѣжать извѣстить объ этомъ патріарха. Карлъ получаетъ отъ патріарха моши и святыи реликвіи. Не была ли эта сцена въ угрорусской сказкѣ о Каролѣ, именно въ разсказѣ о песчаныхъ, 12 комнатахъ, вавилонскихъ золотомъ, и о запертыхъ собакахъ? Въ русской былинѣ у каменя Латыря на горѣ Фазарѣ въ соборной церкви 12 престоловъ (Рыби., I, № 60).

¹⁾ Захлопывающіяся двери представлениѳ, визуалентное толкучимъ горамъ и бодающимъ баранамъ другихъ сказокъ; герой вѣтжаетъ въ покон за ковъ и когда выѣзжаетъ изъ пихъ, то самыя наружныя двери, смыкаясь, отсѣкаютъ

лѣть противника; онъ хочетъ съѣсть богатыря; тотъ упрашиваетъ позволить ему передъ смертью вымыться въ бани¹); получивъ разрѣшеніе, онъ старается оттянуть время, такъ какъ голубь или воронъ говорить ему, что звѣри съ успѣхомъ грызутъ двери своей тюрьмы и скоро освободятся сами и его освободятъ²). Кончается тѣмъ, что звѣри действительно првбѣгаютъ и разрываютъ змѣя, а Иванъ-царевичъ казнитъ свою сестру. Затѣмъ царевичъ попадаетъ въ страну, одержимую змѣемъ; населеніе принуждено поочереди давать ему на съѣденіе людей; очередь пала на царевну; царевичъ убиваетъ змѣя, освобождаетъ царевну, но не слѣдуетъ за ней во дворецъ; другой человѣкъ, иногда

ково хвостъ; тутъ случилось то же, что и въ другихъ сказкахъ, когда герой проѣзжаетъ между толстыми горами въ обратномъ пути. У Афанасьевы, № 118, вар. с., мельница имѣть двѣнадцать желѣзныхъ дверей; Иванъ-царевичъ достаетъ мучную пыль; въ варианта же, помѣщенномъ подъ строкой, Иванъ-царевичъ достаетъ для сестры живущую и цѣлющую воду, находящуюся между двухъ высокихъ горъ, которая разъ въ сутки расходится и черезъ двѣ-три минуты опять сходится (стр. 11). У Романова № 2 Иванъ-царевичъ приносить иль (мучной пыль) изъ „Заклятой“ мельницы, въ которой двѣнадцать вѣвцовъ и двѣнадцать камней (стр. 42); въ № 3 иль изъ-подъ послед资料а иль двѣнадцати камней мельницы въ прудѣ, что черти мелятъ (стр. 47); въ № 4 прудъ, въ немъ двѣнадцать дверей и живо пристеши „пылку“ изъ-подъ самаго большого камня (стр. 53); въ № 5 вар. а парогъ, что самъ на прудѣ молося, самъ пекся (стр. 58); въ вар. б привосится промоль, который взять у „ватраку“ за двѣнадцатью дверями подъ камнемъ; въ № 7 вмѣсто мельницы двѣнадцать пюкоевъ, въ которыхъ живетъ змѣй (стр. 65). У Садовникова № 11 чортова мельница, у ней семь желѣзныхъ дверей; приносится пыль. У Чубинскаго въ № 48 ильинъ, у которого двери затворяются (стр. 148); въ № 49 ильинъ съ 12 дверями (стр. 156). У Худякова, въ I, № 10 достается пыльца съ мельвицы; старикъ, который видѣть на мельнице, запираетъ звѣрей Ивана-царевича (стр. 43). У Афанасьевы въ № 118 вар. а звѣра есть, во помощь оказываютъ вѣ они, а мужичекъ съ кулачкомъ; мельницы вѣтъ, вмѣсто нея Жаръ-птица, которая проглатываетъ мужичка отъ кулачка (стр. 4); въ вар. б вѣтъ ни звѣрей, ни мельвицы; сестра посыпаетъ брата въ какой-то садъ достать яблоковъ; въ саду домъ, въ которомъ живутъ двадцать четыре разбойника и въ которомъ собрано большое богатство, золото, серебро, драгоценные камни (стр. 8).

1) У Чубинскаго (II, 150) Иванъ-царевичъ, вымывшись въ бани, влезть на якорь, чтобы проститься съ бывшимъ свѣтомъ, свистѣть три раза, послѣ третьего свистка прибѣгаетъ его охота, двѣ собаки. Въ другомъ варианте (ib., 156) Иванъ-царевичъ играетъ въ свистилочку, сидя на золотой яблонѣ. У Афанасьевы № 118, вар. д., Иванъ королевичъ передъ смертью поѣтъ три гвозди (стр. 13). У Романова (III, 65) трубитъ въ трубу. У Худякова сестра, чтобы отмстить за смерть своего любовника, убила брата и тело его похоронила на столѣ (I, 44); у Романова она кладеть его въ бочку (ib., 65), въ которую вагоняетъ 12 обручей и бросаетъ въ море (ib., 59); у Чубинскаго (165) смоляная бочка.

2) Король у Афанасьевы № 118, вар. с. (стр. 11), вар. б (стр. 13), у Романова, въ № 7, стр. 66; кружъ у Романова № 3, стр. 47, № 5, стр. 58; вырьи у Романова, № 2, стр. 43 (въ вар. подъ строкой голуби; голубки у Романова № 8, кв. 69; соколь у Садовникова № 11, стр. 71. Щитца обыкновенно говорить Ивану-царевичу: „Не столько топи, сколько мѣшкай! твои звѣри уже трои двери прогрызли“, потомъ 6 дверей и т. д.

водовозъ, выдаетъ себя за спасителя царевны, царь готовится отдать за него свою дочь, но въ-время является настоящій ея спаситель; самозванецъ изобличевъ¹⁾), а герой сказки живится на царевнѣ. „Звѣриное молоко“ представляетъ полную редакцію сказки, а угрорусская сказка о Каролѣ есть передача той же сказки съ важными пропусками. Такъ она ничего не зваетъ о сестрѣ героя.

Нѣкоторые варианты этой сказки начинаются длиннымъ и сложнымъ введеніемъ, въ которомъ описывается предыдущая исторія брата и сестры. Царь, очутившись въ затруднительномъ положеніи, объщаетъ злому существу отдать своихъ дѣтей. Въ урочное время злое существо приходитъ за дѣтьми; царь спряталъ ихъ, но они найдены и унесены. Находятся щокровительствующія животныя, которые стараются спасти дѣтей и унести ихъ на себѣ, но злое существо догоняетъ и возвращаетъ ихъ. Одному изъ животныхъ удается, наконецъ, спасти дѣтей; оно переносить ихъ черезъ воду, черезъ которую погоня попасть не можетъ. Насильникомъ, захватившимъ дѣтей, въ разныхъ сказкахъ являются разныя лица: у Афанасьева въ № 117 Царь - медвѣдь, а № 118, вар. с, медвѣдь съ желѣзною шерстью (въ подстрочномъ варианте желѣзный волкъ), у Романова въ № 5 баба-юга, въ № 4 мѣдный волкъ, въ № 5, вар. а, Юда, беззаконный чортъ, вар. б Юда-провинстияль, въ № 7 змѣй; у Садовникова въ № 11 волкъ, мѣдный лобъ, у Чубинскаго въ №№ 48 и 49—змій.

Огецъ прачетъ обреченныхъ дѣтей или на вершинѣ столба (у Афанасьева, № 118, вар. с) или въ слуивъ (у Чубинскаго, № 48), въ погребѣ (ibid., № 49, и у Афанасьева, № 117), въ склепѣ (у Романова, № 5), въ подвалѣ (у Садовникова, № 11).

Дѣти, однако найдены, насильникомъ; убѣжище, гдѣ они скрывались, указываютъ насильнику у Романова въ № 5 половыни (послѣ того, какъ головни, чепяло, вилки и иомяло, опрошенные Юдой, отказались открыть ему тайну²⁾), у Садовникова въ № 11 кочерга³⁾, у Чубинскаго въ № 48 долото (кочерга, рогачъ, еокира, спрошенные раньше, отказались показать), въ № 49 долото; брошенное, оно падаетъ на мѣсто, гдѣ спрятаны дѣти⁴⁾.

¹⁾ Средствомъ изобличевія служатъ по большей части предусмотрительно вырѣзанные языки изъ головъ змѣя и спрятанные подъ камень, иногда шнурки, появлявшиеся спасенной царевной на шее авѣрей помощниковъ, иногда перстень или половина перстня, которую царевичъ получаетъ отъ царевны, разставившись.

²⁾ Романовъ III, 56.

³⁾ Садовниковъ, 67.

⁴⁾ Чубинскій, II, 140 и 152. Шаманы гадаютъ и открываютъ украденное и спрятанное бросаютъ орбо, бубенную колотушку на землю; гадаютъ ли они посредствомъ хорьбы, т. е. посредствомъ жезловъ, имѣющихъ верхний конецъ согнутымъ въ видѣ кочерги, мнѣ неизвѣстно. Ср. вост. мотивы, 715.

Изъ неволи дѣтей уносить бычокъ, или воликъ¹⁾, или лось²⁾ погоня догоняетъ бѣглецовъ у рѣки, или у озера, или у огненнаго моря³⁾, но дѣти махаютъ хусткой⁴⁾ или утиральникомъ⁵⁾ и обра- зуется мостъ черезъ воду, который исчезаетъ, когда дѣти пере- брались на другую сторону; погоня или остается на другомъ бе- регу⁶⁾ или тонеть въ водѣ⁷⁾.

Такимъ же введеніемъ начинается и урянхайская сказка объ Ерь-сару⁸⁾: старикъ подошелъ къ рѣкѣ; Джельбага схватилъ его за бороду и грозится сѣсть его; старикъ пообѣщалъ отдать ему своихъ трехъ дочерей, если онъ отпустить бороду, и, получивъ свободу, укочесалъ съ прежняго мѣста, а дѣтей не взялъ съ со- бой; Джельбага овладѣлъ дѣтьми. Они убѣгаютъ отъ него; по до- рогѣ бросаютъ сначала гребень, потомъ брусь; гребень обращается въ лѣсъ, брусь въ каменную гору; Джельбага топоромъ прокла- дываетъ себѣ дорогу. Дѣти добѣгаютъ до рѣки, бобръ перевозитъ ихъ на другую сторону, а Джельбага не можетъ переплыть рѣку и тонеть⁹⁾.

1) Афанасьевъ, II, 4, 6; Романовъ, III, 56, Чубинскій, II, 142 и 154.

2) Романовъ, III, 51.

3) Афанасьевъ, II, 4.

4) Романовъ III, 51 и 56; Чубинскій, II, 143 и 154.

5) Афанасьевъ, II, 4.

6) Аф., II, 4; Ром., III, 57. (?); Чубинскій, II, 143, Садовск., 68.

7) Аф., II, 6; Ром., III, 51.

8) Очерки сл. Монг., IV, 341.

9) У Афанасьева (II, 4), баба-яга (*ibid* 10), у Романова баба-яга (III, 46) Юда (57 и 60), змѣй, (64), у Чубинского (II, 143 и 154) змѣй, у Садовникова волкъ-мѣдный лобъ (стр. 68) остаются на другомъ берегу рѣки или моря (у Афанасьева, стр. 4 и у Романова стр. 46 это море *оиненное*) медвѣдь-жѣльзан шерсть у Афанасьева (II, 6) тонеть въ водѣ, мѣдный волкъ у Романова (III, 51) переплываетъ только до половины моря и остается на купинѣ. Дѣти не всегда "переходить черезъ воду по мосту; въ одномъ варианте (у Садовникова стр. 68) дѣти зарѣзали быка, который увелъ ихъ отъ волка — мѣднаю-лаба, сняли съ него шкуру и на этой шкурѣ переплыли черезъ море. Ср. Федоръ Вормъ, убѣгая изъ Вавилона, переплываетъ черезъ море на коврѣ, который былъ вышитъ вавилонской дѣвицей (Н. И. Ждановъ, Русск. быловой впослѣдствіи стр. 11). Въ тавгутской легенды убѣгающій Баль-Дарчжи переплываетъ рѣку на конѣ (у Афанасьева, № 117 въ варианте подъ строкой, стр. 4 вместо бычка дѣтей спасаетъ и перевозитъ черезъ море конь), погоня остается на другомъ бере- гу (Танг.—тиб. окр. Китая, II, 250). Въ монгольской повѣсти о Гасэрѣ семь альбиноновъ переѣзжаютъ черезъ море на семи деревянныхъ лошадахъ, которыхъ имъ дѣлъ Гасэръ и которыхъ они своимъ волшебствомъ одарили способностью возить по суши и водѣ, во когда альбиноны выѣхали на середину моря, дере- вянные кови вернулись къ Гасэрѣ, оставивъ альбиноновъ въ морѣ, и они утонули (Die Thaten Gesser-chans, S. 38); альбиноны тутъ же въ мѣстѣ Джельбаги урян- хайской сказки, который тоже доплылъ только до середины рѣки, имѣя въ рукахъ стебель травы дягиля, взятый имъ по совету бобра; бобръ является такимъ же другому дѣти, какъ въ русскихъ сказкахъ бычокъ. Въ саларскомъ преданіи богатырь Кусэръ (можетъ быть то же, что Гасэръ) пускаетъ стрѣлу въ берегъ Желтой рѣки, вода рѣки уходитъ въ образовавшуюся отъ стрѣлы трещину и Кусэръ переходитъ на другой берегъ по сухому дну. (Тавг.-тиб. окр. Китая, II, 300). Въ монгольскомъ преданіи о рѣкѣ Орховѣ Галданъ, одет-

Боберь указываетъ дѣтямъ на три ели, стоящія на томъ берегу, на который онъ перевезъ ихъ, и совѣтуетъ имъ заѣздѣть на нихъ, что они и сдѣмали¹⁾ Урянхайская сказка находится въ большомъ соотвѣтствіи съ русской, только въ русской, дѣти, сидящія на вершинѣ столба, иомѣщены до рѣки, а въ урянхайской дѣти на вершинѣ дерева послѣ рѣки¹⁾.

Другая сказка съ сходнымъ содержаніемъ записана у минусинскихъ татаръ²⁾. Акъ-ханъ уѣзжаетъ изъ дому, не смотря на то, что жена его Алтынъ-Арыгъ предупреждаетъ его, что она беременна. Ханъ встрѣчаетъ Катай-хана, который ъездить на сорокорогомъ быкѣ. Акъ-ханъ, пьяный, обѣщаетъ отдать Катай-хаву не только дочь, но и ожидаемаго сына. Вернувшись домой, Акъ-ханъ забыть и думать объ исполненіи обѣщанія; Катай-ханъ самъ пріѣхалъ за дѣтьми и убилъ Акъ-хана, но лошадь Акъ-хана убѣжала. Катай-ханъ бросилъ дѣтей Акъ-хана морскому чудовищу Kiro-Balak. Послѣ смерти Акъ-хана и его жены Sâdei-Mirgân присвоилъ ихъ богатство, а найденный на морскомъ берегу тѣла дѣтей. Акъ-хана бросилъ въ семидесятисаженную яму и къ этой могилѣ приставилъ стражу изъ семи богатырей. Вскорѣ потомъ родился богатырскій конь (HeldenfÃ¼llen), котораго Sâdei-Mirgân тщетно пытался убить. Жеребенокъ этотъ обратился въ шестилѣтнюю дѣвицу, которая своею пѣсней разогнала стражу, приставленную къ могилѣ дѣтей Акъ-хана; потомъ, добывъ изъ могилы тѣла дѣтей, дѣвица вновь обратилась въ жеребенка, который и увезъ эти тѣла на своей спинѣ. Соколь приносить извѣстіе о живучей водѣ, которая зарыта подъ золотой березой; посредствомъ этой воды жеребенокъ оживляетъ дѣтей Акъ-хана. Катай-ханъ узнаетъ объ этомъ и спѣшилъ на свое море сорокорогомъ быкѣ. Жеребенокъ ищетъ спасенія у Jebet-chan'a и Alten-Kus'a, но они оба убиты Катай-ханомъ. Жеребенокъ прячетъ дочь Акъ-хана въ дремучемъ лѣсу, а сына Акъ-хана увозитъ на Желѣзную гору;

сий ханъ, нападаетъ на монастырь Эрдени-цво; жители спасаются за рѣку и рѣка пропускаетъ ихъ, во когда черезъ рѣку пошло войско Гаддана, воды въ рѣкѣ поднялись и его войско перетонуло (Жизнь Старина, 1891 г., в. III, стр. 238). У Романова, № 4 отъ трехъ взмаховъ хусткой озеро сдѣмалось сухимъ; когда дѣти перешли и снова взмахнули хусткой три раза—вновь образовалось озеро (стр. 51).

Алтайское повѣрье осушеніе моря хотя и не для перехода черезъ него, приписываетъ багатырю Музыкаю (Вост. мотивы, 69 и 181); о томѣствѣ Музыкая съ Гвазромъ и о именахъ Музыкай, Бузыкай, Козу, Босы см. въ Вост. мотивахъ, 431 и 679.

¹⁾ Въ Алтайскомъ преданіи чудовище Джельбекевъ уносить Тардапака или Машпарака (см. Восточные мотивы 750). Машпаракъ сидитъ на деревѣ—образѣ, который очень часто встрѣчается и въ русской сказкѣ объ увосимыхъ дѣткахъ. Мѣсяцъ (въ ущербѣ, т. е. рогатый) спасаетъ мальчика; спасовательно здѣсь мѣсяцъ на мѣстѣ бычка или волика, спасающаго дѣтей въ русской сказкѣ.

²⁾ A. Schieffner, über die Helden sagen der minissischen Tataren въ Melanges asiatiques d. Acad. des Sciences t. III, p. 373.

туда же пріѣхалъ и Катай-ханъ. Начинается битва и сынъ Акъ-хана убиваеть Катай-хана; онъ получаеть имя Ai dölei-Mirgän а сестра Alten-Kigur tji. Ай долей-Мирганъ совершаеть судь надъ Садей-Миргэномъ; онъ приковываеть его живого съ ковемъ на скалѣ.

Сравнительно съ русской сказкой тутъ большія особенности въ разработкѣ частностей, но главная нить разсказа въ татарской и русской сказкѣ одна и та же. Какъ и въ русской сказкѣ здѣсь двое несчастныхъ дѣтей, братъ и сестра; ихъ уносить какая-то злая сила, но покровительствующее животное спасаеть ихъ; изъ плѣна ихъ увозить на своей спинѣ жеребенокъ, который тутъ на мѣстѣ бычка или волика; какъ и въ русской сказкѣ, дѣти отсулены злому существу самимъ отпомъ, ханомъ; и это случилось также, какъ и тамъ, въ то время, когда ханъ выѣхалъ зачѣмъ то изъ дома. Мальчикъ въ это время еще не родился; легко допустить, что тутъ были и тѣ детали, которыхъ сохранились въ русской сказкѣ; можно предположить, что дѣти были отсулены ханомъ въ то время, когда онъ хотѣлъ пить изъ колодезя или озера, что его кто-то схватилъ въ это время за бороду и что ханъ не подозрѣвалъ, что его жена во время его отсутствія родила дѣтей и онъ согласился отдать то въ домѣ, чего онъ не знаетъ.

Разница между русской и татарской редакціями во первыхъ въ пропускѣ многихъ деталей (Хустка, обращающаяся въ мостъ черезъ рѣку, неудачные попытки спасти дѣтей, дѣлаемыя другими животными¹⁾), во вторыхъ въ разсказѣ о смерти царскихъ дѣтей и ихъ воскрешеніи, и въ третьихъ во введеніи въ разсказъ трехъ злыхъ персонажей: Катай-хана, Каро-балака и Sädei-mirgän'a вместо одного Змія или Юды. Вѣроятно мы имѣемъ тутъ дѣло съ слитіемъ нѣсколькихъ варіантовъ въ одинъ. Въ русскихъ варіантахъ дѣтей похищаеть чудовище, иногда морское чудовище. Въ татарской сказкѣ также есть воляное чудовище Киробалакъ; вѣроятно въ первоначальной редакціи оно само похищало дѣтей. Русская сказка продолжается и переходить въ разсказъ объ измѣнѣ сестры; татарская на спасеніи дѣтей останавливается. Я предполагаю, что татарская сказка также продолжалась разсказомъ объ измѣнѣ сестры, и если татаринъ рассказчикъ придалъ сказкѣ благополучный конецъ, женивъ брата и выдавъ сестру замужъ, то на это я смотрю какъ на преждевременное завершеніе сказки.

Сюжетъ объ измѣнницѣ женщинѣ, замышляющей гибель брата въ союзѣ съ своимъ любовникомъ, извѣстенъ тюркомонгольскому миру и я въ „Вост. мотивахъ“ указалъ, что съ этой темой свя-

¹⁾ Въ русской сказкѣ прежде чѣмъ взялся за спасеніе дѣтей бычокъ, тщетно старались увести ихъ гуси, орелъ и т. п.

зано тамъ имъ, въ версіяхъ принимающее формы Хадынъ, Адынъ, Кёдёнъ - би Кидэнъ-ханъ¹⁾). Хадынъ при переходѣ изъ монгольского въ тюркскій должно перейти въ Кадынъ; Катай-ханъ повидимому видоизмѣненіе той же формы, и вѣроятно послѣ разсказа о спасеніи дѣтей шелъ разсказъ о томъ, какъ Катай-ханъ завелъ связь съ сестрой Айдолея и какъ они вдвоеумъ умертвили его. Татаринъ рассказчикъ поторопился и рано поставилъ смерть и воскрешеніе Айдолея; этотъ инцидентъ нужно было помѣстить послѣ бѣгства жеребенка съ дѣтьми на спинѣ, а не до него.

Третій персоважъ Sâdei-Mirgân не необходимое лицо въ сказкѣ; его можно выкинуть изъ сказки, и отъ этого схема сказки нисколько не разстроилась бы. Это измѣнникъ; онъ присвоилъ имущество Акъ-хана, т. е. наслѣдство Айдолея. Мотивъ измѣны какъ будто на столько крѣпокъ въ схемѣ, что рассказчикъ не могъ его выкинуть и только приписалъ измѣну мужчинѣ вместо женщины. Sâdei-Mirgân принимаетъ участіе въ угнетеніи дѣтей; они уже разъ были брошены въ море, но рассказчикъ заставляетъ море выкинуть ихъ на берегъ, и Sâdei-Mirgân во второй разъ бросаетъ ихъ въ яму глубиною въ 70 сажень; ненужное повтореніе, которое могло явиться въ томъ случаѣ, если тутъ къ сказкѣ обь Айдолея присоединился особый варіантъ, въ которомъ ни Киробалака, ни Катай-хана не было, а единственнымъ гонителемъ дѣтей представлялся Sâdei-Mirgân; въ сказкахъ о женщинѣ-измѣннице присвоеніе богатства погубленного богатыря приписывается ея любовнику, поэтому можно догадываться, что и въ этой сказкѣ была сестра измѣнника, что она тайно жила съ Sâdei-mîrgân'омъ и въ союзѣ съ нимъ погубила брата, послѣ чего Sâdei-Mirgân захватилъ богатство Айдолея. Сказка кончается казнью Sâdei-Mirgân'a; Айдолей приковываетъ его живого къ скалѣ. Въ русской сказкѣ сходная казнь постигаетъ измѣнницу сестру; у Романова, въ № 2 братъ привязалъ сестру Алену къ дереву; въ варіантѣ къ этому №- медведь по приказанію брата помѣщаетъ сестру на высокомъ дубѣ; левъ страхнуль ее оттуда²⁾; въ № 4 сестра привязана къ дереву³⁾; въ № 5 сестру посадили на высокое дерево; левъ тряхнуль дерево, женщина упала и разбилась на мелкія крошки⁴⁾. Въ примѣчавіи къ № 7 мужъ невѣрную жену садить на дерево; звѣри сбрасываютъ ее съ дерева и разрываютъ⁵⁾. Въ № 8 Иванъ Златовусъ⁶⁾, распинаетъ свою матерь измѣнницу на горькой осинѣ. У Афанасьевы № 118, вар. а: Иванъ-царевичъ

1) Стр. 665 - 672.

2) Романовъ III, 44.

3) Ibid. 54.

4) Ibid. 59.

5) Ibid. 67.

6) Ibid. 70.

привязалъ Елену прекрасную голую къ дереву¹⁾, а потомъ привязалъ къ хвосту коня и размыкалъ; вар. с. братъ посадилъ сестру на каменный столъ при дорогѣ; возлѣ положилъ вязанку сѣна и два чана, одинъ съ водой, другой пустой²⁾). У Чубинскаго въ № 48 братъ привязалъ сестру къ явору, который росъ у порога; возлѣ поставилъ два цѣбра, одинъ съ угольями, другой пустой для слезъ³⁾). Въ № 49 сестра привязана къ хвосту лошади и пущена въ степь⁴⁾). У Рудченка, вып. 2, въ № 22 измѣница сестра напала въ особой коморѣ *распятаю* за руки и ноги разбойника (стр. 69); казнь сестры заключается въ изгнаніи съ желѣзной цалицей, желѣзными черевиками и связкой сѣна⁵⁾).

Въ вариантахъ русской сказки въ большей части случаевъ похититель дѣтей и соблазнитель женщины — одно и то же лицо. У Чубинскаго и въ № 48, и № 49 дѣтей похищаетъ Змій; онъ же потомъ является соблазнителемъ дѣвицы, перекинувшись молодцомъ. У Садовникова въ № 11 Волкъ-мѣдный лобъ уносить брата и сестру и онъ же соблазняетъ дѣвицу. У Романова въ № 4 Мѣдзяный волкъ сначала похищаетъ дѣтей, потомъ, обернувшись мальцомъ, соблазняетъ женщину; въ № 5, въ вариантахъ а и б, одинъ и тотъ же Юда и похититель дѣтей, и соблазнитель; въ № 6 Змѣй — и въ той, и въ другой роли. Разныя лица являются у Афанасьевы въ № 117: гонитель медвѣдь, соблазнитель шестиглавый змѣй; въ № 118 гонитель медвѣдь, соблазнитель атаманъ разбойниковъ; у Романова, № 3, гонительница баба-юга, соблазнитель женщины Кощей безсмертный.

Въ сказкахъ тѣхъ же минусинскихъ татаръ встрѣчается имя Jedai-chan⁷⁾). Акъ-ханъ отвозить по обѣщанію своего семилѣтнаго сына Ала-Картага къ Джедай-хану, который живеть при подошвѣ Желѣзной горы, гдѣ земля и небо сростаются. По началу это та же сказка, какъ и предыдущая; тотъ же Акъ-ханъ, отдающій своего сына въ чужія руки, только вмѣсто Катай-хана здѣсь Джедай-ханъ; этотъ послѣдній живеть у Желѣзной горы; въ предыдущей сказкѣ также есть Желѣзная гора; на ней происходить битва Айдолея съ Катай-ханомъ. Отдавъ сына, Акъ-ханъ вернулся домой. Воспользовавшись его беззащитнымъ положеніемъ безъ сына, братья Ай-Темусъ и Куй-Темусъ увозять его вмѣстѣ съ женой въ плѣнь и бросаютъ въ яму въ семь сажень глубиной. Постѣлѣ некотораго времени братья узнаютъ, что близокъ конецъ

¹⁾ Афанасьев., II, 6.

²⁾ Ibid. стр. 11.

³⁾ Чубинскій, II, 152.

⁴⁾ Ibid. 156.

⁵⁾ Рудченко, Народн. южнорусск. сказки, вып. 2, стр. 69—70.

⁶⁾ Та же роль приписывается Кощею и въ русской былинѣ; противникъ стоя Илья Годуновичъ.

⁷⁾ A. Schieffer, Über die Heldenlegenden d. minuss. Tataren, S. 379.

свѣта, такъ какъ семь собакъ, прикованныхъ у Джедай-хана, освободились, лаютъ и воютъ. Братья обращаются за развѣдками къ Dschalaty, который имѣть знаніе обо всѣхъ вещахъ. Джалаты посылаетъ развѣдчиками сокола къ Кудаю на небо, синюю змѣю подъ землю, синюю щуку въ море и горностая въ гору. Всѣ привнесли извѣстіе, что конецъ всего близокъ. Два ворона, которые гнѣздились на семи лиственницахъ на Желѣзной горѣ, привнесли ему извѣстіе, что Ала-Картага тридцать лѣтъ былъ съ Джедай-ханомъ и убилъ его, снова переловилъ спущенныхъ съ цѣпей семь собакъ и надѣлъ имъ мѣдные намордники. Братья Ай-Темусъ и Куй-Темусъ по совѣту Джалаты освободили Акъ-хана съ женой и съ подарками выѣхали навстрѣчу Ала-Картагѣ. Богатырь подарилъ имъ пять собакъ Джедай-хана изъ семи, которыхъ онъ велъ съ собою, и объяснилъ, что владѣюцій этими собаками никогда не будетъ знать старости ¹⁾). Но братья плохо смотрѣли за собаками, и они убѣжали на Желѣзную гору. Ала-Картага вновь поймалъ ихъ, заключилъ въ Золотую гору и ваказаль братьямъ смотрѣть, не подкапываются ли овѣ своими желѣзными когтями подъ каменную дверь. Собаки еще разъ убѣжали; тогда Ала-Картага отрубилъ головы всѣмъ семи собакамъ, а также и двумъ братьямъ ²⁾.

Въ „Вост. мотивахъ“ я сопоставилъ собакъ Джедай-хана съ киргизскимъ представлениемъ о семи звѣздахъ Бол. Медвѣдицы, какъ о семи волкахъ, съ которыми также соединена идея о концѣ міра ³⁾). Отсюда догадка, что имя Джедай-ханъ одного происхожденія съ тюркскимъ именемъ Б. Медвѣдицы: Джетыганъ, Жидигянъ, Едиханъ и др.

Эти Джедай-хановы собаки стоятъ здѣсь на мѣстѣ собакъ или звѣрей русскихъ сказокъ; число ихъ въ русскихъ сказкахъ не совпадаетъ, но это можетъ быть отнесено на счетъ небрежности рассказчиковъ; въ сказкѣ о Кароль ихъ три; у Афанасьева въ № 118, вар. с, дѣлъ собаки и три звѣренка (волченокъ, медвѣжонокъ и львенокъ), у Романова, въ № 2 одна собака и три звѣренка (волченокъ, медвѣжонокъ, львенокъ); въ № 4 четыре звѣренка (лисенокъ, волченокъ, медвѣжокъ, львевокъ); въ № 5, вар. а, пять звѣрятъ (зайченокъ, лисенокъ, медвѣжонокъ, львенокъ), вар. б три собаки и трое животныхъ (медвѣдиха, волчица и орлица), № 7 двѣнадцать собакъ; № 8 шесть звѣрей (медвѣдь волкъ, лисица, заяцъ, лось, голуби); у Садовникова двѣ кошки и трое звѣрятъ (медвѣжонокъ, волченокъ, львенокъ); у Чубин-

¹⁾ По повѣрю южносибирскихъ тюроковъ, Джедай-ханъ никогда не умираетъ; онъ вѣчень; см. Восточн. мотивы, 458.

²⁾ Въ „Очеркахъ с.-з. Монгол. IV, 568, помѣщена сказка черневыхъ татаръ (въ южной Сибири), въ которой одинъ изъ богатырей называется Алтынъ-Картага.

³⁾ Вост. мотивы, 457, 651, 742.

скаго въ № 48 двѣ собаки (Чуйко и Буйко) и четыре звѣри (заяць, лисица, волкъ, медвѣдь), въ № 49 двѣ собаки (Чушко и Бачко) и три звѣри (волкъ, медвѣдь, лисица).

У Романова въ № 3 „Хортки“ семь звѣрей (заяць, лисица, волкъ, медвѣдь, лось, левъ, смолякъ) даются Ивану-царевичу каждый по хортку, такъ что у него образовалась защита изъ семи хортковъ, или собакъ; въ этомъ варианѣ число хортковъ совпадаетъ съ числомъ Джедай-хановыхъ собакъ. У Афанасьевы въ одномъ варианѣ то же самое¹⁾). Джедай-хановы собаки такъ же, какъ и собаки въ русской сказкѣ, заперты (въ Золотой горѣ вместо Чертовой мельницы) и стараются когтями выбраться изъ заключенія. Судя по этимъ сходимъ чертамъ, хорты и звѣри русскихъ сказокъ—это собаки Джедай-хана, только мѣсто ихъ иное; въ русской сказкѣ они друзья того лица, которому редакція симпатизируетъ, въ татарской же это помощники злого героя²⁾, Джедай-ханъ отвѣчаетъ Катай-хану предыдущей татарской сказки (можетъ быть, также и Sadei-Mirgän'у). Юда русской сказки—это Джедай-ханъ (Jedai-chan) татарской.

Все у тѣхъ же минусинскихъ татаръ В. В. Радловъ записалъ большую пѣсню³⁾, начало которой сходно съ началомъ двухъ предыдущихъ. Бездѣтный Акъ-ханъ выѣхалъ въ поѣздку по степямъ и горамъ; возвращается и узнаетъ, что въ его отсутствіе ханыша родила мальчика Ай-мэргэнъ. Наѣзжаетъ Солбанъ-мэргэнъ, побиваєтъ Акъ-хана и увозитъ родившагося ребенка. Имя хана то же самое, какъ и въ двухъ предыдущихъ татарскихъ сказкахъ, и также начинается сказка съ того, что ханъ выѣзжаетъ изъ дома; но онъ никого не встрѣчаетъ въ полѣ; затѣмъ на его домъ наѣзжаетъ враждебный Солбанъ, который отвѣчаетъ Катай-хану и Джедай-хану предыдущихъ сказокъ, а также Джельбагъ урянхайской сказки⁴⁾; вѣроятно, подобно послѣднему, Салбанъ-мэргэнъ встрѣтился Акъ-хану во время поѣздки и принудилъ его дать обѣщаніе отдать ему ожидаемаго ребенка. Вѣроятно редакція, выпроваживая Акъ-хана изъ дома, имѣла заднюю мысль создать инцидентъ встрѣчи съ враждебнымъ лицомъ. Солбанъ-мэргэнъ привезъ мальчика въ свой домъ, и приказалъ пригвоздить его семью желѣзными гвоздями къ землѣ при подножіи столба,

¹⁾ Афанасьевъ изд. 1897, т. II, стр. 10; въ подстрочномъ варианѣ противнику царевича учить его сестру потребовать молока отъ семи звѣрей: зайца, лисицы, куницы, волка, медвѣди, кабана и льва; каждый звѣрь даетъ царевичу молоко и щенка.

²⁾ Radloff, Proben, II, 385.

³⁾ Radloff Proben, II, 385.

⁴⁾ Мено отъ урянхайцевъ кромѣ имени Чолпанъ для звезды Венеры было записано еще имя Джильбы-хунынъ (Очеркъ с.-з. Монг., II, 127); впрочемъ это единственный случай. Для звезды Венеры есть русское название Волчья звѣзда (Афак., Позт. возвр., I, 763); въ русскихъ сказкахъ дѣтей иногда похищаетъ волкъ.

который служить коновязью; семь человѣкъ должны быть младенца желѣзной булавой въ семь пудовъ вѣсомъ; два краснобурыхъ волка, имѣющіе по три сажени длины, были приставлены караулить, чтобы робенокъ не перекинулся и не исчезъ¹⁾). Летѣли подъ небомъ два золотыхъ лебедя, лиши слезы изъ глазъ, обильные, какъ дождь и обратились въ двухъ жеребятъ; когда семь приставленныхъ богатырей заснули, а волки убѣжали искать Ѣды, жеребята спустились съ неба, вынули семь гвоздей и понесли младенца. Солбанъ-мвргэнъ погнался за бѣглцами и выстрѣломъ изъ лука перешибъ крыло одному жеребенку; онъ упалъ на землю. Другого жеребенка, уносящаго младенца въ устахъ, преслѣдуютъ два сивые Солбановы волка, но жеребенокъ убилъ волковъ. На вершинѣ горы, куда добѣжалъ жеребенокъ, стояли четыре рыжія лошади и четыре богатыря; имъ было приказано Солбанъ-мвргэному задержать жеребенка, но у него слезы потекли изъ глазъ, какъ дождь, и богатыри пожалѣли и пропустили его. Солбанъ-мвргэнъ, зарубивъ этихъ богатырей, отправился къ Ерлику и выпросилъ у него двухъ собакъ Казара и Пазара; овѣ догнали жеребенка, но ударомъ копытъ были обѣ убиты. Жеребенокъ донесъ младенца до берестиной юрты, въ которой жила дѣвица Ala Mangnuk дочь Тебѣнѣ-канъ-а и царицы Тебѣнѣ-кѣ; она приняла ребенка, положила въ золотой ящикъ и вложила ему въ ротъ рожокъ въ 6 сажень длиной. Приготовивъ для мальчика пищу и платье, Ала-Мангнукъ надѣла на себя лебединую оболочку и отлетѣла прочь; при взмахѣ ея праваго крыла раздалось тридцать пѣсенъ, при взмахѣ лѣваго семидесять; и пернатая, и когтистая заслушались ея пѣнія; съ трехъ взмаховъ она перелетѣла черезъ три горныхъ хребта, съ семи взмаховъ черезъ семь хребтовъ. Послѣ ея отлета мальчикъ осѣдалъ коня и побѣжалъ; въ семь прыжковъ онъ перескочилъ черезъ семь морей, съ высоты горы онъ увидѣлъ степь, которую ни ворона, ни сорока не въ состояніи перелетѣть; Ай-

1) Во всей ордѣ распространено представление о Полярной звездѣ, какъ о коловязи; она и называется или Золотымъ или Желтымъ приколомъ. Семь звѣздъ Бога Медведицы представлялись въ видѣ семи собакъ или семи волковъ, которые были прикованы къ Полярной звездѣ, или въ видѣ семи воровъ, или въ видѣ семи караульщиковъ, оберегающихъ отъ покражи двухъ коней (Вост. мотивы, 413). Въ татарской пѣснѣ о Солбанъ-мвргэнѣ семь звѣздъ Б. Медведицы, а думаютъ, представлены во-первыхъ въ видѣ семи гвоздей, которыми пробито къ землѣ тѣло Ай-мвргэна, во-вторыхъ въ видѣ семи богатырей, которые должны караулить тѣло Ай-мвргэна, чтобы оно не исчезло. Книжное монгольское сказаніе знаетъ шамана Тебѣнѣгари, одного изъ семи сыновей Мундзина; онъ былъ убитъ по приказанию Чингис-хана, тѣло его положено въ юрту, двери и верхнее отверстіе закрыты, при юртѣ поставлена была стража; на третій день на разсвѣтѣ верхнее отверстіе открылось, и трупъ ушелъ черезъ него (Труды пекинск. дух. миссії, IV, 138). Въ „Вост. мотивахъ“ (стр. 806) и сближаю этого Тебѣнѣгари (Тубутъ-тэнгри у Рашидъ-аддина) съ бурятскимъ Дебедеемъ, повидимому тоже шаманомъ, который былъ пастухомъ овецъ у звѣзды Солбанъ.

мэргэнъ обратилъ своего коня въ паршивую клячу, самъ обратился въ паршиваго лысаго мальчика; спустившись съ горы, онъ нашелъ своего старика отца пасущимъ овецъ Солбанъ-мэргэнъ¹⁾). Отецъ спрашиваетъ паршивца, не слыхалъ ли онъ чего объ Ай-мэргэнѣ; тотъ сначала разсказываетъ, что Ай-мэргэнъ съѣли собаки Казарь и Пазарь, но потомъ объявляетъ свое имя. Затѣмъ слѣдуетъ описание поединка между Ай-мэргеномъ и Солбанъ-мэргеномъ, кончающагося побѣдой первого. Конь совѣтуетъ сейчасъ бѣхать и убить сына Салбанъ-мэргэнъ. Ай-мэргэнъ видитъ на днѣ моря, кипящаго, какъ котель, семь юртъ и въ нихъ семь богатырей; однимъ выстрѣломъ Ай-мэргэнъ убиваетъ ихъ всѣхъ за разъ, потомъ схватывается съ сыномъ Солбанъ-мэргэнъ и убиваетъ его.

Это продолженіе сказки является такою же параллелью къ выше приведенной сказкѣ объ Ай-долеѣ, какъ и сказка объ Алартаѣ; здѣсь, какъ и тамъ, жеребенокъ является спасителемъ угнетеннаго царевича. Рассказъ о стариѣ-ханѣ, который пасеть овецъ у своего врага, и о его сыне - богатыре, являющемся въ видѣ заморыша, обыкновенно встрѣчается въ сказкахъ о сестрѣ или женѣ, измѣнице, увезенной любовникомъ, который убиваетъ брата или мужа женщины, захватываетъ его имущество, угоняетъ его скотъ и родителей убитаго обращаетъ въ рабство; въ виду этого можно предположить, что и здѣсь былъ разсказъ объ увезенной женщинѣ, именно Солбанъ-мэргену, иѣкоторые варианты сказки могли приписывать увозъ сестры или жены Ай-мэргэнъ и умерщвленіе послѣдняго, потомъ могло слѣдоватъ воскрешеніе Ай-мэргэнъ и возмездіе за увозъ женщины, то-есть съ именемъ Солбанъ-мэргэнъ связывались тѣ же сюжеты, какъ на западѣ въ славянскомъ мірѣ въ апокрифическихъ сказаніяхъ съ именемъ Соломона. Въ нѣкоторыхъ вариантахъ Солбанъ могъ стоять на мѣстѣ Ай-долеї или Ай-мэргэнъ, т.-е. на мѣстѣ гонимаго царевича, и если дѣйствительно къ этому царевичу пріурочивался иногда разсказъ объ измѣнице женщинѣ, то въ этихъ предположенныхъ вариантахъ Солбанъ вполнѣ отвѣчалъ славянскому Соломону, у котораго жена была увезена; а Катай-хань и Джедай-хань, отъ которыхъ пострадалъ царевичъ, въ этихъ вариантахъ соотвѣтствовали бы Литоврасу славянскихъ сказаний²⁾.

1) По бурятскому повѣрю звѣзда Уха-Солбанъ—богатый человѣкъ, у котораго большія стада овецъ; ихъ пасеть пастухъ Дебедей (Вост. мотивы, 805).

2) Монгольская сказка, помещенная въ Очеркахъ с.-в. Монголіи, IV, 348 (№ 85, „Убывающій на быкѣ отъ шулума мальчикъ“) ближе къ русской, чѣмъ приведенная выше урянхайская о трехъ дѣвочкахъ, убывающихъ отъ Джельбаги. Въ монгольской сказкѣ вместо русского Юды, вместо урянхайскаго Джельбаги шулумъ (т.-е. шолмо, чортъ). Какъ и въ русской, мальчика изъ шулума увозить на себѣ быкъ; мальчикъ береть съ собой камень и въ ротъ набираетъ воды; камень обращается потомъ въ груду камней, выплюнутая вода въ море. Шулумъ тонетъ въ водѣ. Быкъ велитъ зарѣзать его, какъ и въ нѣкоторыхъ русскихъ сказкахъ; зарѣзанный быкъ превращается въ богатство.

Судя по именамъ дѣйствующихъ лицъ, эти сказки принадлежать къ звѣздному эпосу. Солбанъ имѧ звѣзы Венеры, распространенное, какъ у тюроковъ, такъ и у монголовъ (съ версіями Чолбонъ, Чолпанъ, Цолмонъ и друг.). Въ именахъ Ай-долей и Ай-мэргэнъ первый членъ ай—“лѣна” на всѣхъ тюркскихъ нарѣчіяхъ³⁾. Собакъ Асыръ и Басыръ,—монгольское повѣрье видѣть среди звѣздъ гдѣ-то около созвѣздія Ориона; три звѣзы Ориона это три оленя, за которыми гонится богатырь или мэргэнъ съ двумя собаками Асыръ и Басыръ²⁾. Волки и собаки въ татарскихъ сказкахъ стоять не на сторонѣ доброго героя, а въ противоположность русскимъ сказкамъ на сторонѣ злого. Это можетъ бытъ означаетъ, что по тюрко-монгольскимъ преданіямъ и повѣрьямъ собаки и волки были крѣпко привязаны къ именамъ Солбанъ, Джедай-хавъ и Катайханъ. Когда въ сказавіи на мѣстѣ доброго богатыря ставился Ай-долей или Ай-мэргэнъ, а Солбанъ, Джедай-ханъ или Катайханъ изображались злую силой, то и собаки оказывались на злой сторонѣ; но въ тѣхъ предполагаемыхъ вариантахъ, въ которыхъ Солбанъ, Джедай-ханъ или Катай-ханъ являлись добрыми героями, собаки и волки оказывались на доброй сторонѣ.

¹⁾ Въ одной изъ трехъ приведенныхъ пѣсень главный герой выѣсто имѣни съ членомъ Ай называется Ала - Карлага (песнь ястребъ по переводу г. Катанова; си. Алеев. указатель къ Proben g. Radlova, Спб. 1888), во членъ ай все-таки есть и въ ней; овъ перенесенъ за Ай-Темуса, противника главаго героя. Картыга-мэргэнъ находится въ эпической пѣснѣ кызыльцевъ (Radioff, Proben, II, 607). Aedeschän-Ко, недовольная тѣмъ, что не имѣеть дѣтей отъ своего мужа Südai-märgäп'a, предлагаетъ свою любовь богатырю Картыга-мэргену; она погти мужа до-илья; Сѣдай-мэргэнъ не можетъ противостоять своему противнику Картыга - мэргену; онъ убѣгаетъ изъ дома безъ оружія, бѣзъ платья, голый и пышкомъ; въ лѣсу овъ убивается недѣда и одѣвается въ его шкуру; судя по некоторымъ выраженіямъ, овъ обращается въ менѣди. Въ этомъ видѣ онъ приходить въ человѣческое общество, въ резиденцію Алтынъ-хана, который выдастъ свою двоихъ дочерей за богатырей Ай-мэргэнъ и Кунь-мэргапа, а младшую, за ей отказъ отъ предложенаго ей жениха, отецъ отдаетъ медвѣдю, т.-е. Сѣдай-мэргену. Старшіе вѣтры Ай-мэргэнъ и Кунь-мэргэнъ не могутъ исполнить порученія хана отпугнуть какую-то птицу, которая повадилась пожищать кобылы съ серебряной шерстью и убить тигра, который опустошалъ край; Сѣдай-мэргэнъ спасаетъ жеребенка и убиваетъ тигра, во уступаетъ свои трофеи старшимъ зятьямъ за право отрѣзать у нихъ по суставу отъ мизинца и вырѣзать ремни изъ спины. Зятья бросаютъ Сѣдай-мэргену въ глубокую яму; царевна Ай-данъ-Ко, дочь Алтынъ-хана привозитъ дѣвицу, дочь богатыря Торомонъ - моко, которая расчесываетъ свою косу, опускаетъ ее въ колодезь и при помощи этой косы Сѣдай-мэргэнъ поднимается изъ ямы. Обличивъ зятьевъ посредствомъ суставовъ и вырѣзанныхъ ремней, Сѣдай-мэргэнъ отправляется къ своей старой женѣ Эджэнъ-Ко, прежде, чѣмъ явиться къ ней, принимаетъ видъ шелудяка, кои обращаетъ въ коростяжаго жеребенка, встрѣчаѣтъ свою дочь, рассказываетъ, будто Сѣдай-мэргэнъ умеръ въ колодезѣ, потому видится съ Эджэнъ-Ко и съ Картыга-мэргеномъ; они вѣнятся, и она не искать имъ. Эта сказка, кажется, принадлежитъ къ группѣ сказокъ о медвѣдѣ сынѣ (см. ниже).

²⁾ Очерки са. Монголія, IV, 205; Танг. тиб. окраина Китая, II, 327.

Свидѣтельствомъ того, что звѣри выставлялись помощниками доброго героя и на востокѣ, можетъ быть, можетъ служить книжная монгольская повѣсть о Бикарь-Мадзади. Это царевичъ, родившійся, какъ и другой мальчикъ Шалу, отъ съѣденной муки; это монгольскій Катигорошекъ или Буря-богатырь. Бикарь-Мадзади (въ монхѣ Очеркахъ с.-з. Монголіи—Бэгэрь-Меджитъ) вмѣстѣ съ Шалу ѳдѣть возвращать свое царство, захваченное насильникомъ царемъ шимнусовъ, слѣдовательно онъ стоитъ на мѣстѣ Аи-мэргэза, ѡдущаго освобождать отца-царя отъ насильника Солбанъ-мэргэна. Въ повѣсти являются волки, въ корѣ съ которыми выросъ и воспитался Шалу; онъ понимаетъ ихъ разговоръ, который служить указаниемъ, какъ слѣдуетъ поступать. Въ бурятской версіи этой сказки семь волковъ, которые помогаютъ юношамъ не только совѣтомъ, но и дѣйствиемъ; они изгрызаютъ оружіе у войска, посланного противъ юношей¹⁾). Они такіе же благодѣтели гонимыхъ юношей, какъ въ русскихъ сказкахъ говорящіе вороны или говорящіе голуби, докладывающіе о ходѣ работы собакъ, грызущихъ двери²⁾). Кончается разсказъ о Бикарь-Мадзади тѣмъ, что этотъ царевичъ вступаетъ въ бой съ царемъ шимнусовъ; онъ обращается въ сто львовъ, которые и разрываютъ насильника. Въ болѣе старой редакціи, можетъ быть, на мѣстѣ львовъ стояли семь волковъ, которые въ монгольской сказкѣ отвѣчаютъ „звѣриной защѣтѣ“ русскихъ сказокъ, также заканчивающей битву. Въ разсказѣ о Бикарь-Мадзади нѣть женщины, но ее можно тутъ предположить; конецъ разсказа могъ имѣть видъ освобожденія царевны, обреченной на съѣденіе Змію (дарю шимнусовъ?). А такъ какъ существуютъ многіе примѣры схемы, въ которой соединены два эпизода: 1) о женщинѣ измѣнице и 2) о царевичѣ, обреченной въ жертву, то мы можемъ допустить, что и въ разсказѣ о Бикарь-Мадзади было два эпизода, то есть кроме предполагаемаго разсказа о женщинѣ, обреченной Змію, былъ и другой, о женщинѣ, которая ему измѣнила и была увезена. Если бы такой эпизодъ въ самомъ дѣлѣ нашелся—сказки о Бикарь-Мадзади не всѣ еще собраны—это объяснило бы, почему повѣсть о Бикарь-Мадзади (Арджи-Борджи) имѣть отношенія къ славянскимъ сказаніямъ о Соломонѣ и Китоврасѣ.

¹⁾ Очерки с.-з. Монг., IV, 282, сказка „Анъ-Богдоръ“.

²⁾ Въ русскихъ сказкахъ покровителемъ гонимаго царевича является волкъ или бычокъ, который несетъ его и его сестру на себѣ, перевѣзть черезъ рѣку и даетъ ему собаку. Подъ этимъ видомъ можетъ быть скрывается душа отца или матери царевича. Въ угорусской сказкѣ старикъ даетъ Каролю трехъ собакъ, а потомъ велитъ Каролю, чтобы онъ и ему старику, и собакамъ отрубить головы; изъ всѣхъ обезглавленныхъ тѣлъ выпадаютъ голуби. У Аѳанасіева, № 117, бычокъ велитъ, чтобъ дать его, бычка, зарѣзали и сожгли, пепель посыпали на трехъ грядкахъ; на одной грядѣ выскочилъ козъ, на которой потомъ царевичъ сталъ жить, на другой собачка, на третьей яблоня; въ подстрочномъ варианѣ на той же страницѣ: бычка зарѣзали, мясо съѣли

Я разсмотрѣлъ три сказки, двѣ «аргопольскія»: „Бурза Воловичъ“ и „Царь Калпикъ“ и одну угрорусскую о Каролѣ, сынѣ мясороша. Теперь я перейду къ французской сказкѣ „Jean de l’Ours“. Вотъ содержаніе этой сказки по Cosquinу¹⁾:

Медвѣдь увлекъ одну женщину въ свою берлогу; спустя нѣкоторое время эта женщина родила мальчика на половину человѣка, на половину медвѣдя; его назвали Jean de l’Ours. Медвѣдь кормилъ родильницу и ея ребенка. Когда мальчикъ достигъ четырехлѣтняго возраста, онъ, по совѣту матери, попробовалъ отвалить камень, которымъ медвѣдь обыкновенно заваливалъ входъ въ пещеру, но не могъ. Когда ему стало семь лѣтъ, во время отсутствія медвѣдя, онъ опять попытался отвалить и отвалилъ²⁾; они вдвоемъ съ матерью бѣжали; мать съ ребенкомъ возвратилась къ своему мужу. Мальчикъ сталъ ходить въ школу; онъ былъ злой и обнаруживалъ необыкновенную силу; однажды онъ ударилъ своего товарища, и отъ этого удара цѣлый рядъ школьнниковъ полетѣлъ съ лавки; а когда учитель сталъ дѣлать Жану выговоръ, Жанъ выбросилъ его въ окно. Когда мальчику стало 15 лѣтъ, онъ пошелъ служить къ кузнецу, но не ужился тутъ, и черезъ три дня перешелъ къ другому кузнецу и потомъ къ третьему. У послѣдняго онъ собралъ все желѣзо, какое у него было, сковалъ себѣ палицу въ 500 фунтовъ, и пошелъ странствовать. Дорогой онъ встрѣтилъ человѣка Jean de la Meule, который игралъ жерновомъ, кидая его. Jean de l’Ours спрашиваетъ его, не хочетъ ли онъ итти съ нимъ вмѣстѣ. Тотъ соглашается. Далѣе встрѣчается

ности сложили вмѣстѣ и стали поливать; изъ костей народались двѣ собаки (изд. 1897 г., II, стр. 4); въ № 118, var. a бычокъ соѣтуетъ дѣтямъ зарѣзать его, бычка, сѣть, косточки собрать и ударить; ударили и выпадѣлъ мухачокъ куличокъ, самъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ, который и оказалъся потомъ царевичу помошь (стр. 6); въ томъ же № 118, var. c, въ подстрочномъ варианѣ: герой входить въ донъ, тамъ лежитъ старый-старый дядь; онъ умираетъ и оставляетъ въ наследство герою трехъ собакъ (стр. 8). У Романова, № 5, var. b: волыкъ зелитъ Иванъ-бить его, волика, дубовымъ ирутомъ; Иванъ ударилъ разъ, выскоцила изъ волыка собака, еще разъ ударили—другая; въ третій ударинъ—третья; поѣдъ того волыка попрощались и ушелъ (стр. 61); въ № 7 хлопчикъ разбилъ волика на 12 частей и бросилъ ихъ въ море; выскоцили изъ мора 12 гончихъ собакъ (стр. 64). У Чубинскаго, № 48: варзали бычка, кости застремили въ стѣху, изъ костей выросли двѣ собаки (стр. 143); № 49: рога убитаго бычка застремлены въ хатѣ; изъ нихъ выросли двѣ собаки (стр. 154).

¹⁾ *Emmanuel Cosquin*, Contes populaires de Lorraine, 2 tirage, Paris. T. I, p. 1—5.

²⁾ Тутъ можетъ быть пропускъ. Богатырь ве два, а три раза дѣжалъ попытки выйти изъ медвѣдѣй берлоги. По одному книжному преданию Чингисханъ, или вѣрнѣе Темучинъ, спрятался отъ враговъ въ пещеру и три раза пытался выйти изъ вея, но всякий разъ получалъ разныи звѣзевія, которые отмонали его отъ исполненія вамѣренія; одинъ разъ онъ прекратилъ попытку потому, что вашелъ входъ заваленнымъ бѣлымъ камнемъ. (Алтанъ-Тобчи. стр. 11).

нимъ Apprie-Montagne. На вопросъ, что онъ дѣлаетъ, онъ отвѣчаетъ, что поддерживаетъ гору; безъ него она упала бы ¹⁾). Идуть втроемъ далѣе; еще человѣкъ Tord-Chêne. Онъ крутнъ дубъ, чтобы перевязать хворость. Четверо товарищѣ пошли черезъ лѣсъ и нашли замокъ; они расположились въ этомъ замкѣ и условились, что одинъ изъ нихъ по очереди будетъ оставаться въ замкѣ и готовить обѣдъ, пока другое будетъ на охотѣ. Остался первымъ Jean de la Meule; пришелъ великанъ, бросилъ Jean'a de la Meule на землю и ушелъ; Jean de la Meule не имѣлъ силъ позвонить, чтобы созвать своихъ товарищѣй, какъ это было условлено. Они сами пришли и нашли товарища больнымъ; онъ сказалъ, будто онъ угорѣлъ. То же самое случилось и съ другими товарищами: Apprie Montagne и Tord-Chêne. Наконецъ, остается въ замкѣ Jean de l'Ours; когда великанъ бросился на него, Жанъ ударилъ его палицей и раскололъ надвое ²⁾). Осмотрѣвъ замокъ, нашли въ полу отверстіе; сначала спустили Jean'a de la Meule, но онъ услышалъ тамъ надъ собой ужасные крики, перепугался, и его вытащили пазадъ ³⁾; также безуспѣшно спускались и Apprie-Montagne (Держи-гора) и Tord-Chêne (Сучи-дубъ). Спустился Jean de l'Ours; онъ не слышалъ никакихъ звуковъ. Внизу онъ встрѣтилъ фею, которая сказала, что тутъ въ замкѣ живутъ черти, въ первой залѣ 11 и во второй 12, а въ третьей онъ найдетъ трехъ принцессъ. Jean de l'Ours палицей разбиваятъ обѣ двери, убиваешь неѣхъ чертой, принцессъ отправляется по канату въ верхній міръ. Отъ каждой принцессы онъ получилъ въ подарокъ шаръ, украшенный золотомъ, жемчугомъ и изумрудомъ. Три товарища разобрали принцессъ между собой и когда поднимался по канату Jean de l'Ours, они обрубили канатъ, Jean de l'Ours упалъ и изломалъ себѣ ногу. Къ счастью онъ имѣлъ горшокъ съ мазью, который дала ему фея; онъ помазалъ колѣно, и нога выздоровѣла. Онъ не зналъ, что дѣлать, но въ эту минуту явилась фея и научила подняться по тропинкѣ, которая вела вверхъ; при этомъ онъ не долженъ былъ оглядываться назадъ на небольшой свѣтъ, иначе свѣтъ потухнетъ, и онъ не увидитъ болѣе своей дороги. Jean de l'Ours поспѣдовалъ совсѣму феи; выйдя на верхъ, онъ нашелъ своихъ товарищѣй, готовыхъ отправиться въ путь; онъ прогналъ ихъ. Принцессы хотѣли увести его къ своему отцу, но онъ отказался, сказавъ, что можетъ быть когда-нибудь и придетъ въ ихъ королевство. Онъ положилъ шары въ свой карманъ; принцессы возвратились однѣ къ своему отцу. Jean de l'Ours, иространствовавъ пѣкоторое время, пришелъ въ страну короля, отца трехъ прин-

1) О летучей мыши, поддерживающей дерево или міръ, см. Вост. мотивы 460.

2) Уругланъ разсказъ наполы Theodula-am'я въ то время, какъ онъ уходилъ въ каменные ворота.

3) Въ сказкѣ, записанной на Памирѣ, спущенный товарищъ кричитъ: „Я горю!“ (Созунінъ, I, 20).

цессъ, и поселился у кузнеца; такъ какъ онъ былъ искусственъ въ этомъ дѣлѣ, кузница вскорѣ стала на славѣ. Король призвалъ кузнеца и сказалъ: „сдѣтай по этому образцу три шара; если же къ такому-то времени они не будутъ готовы, ты будешь казненъ“. Jean de l'Ours успокоилъ кузнеца, пообѣщавъ сдѣлать шары. Наступаетъ срокъ, а Jean de l'Ours еще не принимался. Кузнецъ спрашиваетъ его, готовы ли шары. Тотъ велитъ товарищу припости вертелъ; пока кузнецъ ходилъ въ погребъ за вертеломъ, Jean de l'Ours поколотилъ по наковальнѣ и выложилъ изъ своего кармана шары. Кузнецъ отнесъ ихъ во дворецъ; король щедро заплатилъ за нихъ и показалъ ихъ принцессамъ. Тѣ говорятъ другъ другу: „это тѣ самые шары, которые мы дали молодому человѣку, освободившему насъ“¹. Онъ рассказалъ это отцу; король послалъ за Jean'омъ и выдалъ за него младшую, самую красивую принцессу.

Сказка съ такимъ сюжетомъ — убіеніе чудовища, нисхожденіе въ подземный міръ, и освобожденіе принцессы, говоритъ Коцкэнъ въ примѣчаніи, встрѣчается у многихъ европейскихъ народовъ, но не всегда съ такимъ же введеніемъ.

Giuan dall' Urs сказки изъ итальянского Тироля ¹), герой венденской сказки (или лужицкихъ славянъ) ²), Jean de l'Os каталонской, Петръ Медвѣдь ганноверской, Giovanni dell' Orso итальянской изъ Mantouan'a, Jean de l'Ours изкардийской,—всѣ происходятъ отъ союза женщины съ медвѣдемъ; герой каталонской сказки наполовину медвѣдь; въ русской сказкѣ Иванъ Медвѣдко, сынь женщины и медвѣдя, выше пояса человѣкъ, ниже медвѣдь ³).

Иванъ Медвѣдь, у Афанасьевъ ⁴) Ивашко Медвѣдко въ 15 лѣтъ становится нестерпимымъ; подобно Еруслану, кого ухватить за руку—рука прочь, кого за голову—голова прочь. Жители просить дѣда Ивашкина удалить внука изъ края. Ивашко дѣлаетъ желѣзную дубинку въ 25 пудовъ и уходитъ. Дорогой къ нему присоединяются богатыри Усыня, Горыня и Дубыня. Они входятъ въ лѣсъ и поселяются въ лѣсной избушкѣ; вместо великана избушку посѣщаетъ баба-яга, костяная нога; она избила Усыню, Горыню и Дубыню и у каждого вырѣзала по ремню изъ спины; богатыри стыдятся сказать правду Ивашкѣ и говорятъ, что они заболѣли оттого, что угорѣли, но должны были сознаться, когда пошли вместѣ съ Ивашкой въ баню. Баба-яга, побита Ивашкой, ушла подъ землю въ нору, прикрытую камнемъ. Ивашко вбиль около норы столбъ, привязалъ къ нему веревку, и его спустили

¹⁾ Какъ и въ французской сказкѣ, герой пытается поднять „гору“, которую было завалено входомъ въ гротъ.

²⁾ Венденскій герой поднималъ камень, запиравшій пещеру, когда достаѣгъ семи-лѣтняго возраста.

³⁾ Сокчин, I, 6, 7.

⁴⁾ Афанасьевъ, изд. 3, 1897 г., № 81, т. I, стр. 175.

въ подземный міръ. Тамъ Ивашко находить дворецъ; въ немъ три дѣвицы, которая учать Ивашку, какъ убить бабу-ягу, ихъ мать. Она теперь спить, а въ головахъ у вей мечь-кладенецъ; дѣвицы совѣтуютъ выхватить мечь и только разъ рубить, а въ другой разъ не рубить; если онъ ударить въ другой разъ, баба-яга оживетъ; это тотъ же самый совѣтъ, который даетъ Еруслану богатырю Расланею; поль головой Расланея также лежитъ мечь-кладенецъ, которымъ Ерусланъ долженъ убить царя-Огненный Щитъ, удариивъ только одинъ разъ¹⁾). Ивашко убилъ бабу-ягу и дѣвицъ подалъ по веревкѣ въ верхній міръ. Каждый изъ трехъ богатырей взялъ себѣ по дѣвицѣ; доставшаяся Дубынѣ не хочетъ за него. Въ сердахъ онъ пересѣкъ палицей веревку, по которой поднимался Ивашко, а дѣвицу заставилъ пасти коровъ. Ивашко упалъ, зашибся, но, оправившись, нашелъ подземный ходъ и по нему вышелъ на бѣлый свѣтъ, нашелъ дѣвицу, пасущую коровъ, убилъ трехъ коварныхъ товарищай и женился²⁾.

Въ аварской сказкѣ на Кавказѣ³⁾ герой—сынъ женщины, увлеченной медвѣдемъ въ берлогу, рождается съ медвѣжьими ушами, почему и получаетъ имя Медвѣжье ухо. Узнавъ отъ своей матери, что онъ своимъ рожденiemъ обязанъ насилию, совершенному медвѣдемъ надъ его матерью, сталкивается медвѣдя въ ровъ, гдѣ тотъ и умираетъ⁴⁾. Возвратившись въ страну своей матери, Медвѣжье ухо поступаетъ на службу къ царю, но его необычайная сила вызываетъ у царя сильное желаніе освободиться отъ такого слуги; царь даетъ ему опасныя порученія, наприм. принести карты (злое существо въ родѣ нашей бабы-яги). Медвѣжье ухо приносить; царь, неожидавшій такого конца этой поѣздки, перепугался

¹⁾ Соединеніе бабы-аги съ этимъ мотивомъ служить свидѣтельствомъ, что отголоски еруслановскихъ мотивовъ въ сказкахъ о медвѣдѣ или коровѣмъ сына въ вставлена въ нихъ позднейшими рассказчиками подъ влияніемъ книжной сказки обѣ Еруславѣ, а принадлежать къ нихъ первоначальной редакціи. Не возможно представить себѣ стадіи, по которымъ позднейшій рассказчикъ могъ бы отъ головы Расланея, лежащаго среди поля, усыпанаго костями, дойти до бабы-яги, лежащей въ постели, или представить поводъ, по которому онъ перенесъ деталь о мечѣ съ Расланея на бабу-ягу, вѣ имѣющую никакого вѣнчанія сходства съ Расланеемъ.

²⁾ Въ угровской сказкѣ (Ethnографичній збірникъ, видае этногр. комиссия Наукового товариства імені Шевченка, т. IV, Львівъ, 1898) сынъ медвѣдя назыв. Медвѣдъ Іванко. Къ сказкѣ указана литература. См. Драгомановъ. „Ведмеже ухо, Верни-гора и Крутівусъ“ (Малор. пред., 255), „Розомни же-льво, Роспіжа-гора и Загатівода“ (257), Шейсь, „Івашка баражка, медвѣжье ушко“ (Матеріали, 110), Гнатюкъ, „Іванко, Товчківмінь-Печкодачі, Сучн-мотузокъ“, стр. 33—39, Садовниковъ, Медвѣдяй сынъ. (Самарск. сказки, 150), Гринченко, „Івашко, ведмеже ушко“, I, 181.

³⁾ Schießner, Avarische Texte, S. Petersburg, 1873 (извлечено изъ Mémoires de l'Acad. de Saint-Pétersbourg, VII Série, t. XIX, № 6).

⁴⁾ Александръ Македовскій, герой романа „Александрия“, сынъ Олимпіады и Нектавеба, который явился Олимпіадѣ въ видѣ вологлаваго бога Аммова, убиваетъ своего отца Нектанеба, столкнувшись съ крыши дома.

при видѣ карты и торопить Медвѣжье ухо отвести ее на прежнее мѣсто ¹⁾). Медвѣжье ужо оставляет царя и идет странствовать; дорогой встречаетъ человѣка, который несетъ на себѣ два платана, вырванныхъ съ корнями, и другого, который вортилъ мельницу на своихъ колѣняхъ; они присоединяются къ Медвѣжьеву уху. Далѣе эпизодъ о карликѣ съ длинной бородой, который избываетъ двухъ товарищѣй, остававшихся поочереди готовить обѣдъ, но Медвѣжье ухо беретъ верхъ падъ нимъ и запечмляетъ его бороду въ трещинѣ дерева ²⁾). Карликъ, увлекая за собой дерево, уходитъ подъ землю, Медвѣжье ухо спускается сльдомъ за нимъ, убиваетъ его, освобождаетъ пѣненную имъ дѣвицу и подаетъ ее на верхъ товарищамъ; они принцессу подпимаютъ, а Медвѣжье ухо оставляютъ въ подземномъ мірѣ. Провалившись еще въ болѣе низшій слой подземного міра, Медвѣжье ухо убиваетъ лракона съ девятью головами, которому ежегодно давали на съѣденіе дѣвицу. Орель, благодарный ему за то, что онъ убилъ змѣю, которая ползла, чтобы съѣсть орлятъ, выносить его прямо на Божій свѣтъ ³⁾.

Тотъ же сюжетъ о жизни трехъ или четырехъ товарищей-охотниковъ, поочереди домовничающихъ, и о чудовищѣ, которое дѣлаетъ насилие надъ ними и уходитъ въ подземелье, соединенъ иногда съ другимъ введеніемъ; главное лицо, побѣдитель чудовища, зачать не отъ медвѣда, а отъ съѣденной рыбы или отъ съѣденной ухи ⁴⁾:

Въ монгольской сказкѣ о Масатѣ съ телячымъ лицомъ ⁵⁾, вмѣсто неестественнаго зачатія (отъ съѣденной рыбы), какъ въ сказкѣ „Бурза Воловичъ“, стоитъ неестественный половой союзъ между человѣкомъ и четвероногимъ животнымъ, какъ въ сказкахъ

¹⁾ Сходная сцена, въ нашихъ былинкахъ; князь Владимиръ перепугался, когда Илья Муромецъ привезъ Соловьеву.

²⁾ Въ итугушскомъ варианѣ этой сказки, записанной иною (Очерки с.-з. Монг., IV, 782), Медвѣжій сынъ, Че уа', такъ сильно ударилъ бородатаго человѣка, стоящаго тутъ на мѣстѣ карлика, обѣ дерево, что всадилъ его въ дерево, навъ топортъ.

³⁾ Гнѣздо на деревѣ мы находимъ въ монгольской сказкѣ о Даалу-изрганѣ (Очерки с.-з. Монг., IV, 511); этотъ богатырь наѣзжаетъ на склонное дерево (дважды-намо); на немъ гнѣздо птицы Ханъ-Гариды; змѣя Абырга-могой обвилась кругомъ дерева и готова съѣсть птенцовъ; богатырь убиваетъ змѣю и благодарная птица приноситъ ему морскую вѣну, за которую овъ поѣхалъ. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что въ этой сказкѣ соединены темы изъ Ерусалама (бой отца съ сыномъ, котораго отецъ находитъ спящимъ въ пойѣ и сначала не узнаетъ, стр. 508—509; убиеніе змѣи (мавмыса), и сонъ передъ тѣмъ, отъ котораго онъ просыпается только послѣ слезъ женщины, капнувшей ему на щеку, стр. 508) и изъ сказки о медвѣжьемъ сыне (гнѣздо птенцовъ на деревѣ и змѣя, стр. 511; можетъ быть, сюда же слѣдуетъ отнести и эпизодъ о товарищахъ, одаренныхъ необыкновенными способностями, необыкновеннымъ слухомъ, способностью поднимать горы, и пр., стр. 503—504).

⁴⁾ Афанасьевъ, третье изданіе (1897) I, 76, 162, 170.

⁵⁾ Шиддикуръ въ Этвогр. Сборника, изд. Геогр. Общ., т. VI. стр. 21—27.

„Jean de l'Ours“ и „Ивашко Медвѣдко“. Старикъ, имѣвшій бездѣтную жену, прижилъ съ коровой сывой, который имѣлъ телячью голову и былъ названъ Масангомъ¹⁾). Масангъ оставляетъ домъ родителя; въ лѣсу онъ встрѣчаетъ чернаго человѣка, родившагося отъ лѣса, потомъ въ степи зеленаго человѣка, родившагося отъ травы и около хрустальнаго холма бѣлаго человѣка, родившагося отъ хрустала. Всѣ трое присоединяются къ Масангѣ; они находять уединенный домъ; каждый день трое уходять на охоту, одинъ остается въ домѣ. Каждый день является маленькая женщина, съѣдаетъ весь заготовленный обѣдъ и исчезаетъ; товарищи остававшійся въ домѣ, береть конское копыто, дѣлаетъ слѣды вокругъ дома, и потомъ разсказываетъ своимъ товарищамъ, будто на него напало большое войско и отняло все заготовленное. Такъ побиты женщиной черній человѣкъ, зеленый и бѣлый. Наступаетъ очередь оставаться въ домѣ Масангѣ, онъ побиваєтъ женщину и обличаетъ товарищей во лжи. Они идутъ выслѣживать женщину по пролитой крови, приходятъ къ ямѣ въ скалѣ и видятъ на днѣ ея трупъ женщины и груду драгоцѣнностей. Товарищи спускаютъ Масанга въ яму на веревкѣ; Масангъ подаетъ имъ на верхъ по веревкѣ драгоцѣнности; товарищи поднимаютъ ихъ, но Масангъ оставляютъ въ ямѣ. Масангъ находитъ три вишневыя косточки, садить ихъ въ землю, а самъ ложится спать. Просыпается черезъ нѣсколько лѣтъ, вишни выросли большими деревьями и онъ по нимъ выбрался изъ ямы. Онъ нашелъ своихъ вѣроломныхъ товарищій, но простилъ ихъ.

Въ монгольской сказкѣ нѣть освобожденія трехъ царенъ, но тутъ несомнѣнно пропускъ; Масангъ, выйди на вольный свѣтъ, ищетъ своихъ товарищій и находить трехъ женщинъ; это жены его товарищій, которые живутъ каждый въ отдѣльномъ другъ отъ друга домѣ. Мужья были на охотѣ; Масангъ находить ихъ и пускаетъ въ нихъ стрѣлу; по стрѣлѣ они узнали, кто стрѣляетъ, и стали просить у Масанга прощенія, соглашаясь уступить ему своихъ женъ. Это и были вѣроятно освобожденныя Масангомъ даревны.

1) Въ большинствѣ случаевъ отецъ животное (медвѣдь), мать человѣкъ, но въ имеретинской, какъ и въ монгольской, человѣкъ является отцомъ, а мать животнымъ. Герой имеретинской сказки Леванъ Датвистъ-шивили, т. е. „Леванъ, Медвѣдій сынъ“ сынъ попа и медвѣдицы. Онъ, подобно Ерусалану, оказываетъ ся неудобнымъ для человѣческаго общества вслѣдствіе своей чрезмѣрной силы; царь придумываетъ ему опасные порученія, чтобы избавиться отъ него, и посыпаетъ его 1) вырубить лѣсъ, 2) достать красавицу Мзисъ-Нахаги. Леванъ набираетъ товарищій, обжору, оппивало, слушателя, хромого пастуха зайцевъ; получивъ царевну, тѣдѣть въ царю, но падаетъ въ яму, коварно приготовленную въ воротахъ; его выносятъ крылатые кони. (Сборн. матер. для опис. мѣстъ и плем. Кавказа, въ XIX, отд. II, стр. 1—8). Въ киргизско-татарской сказкѣ Ибыгѣ-ип родится (въ пещерѣ) отъ союза человѣка и чудовищной женщины албысты (Живая Старина, 1897, въ IV, стр. 230); албысты на мѣстѣ медвѣдицы.

Въ монгольской сказкѣ нѣть эпизода о благодарной птицѣ, за спасеніе дѣтенышѣ отъ грозовѣй тучи или отъ змѣи выносящей героя на бѣлый свѣтъ; монгольская сказка придумала другое средство вывести героя изъ подземнаго міра—изъ трехъ косточекъ выростаетъ высокое вишневое дерево, по которому Масангъ выбирается на верхъ. Но мотивъ благодарнаго существа все-таки введенъ и въ монгольскую сказку въ видѣ отдѣльного эпизода, слѣдующаго сейчасъ за разсказомъ о деревѣ. Я говорю о заступничествѣ Масанга за бѣлаго быка въ борьбѣ съ чернымъ быкомъ.

Выбравшись изъ подземелья, Масангъ приходитъ въ небесное царство Хормусты. Здѣсь онъ, по просьбѣ послѣдняго, принимаетъ участіе въ борьбѣ бѣлаго быка съ чернымъ; подъ видомъ бѣлаго быка сражался тэгрій, т. е. небожитель (сторонникъ или представитель Хормусты), подъ видомъ чернаго—асури или шумусъ; ниже этотъ послѣдній называется Шумусъ-хаганомъ, „царемъ шумусовъ“ (т. е. царемъ нечистыхъ духовъ). По совѣту Хормусты Масангъ пускаетъ стрѣлу изъ своего желѣзного лука; она попала въ голову чернаго быка, и быкъ убѣжалъ. Уходя съ поля битвы, Масангъ заблудился и пришелъ къ воротамъ жилища Шумусъ-хагана; ему отперла жева хагана, мечущая изъ рта искры. Масангъ сказалъ ей, что овъ врачъ; его впустили въ домъ и попросили вылечить раненую голову хагана. Масангъ принялъся за лѣченіе; онъ бросилъ вверхъ семь зеренъ, которыя ему далъ Хормуста (значеніе этихъ зеренъ сказка не выясняетъ), и еще глубже вогналь стрѣлу, которая была въ головѣ хагана. Въ это время съ неба спустилась желѣзная цѣпь (ее спустилъ, конечно, благотворный Хормуста), по которой Масангъ началъ подниматься, но жена Шумусъ-хагана схватила желѣзную съ пылающимъ пламенемъ палку и ударила Масанга по спинѣ, отчего Масангъ разсыпался на семь кусковъ, изъ которыхъ образовалось семь будъ (вѣроятно какое-нибудь созвѣздіе, состоящее изъ семи звѣздъ¹⁾).

Тэгрій, на котораго нападаетъ черный быкъ, здѣсь занимаетъ мѣсто орлятъ, которымъ угрожаетъ черная туча или змѣя; на мѣстѣ орла, выносящаго героя изъ подземнаго міра, здѣсь Хормуста, поднимающей Масанга на небо.

Въ монгольской сказкѣ два подъема: 1) изъ подземнаго міра

¹⁾ Выше въ подстрочномъ привѣчавіи изложено содержаніе тюркской сказки о Сѣдѣй-мэргэѣ; это кажется однѣ изъ версій сказки о медвѣжемъ сыне. Сѣдѣй-мэргэнъ ходить, одѣвшись въ шкуру медведя; люди, увидѣвъ его, разбегаются; по вѣнчорымъ выраженіямъ суда, онъ не только одѣлся медвѣдемъ, но обратился въ медведя. Съ Масангомъ у него то общее, что, подобно тому, какъ товарищи Масанга не могутъ взять верхъ надъ злой смой, и только Масангъ отправляется съ нею, такъ и здѣсь, соперники Сѣдѣя, его вѣтья, не могутъ убить тигра, а убиваетъ его только Сѣдѣй; затѣмъ, подобно Масангну, Сѣдѣй опушаетъ въ подземный міръ (колодезь); Масангъ выходитъ оттуда по тропинкѣ; Сѣдѣй иначе,—его поднимаютъ на волосахъ, но въ другомъ эпизоде Масанга поднимаютъ на цѣпи.

на земную поверхность и 2) съ земной поверхности на небо. Въ большинствѣ же случаевъ одинъ первый подъемъ, но въ аварской если не два подъема, то два паденія: 1) съ земной поверхности въ верхнее подземелье и 2) изъ верхняго подземелья въ нижнее; отсюда герой поднимается прямо на земную поверхность. Въ всіяхъ (вѣрнѣ сказать въ особыхъ сказкахъ о трехъ братьяхъ, ищущихъ узевенную царевну) съ однимъ подъемомъ иногда затрудненія героя происходятъ не подъ землей, а гдѣ-то вверху (можетъ быть, па небѣ). Въ одной русской сказкѣ вместо подземелья Золотая гора; герой спускаеть царевенъ съ горы на землю на веревкѣ или полотнѣ, но когда надо было спускаться самому герою, братья вырываютъ у него изъ рукъ веревку и онъ остается на горѣ; онъ находитъ случайно палку и она сносить его внизъ. Въ греческой также принцессы унесена на гору. Въ испанской стихотворной передѣлкѣ принцессы заточены на вершинѣ башни; лошадь сносить героя съ башни внизъ¹⁾.

Сказки о персонажѣ необыкновенного зачатія, судя по собранному выше матеріалу, по формѣ зачатія могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: въ одной этасть персонажъ сынъ женщины отъ медведя; въ другой онъ сынъ коровы. Эта разница въ формѣ зачатія не служить признакомъ категорического различія въ сюжетахъ, связанныхъ съ такимъ необычайно зачатымъ героемъ. Сюжеты, пріуроченные къ сыну медведя, появляются при коровьемъ сыне и наоборотъ. Такъ то, что монгольская сказка

¹⁾ Въ самарской сказкѣ (Садовниковъ, стр. 2¹) Иванъ Тутыгинъ идетъ освобождать царевну, унесенную Змѣемъ-Горынычемъ; въ царствѣ Змѣя онъ встречаетъ пастуховъ, которые пасутъ овецъ; онъ увозитъ царевну на корабль и попадаетъ къ Кривому Богатырю, —который живеть въ пещерь съ овцами, Тутыгинъ выкальваетъ ему единственныи глазъ; я думаю, что кривой богатырь и могъ носить имя Билгриами (см. Вост. мотивы, 702) или Лихо; иногда выручающая царевна вѣ изображается похищеною, и выдается за дѣть того персонажа, котораго убиваетъ ея освободитель; вотъ откуда, можетъ быть отчество Марьи Лихосибскыи, заточенной въ башнѣ царевны въ былинѣ о Подсолнечникоѣ царствѣ. Отдѣлавшись стѣ Кривого Богатыря Тутыгинъ вѣдетъ далѣе и натыкается на сцену: левъ бѣстя съ Окянинымъ и просить Тутыгина помочь; за это онъ обѣщаетъ подарить ему коверъ-самолетъ и шапку невидимку. Тутыгинъ убиль Окянинаго. Левъ вызовозить Тутыгина изъ змѣинаго царства; о подаркахъ не говорится, пригодились ли они Тутыгину; вѣроятно бѣль вариантъ, въ которомъ было сказано, что Тутыгинъ вылетѣлъ на ковръ-самолетѣ. Въ варианта Барсова Федоръ Борма, стоящий на мѣстѣ Тутыгина, получаетъ отъ дѣвицы, живущей въ Вавилонскомъ царствѣ, соотвѣтствующемъ царству Змѣя-Горыныча, коверъ, вышилый ею. Борма передѣлывается на этомъ ковре черезъ море, отдѣляющее Вавилонъ отъ православнаго царства (Ждановъ, Русск. бытъ впослѣдствии, Сиб., 1-96, стр. II). Въ другомъ варианте у Садовникова, въ которомъ на мѣстѣ Тутыгина такие Борма, послѣдний помогаетъ льву въ борбѣ съ Змѣемъ (стр. 26). Въ Вавилонскомъ царствѣ, стоящемъ въ вариантахъ съ Бормой на мѣстѣ царства Змѣя-Горыныча, все люди поклоняются Змѣемъ, съдовательно это царство въ родѣ царства человеконядцевъ.

²⁾ Соеquin, I, 15, 16; Афансасьевъ, II 118.

рассказывается о коровьемъ сынѣ Масангѣ, французская перенесла на Jean'a de l'Ours, сына медвѣдя. Да и тѣ сказки о сынѣ коровы и сынѣ медвѣдя, которые расходятся въ главномъ сюжетѣ, обмѣниваются нерѣдко своими деталями. Все это можетъ поддержать мысль о тожествѣ этихъ персонажей, мысль о томъ, что Jean de l'Ours то же самое лицо, что и коровій сынъ, наприм., русскихъ сказокъ. Прежде, когда помнилось больше вариантовъ и посредствующихъ звенѣньевъ между этими сказками, и когда къ сказкѣ былъ еще живой практическій, можетъ быть культовой интересъ, вѣроятно человѣкъ, слушавшій сказку, сильнѣе чувствовалъ это тожество персонажей, чувствовалъ его и въ тѣхъ слuchаяхъ, когда и въ сюжетѣ и въ именахъ ничего не было похожаго; наличность въ памяти посредствующихъ вариантовъ невольно и безсознательно вызывала у слушателя представление о тожествѣ. Правда, подъ этими двумя образами могли подразумѣваться не одинъ, а два или нѣсколько реальныхъ предметовъ, наблюденія надъ явленіями которыхъ послужили материаломъ для сказочныхъ сюжетовъ; и въ самомъ дѣлѣ, различіе между этими образами, полумедвѣдь и полубыкъ, достаточно рѣзкое, и должно служить препятствиемъ къ смѣщенію разсказовъ о нихъ; но если тѣ двѣ реальности, которая потомъ были осмыслены, какъ полу-медвѣдь или полубыкъ, мало отличались другъ отъ друга по видѣнію виду, наприм., если это были звѣзды, то очень рано могъ начаться обмѣнъ сюжетовъ и именъ. И дѣйствительно въ сказкѣ изъ французской Фландріи о двухъ товарищахъ, освобождающихъ двухъ узененныхъ принцессъ, герой называется Ourson¹⁾. Можетъ быть, одного происхожденія съ этимъ именемъ и Бурза Воловичъ, одинъ изъ трехъ братьевъ, также спасающій изъ заточенія царевну. Въ прежнее время такихъ вариантовъ съ общими именами для разныхъ сюжетовъ было, вѣроятно, еще болѣе.

Гр. Потанинъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

¹⁾ *Mélusine*, 1877, 160; *Cosquin*, I, 10.

Этнограф. Обзор. XLVI.

Отголоски сказки объ Ерусланѣ.

(Окончание) ¹⁾.

Сказки разнаго содержанія, но объединенныя именемъ главнаго героя, должны были вызвать попытку сдѣлать изъ нихъ сводъ. Одинъ изъ такихъ сводовъ и есть скакка объ Ерусланѣ Лазаревичѣ.

Въ этотъ сводъ вошли сказки и 1) о коровьемъ сынѣ и 2) о чудовищѣ, уходящемъ въ подземелье. Слѣды первой можно видѣть въ эпизодѣ о князѣ Иванѣ; это Иванъ-царевичъ, которому Бурза Воловичъ добываетъ жену; какъ на слѣдѣ второй я смотрю на эпизодъ о Феодулѣ Змѣѣ; я полагаю, что этотъ Змѣй отвѣтствуетъ маленькой женщинѣ, уходящей подъ землю въ сказкѣ о Масангѣ, бабѣ-ягѣ сказки у Афанасьева, „Иванко-Медвѣдь“, лѣду съ ноготь борода съ локоть въ другихъ сказкахъ и пр. А такъ какъ французская сказка о Jeanѣ de l'Ours представляетъ варіантъ этихъ сказокъ, то значитъ и она можетъ быть привлекаема для сравненія съ сказкой объ Ерусланѣ. Эта послѣдняя ничего не говоритъ о зачатіи Еруслана; если она начиналась сходно съ „Бурзой Воловичемъ“, то Ерусланъ могъ быть выдаваемъ за зачатаго отъ съѣденной чудотворной пищи; но намеки на сказку о чудовищѣ, ускользнувшемъ въ трещину скалы, допускаютъ догадку, что сказка начиналась разсказомъ о жевщинѣ, увлеченней медвѣдемъ; съ этой догадкой совпадаетъ и звѣриное имя Еруслана или Уруслана (арсланъ „левъ“), не лишенное сходства и съ именемъ французского героя Ours. ²⁾.

Въ сказкѣ о чудовищѣ, убѣгающемъ въ нору, герой странствуетъ или съ двумя, или съ тремя товарищами. Всѣ они отличаются необыкновенными качествами; одинъ вырываетъ деревья съ корнемъ, другой переставляетъ горы, или поддерживаетъ гору,

1) См. „Этногр. Обозр.“, XLVI.

2) Въ осетинскомъ предавіи Ростомъ (Рустемъ, Ерусланъ?) находится въ башнѣ женщину съ крыльями, которая предлагаетъ (вероятно навязываетъ насильно) свою любовь (Сборн. матер. для опис. мѣстн. и илем. Кавказа, в. VII, стр. 20—23), отъ которой у него родился сынъ; следовательно союзъ въ родѣ того, какой указанъ въ имеретинской сказкѣ о медвѣжьемъ сыне Датвисъ-швили: союзъ попа и медвѣдицы. (Сборникъ, в. XIX, отд. II стр. 1—8). Это тоже приводить къ догадкѣ, что и Ерусланъ или сынъ его представлялся, какъ сынъ медвѣдицы и человѣка, или медвѣдя и женщины.

иначе она покачнется и т. д.; эти качества однако въ сказкѣ не пригождаются; очевидно, мы тутъ имѣемъ дѣло съ пропускомъ. Въ сказкѣ другого сюжета, именно о полетѣ за похищенной дѣвицей на птицѣ или летучемъ кораблѣ шести или семи товарищей, товарищи отличаются или искусствомъ, или необычайными качествами: одинъ столяръ, другой маляръ, третій имѣеть необыкновенный слухъ, четвертый быстрыя ноги, такъ что обгоняетъ зайца, пятый способенъ выпить цѣлое море и т. д. Всѣ эти добродѣтели пригодились, когда комѣзня отправилась возвращать увезенную женшину. Вѣроятно, и въ сказкѣ о чудовищѣ, уходящемъ подъ землю, необыкновенные качества товарищей также приносили пользу. Схема у обѣихъ сказокъ сходная: похищеніе дѣвицы и поѣздка героя съ товарищами для ея возвращенія, разница только въ томъ, гдѣ помѣщается похититель: въ одной сказкѣ онъ подъ землей, и товарищи опускаютъ героя въ подземелье на веревкѣ; въ другой похититель гдѣ-то на высотѣ, можетъ быть на небѣ, и герой съ товарищами летить туда на автоматической птицѣ. Изъ предыдущаго обзора видно, что сказка о чудовищѣ, уходящемъ подъ землю, переходитъ въ такую, гдѣ похищенная дѣвица содержится не въ подземельѣ, а на горѣ или на вершинѣ башни.

Иногда и въ сказкѣ съ подземельемъ исключительныя способности товарищей пригождаются. Такъ, у Афанасьевъ въ сказкѣ № 81 *Усыни*¹⁾ кладеть свой необыкновенно длинный усть черезъ море и товарищи переходять по нему, какъ по мосту.²⁾ Коскень указываетъ сказку изъ Пенджаба, въ которой есть рассказъ о жизни въ уединенной хижинѣ, о посѣщеніяхъ ея чудовищемъ, отнимающемъ пищу, и о необыкновенныхъ даровавіяхъ товарищей. Въ этой сказкѣ эти дарованія пригождаются³⁾. Сомнительно, чтобы сказка придумала одарить товарищей героя необыкновенными способностями безъ расчета воспользоваться ими впослѣдствии; необходимо предположить, что и три товарища сказки о подземельѣ, подобно шести или семи товарищамъ сказки о автоматической птицей, воспользовались своими дарованіями въ интересахъ героя сказки.

Иногда и самые таланты трехъ товарищъ были, кажется, сходны съ талантами семи товарищъ. У Афанасьевъ въ той же сказкѣ № 81⁴⁾ одинъ изъ товарищъ ловитъ рыбу; Иванъ-царевичъ хочетъ помочь ему и кипивасть все море, такъ что рыба очутилась на сухомъ днѣ; этотъ дарь опорожнить море перенесенъ здѣсь на главное лицо по ошибкѣ; въ имеретинской сказкѣ⁵⁾ въ числѣ

¹⁾ Афанасьевъ. I, 175.

²⁾ Ibid., 178.

³⁾ Cosquin, I, 25.

⁴⁾ Афанасьевъ. I, № 81, а (вар. 1), стр. 176.

⁵⁾ Сборникъ матер. для опис. Кавказа, в. XIX, отд. II, стр. 4 и 5.

товарищей медвѣжьяго сына находится описано. Въ той же имеретинской сказкѣ въ числѣ товарищѣ значится хромой пастухъ зайцевъ; это вѣроятно человѣкъ, который, не смотря на хромоту, опережалъ зайцевъ; въ ряду семи товарищѣ онъ будетъ отвѣчать тому, который отличался быстрымъ бѣгомъ, могъ обгонять дикую козу, не смотря на то, что къ его ногамъ были привязаны камни. Apprie-Montagne, поддерживающій или толкающій гору, среди семи товарищѣ имѣть параллель въ богатырѣ, переставляющемъ горы.

Есть записи сказки о шести или семи товарищахъ, которыхъ кончаются заявлениемъ, что эти шесть искусственныхъ товарищѣ теперь видны въ небѣ въ видѣ шести звѣздъ Плеядъ¹⁾). Эти записи даютъ поводъ и для трехъ товарищѣ сказки съ подземельемъ искать пріуроченія на картѣ неба. Группа изъ трехъ персонажей можетъ быть заимствована отъ трехъ звѣздъ Ориона; сказка говорить или о героѣ и его двухъ товарищахъ, или о героѣ и о его трехъ товарищахъ; въ первомъ случаѣ сказка, значитъ, видѣла героя въ одной изъ звѣздъ Ориона, во второмъ три звѣзды Ориона это три товарища, а самаго героя нужно искать гдѣ-нибудь въ этой звѣздной троицы. Самъ герой это, можетъ быть, луна, или солнце, или Большая Медвѣдица, или Плеяды.

Къ Большой Медвѣдицѣ пріуроченъ разсказъ о погонѣ; это или богатырь, который гонится за враждебнымъ существомъ, или это человѣкъ, за которымъ кто-то гонится, какъ въ тюрко-монгольскихъ сказаніяхъ,²⁾ или это лось, за которымъ гонится охотникъ, какъ это въ остицкомъ преданії³⁾). Въ своихъ „Вост. мотивахъ“ я указалъ на совпаденіе черты остицкаго разсказа съ монгольскимъ разсказомъ о томъ, какъ пастухъ ловитъ коня для Иринь-Сайна⁴⁾; если же въ этой послѣдней сказкѣ иногда на мѣстѣ Иринь-Сайна стояло Арсланъ, т. е. имя одного брата переносилось на другого, то понятно, почему эпизодъ о ловлѣ коня явился въ сказкѣ объ Ерусланѣ. Вѣроятно въ тюрко-монгольскомъ фольклорѣ былъ разсказъ о Большой Медвѣдицѣ, который представлялъ ее не лосемъ, а конемъ, которого кто-то ловитъ, или сама Б. Медвѣдица представлялась человѣкомъ, который гонится за лошадью, и этотъ-то разсказъ вошелъ въ сводъ объ Иринь-Сайнѣ и въ нашу сказку объ Ерусланѣ. Въ случаѣ, представлявшемъ Б. Медвѣдицу персонажемъ, ловящимъ коня, нужно предположить, что созвѣздіе называлось Арсланъ (Ерусланъ).

У иѣкоторыхъ тюрокъ Б. Медвѣдица называется Джеты-Ка-

¹⁾ Танг.-тиб. окр. Китая, II, 146; Jagic, Archiv f. slav. Phil., V, S. 36; Grundwig, Dänische Volksmärchen, übers. v. Leo, Leipzig, 1878, S. 110.

²⁾ Очеркъ с.-з. Монг., IV, 193, 194.

³⁾ Patkanow, Die Irtysch-Ostjaken, St. Petb., 1897, s. 119.

⁴⁾ Вост. мотивы, стр. 743.

ракъ или Джеты-Каракше, „семь воровъ“¹⁾). Въ южнорусскихъ сказкахъ монгольскому Масангу отвѣчасть Коты-горошекъ, Покотыгорошекъ²⁾, Катыгорошка³⁾, въ бѣлорусскихъ Кацигорошекъ, Покаки-горохъ⁴⁾, Катигорошинка⁵⁾, въ великорусской лубочнай Иванъ-Горохъ⁶⁾; въ одномъ варианте именемъ Горошинъ названъ товарищъ, а не главное лицо⁷⁾.

Въ киргизскихъ легендахъ Б. Медвѣдица иногда представляется въ видѣ семи волковъ⁸⁾). Представление ея въ видѣ семи медвѣдей до сей поры не удалось встрѣтить у кочевниковъ средней Азіи; въ сѣверномъ Тибетѣ у шира-егуровъ я записалъ имя этого созвѣздія долонъ *херъэ*, что можетъ быть истолковано, какъ „семь эркѣ“, т. е. „семь медвѣдей самцовъ“⁹⁾). Медвѣдь по-монгольски *хара-чуресу*, что въ переводѣ будетъ „черный звѣрь“. Семь медвѣдей по-монгольски будетъ *долонъ-хара-чуресу*, семь звѣрей — *долонъ чуресу*, по бурятски *долонъ-чурхумъ*, а если допустить замѣну монгольского числа тюркскимъ *джиты* (что практиковалось въ ордѣ, наприм., у Рашидъ-Эддина название страны Секизъ-муренъ, „Восемирѣчье“, составлено изъ тюркскаго *секизъ* „восемь“ и монгольскаго *муренъ* — „рѣка“¹⁰⁾), то получится *джиты-чуресу*.

Если вѣрить сказкѣ, то Коты-Горошекъ названъ такъ потому, что зачать отъ горошины, которую его мать проглотила. Если бы дѣйствительно представление о проглоченной горошинѣ предшествовало имени Горошекъ или Горохъ, то едва ли русскому человѣку могло показаться болѣе естественнымъ на этомъ мѣстѣ чужое Кыріакъ, чѣмъ русское горохъ¹¹⁾. Не лучше ли предполо-

¹⁾ У вѣкоторыхъ тюркскихъ племенъ *еди-ур*, „семь воровъ“. Имя одного киргизскаго поколѣнія Джеты-ру (*ру* — „поколѣніе, родъ“) переводить не семь воровъ, а семь родовъ.

²⁾ Абрамасьевъ, № 74, т. I, стр. 141; Чубинскій, II, №№ 61, 62 и 63, стр. 229—238; Драюкановъ, Малорусск. предавія въ рассказы, Киевъ, 1876, стр. 260. Въ № 63 у Чубинскаго змѣй Ива убилъ двѣнадцать братьевъ и унесъ ихъ сестру. Покотыгорошекъ вуетъ себѣ булаву, ловить вона при содѣствіи пастуха (подобно Еруслану) и освобождаетъ сестру.

³⁾ Манжура, Сказки (Сборн. Харьк. ист.-фил. общ., III), стр. 30; ср. со сказкой у того же собирателя Кыріакъ, Кобылячій сынъ, стр. 43—45.

⁴⁾ Шейхъ, Матер. для изуч. изв. сѣв. зап. края въ Сбор. отд. русск. из. и сл. Ак. Наукъ, т. LVII, стр. 86 и 89.

⁵⁾ Доброзвольскій, Смоленск. сборн., ч. I, стр. 624.

⁶⁾ Абрамасьевъ, I, 149.

⁷⁾ Ibid., 176.

⁸⁾ Въ вариантахъ одной европейской сказки такая же замѣна воровъ волками; компания друзей попадаетъ въ одномъ варианте въ домъ семи волковъ, въ другомъ въ домъ, обитаемый ворами (*Cosquin*, II, 104).

⁹⁾ Тавг.-тиб. окраина Китая, II, 318.

¹⁰⁾ Рашидъ-Эддинъ, Сборникъ лѣтописей. Исторія Монголовъ, перев. Беревина, въ запискахъ Иппер. Археолог. Общ., т. XIV (Спб., 1858), стр. 79 и 249.

¹¹⁾ Встрочемъ о Кыріакѣ не говорится, что онъ зачать отъ горошины; по содержанию сказка объ немъ принадлежитъ къ группѣ сказокъ о коровьенъ сыновъ.

жить, что тутъ было какое-то архаическое, отъ котораго произошли и Кыріакъ и Горохъ, и что проглоченная горошина явилась уже подъ вліяніемъ послѣдняго имени¹⁾.

Коты и Покоты также, можетъ быть, архаическая форма, осмысленная по-русски. Въ угорусской сказкѣ о Каролѣ находится форма Кутя-татаре; хотя это Кутя прилагается здѣсь не къ главному герою, а къ песиглавцамъ, его противникамъ, но перемѣщеніе имѣть въ сказкахъ вещь обыкновенная. Если Коты-городецъ дѣйствительно имѣть отношеніе къ Б. Медвѣдцѣ и къ ея тюркскому имени Джиты-Каракше, то Коты будетъ отвѣтать первому члену Джиты. Въ другихъ тюркскихъ нарѣчіяхъ Б. Медвѣдица называется Джитыганъ, Жидиганъ, Тъедыганъ и т. д. Хотя я не нашелъ до сихъ порь ни одного случая, когда бы эта форма являлась съ инициаломъ *, но связанныя съ вменами Кидэнъ-ханъ, Китанъ-ханъ, Кѣдѣнъ-пи темы въ тюрко-монгольскомъ фольклорѣ наводятъ на связь этого имени съ созвѣздіемъ Б. Медвѣдицы²⁾.

Въ группѣ пересмотрѣнныхъ выше сказокъ, которую можно назвать группою Еруслановскихъ сказокъ, съ бросающимся въ глаза постоянствомъ встрѣчается число три. Это число тоже могло зайти въ сказку изъ звѣздного эпоса. Какъ число семь въ сказкахъ можетъ быть отнесено на счетъ Б. Медвѣдицы, число шесть на счетъ Плеядъ³⁾, такъ число три мы можемъ счесть за навѣянное видомъ Ориона. Три звѣзды въ поясѣ Ориона такъ рѣзко отграничены отъ остального неба, (гораздо рѣзче даже, чѣмъ семь звѣздъ Б. Медвѣдицы), что должны были непремѣнно врѣзаться въ представлѣнія людей и отразиться въ сказаніяхъ. Въ еруслановскихъ сказкахъ встрѣчаются 1) три товарища, живущіе вмѣстѣ съ главнымъ героемъ въ домѣ или хижинѣ въ какомъ-то лѣсу (въ лѣсной избушкѣ русскихъ сказокъ); 2) три дѣвицы, которые попадаются герою въ дорогѣ; иногда это три сестры; въ сказкѣ объ Ерусланѣ о нихъ сказано, что онъ кочуетъ въ полѣ, значитъ живутъ въ шатрахъ; этотъ образъ извѣстенъ и монгольскимъ сказкамъ, въ которыхъ упоминаются находимыя героемъ на дорогѣ три дѣвицы, живущія въ степи въ бѣлыхъ юртахъ; въ монгольской повѣсти о Гэсэрѣ три дѣвицы выдаются за его небесныхъ сестеръ; 3) три принцессы или царевны, которыхъ похищены дракономъ или змѣемъ и увлечены въ подземелье; это иногда сестры главнаго героя; 4) три дракона, которые въ нѣкоторыхъ сказкахъ стоять на мѣстѣ одного дракона, похитившаго

¹⁾ Впрочемъ, въ степномъ фольклорѣ есть рассказы о предкѣ племени, зачатомъ отъ проглоченной градины (Очерки с.-з. Монг., IV, 3 и 660).

²⁾ См. „Восточные мотивы“, 118, 455.

³⁾ По крайней мѣрѣ, народное монгольское повѣрье насчитываетъ въ Плеядахъ шесть звѣздъ.

царевенъ¹). Три области этихъ змѣевъ въ русскихъ сказкахъ называются царствами мѣднымъ, серебрянымъ и золотымъ; когда три змѣя убиты, плѣненные ими царевны свиваютъ царства въ три яйца: мѣдное, серебряное, и золотое, которымъ герой береть за пазуху и выносить съ собой наверхъ²). Во французскихъ сказкахъ свиванія царствъ нѣтъ; принцессы просто даютъ своему освободителю три шара, или, когда онъ уже вынесены наверхъ, принцессы просятъ пристроить принести изъ подъ земли золотой шаръ съ изображеніемъ солнца, серебряный съ изображеніемъ утренней звѣзды; въ немецкой изъ Шлезвига—золотое солнце, золотую звѣзду и золотую луну³).

Часто встрѣчается въ этихъ сказкахъ дубъ. Ерусланъ въ спискѣ Ундорльскаго єдетъ въ царство царя Огненный-Щитъ, но не знаетъ пути туда, на дорогѣ встрѣчаетъ дубъ, къ которому слетается стадо птицъ хохотуней; Ерусланъ ловить одну изъ нихъ, и птица переносить его вмѣстѣ съ конемъ въ царство царя Огненный-Щитъ. Въ другихъ сказкахъ о герояхъ въ подземельѣ также встрѣчается образъ дерева въ связи съ птицами; герой не знаетъ, какъ ему выбраться изъ темнаго подземнаго царства на вольный светъ, встрѣчаетъ на дорогѣ дубъ и на немъ орлиное гнѣздо; орлица выносить его на спинѣ въ другой міръ⁴). Гнѣздо съ

¹) Въ одной сказкѣ (*Созкин I, 13*) драконъ одинъ, но съ сеню головами; тутъ слѣдовательно намекъ на Б. Медведицу, а не на Орionъ.

²) *Афанасьевъ*, I, № 71 и 73, стр. 133 и 137.

³) *Созкинъ*, I, 17. Въ каталонской сказкѣ о человѣкѣ, отсулленномъ чорту, троице: луна, солнце и вѣтеръ; послѣдній даетъ герою наставленіе, какъ овладѣть одной изъ трехъ дѣвъ, которая въ видѣ птицы слетѣть на озеро купаться. Въ сказкѣ изъ итальянск. Тироля на мѣстѣ вѣтра с.в. Антоній Шадуанскій (*Созкинъ*, II, 14). О троицѣ въ монгольскихъ сказкахъ (солнце, луна и Плеяды) см. Вост. мотивы, 289.

⁴) Въ белорусской сказкѣ „Подземное царство“ (*Романовъ, Бѣлор. сб., т. I, в. 3, стр. 84*) Ивана-царевича выносить на вольный светъ птахъ, гнѣздо которого на дубѣ; въ варианѣ (стр. 87) царевичъ вылетаетъ изъ жарь-птицы, въ другомъ варианѣ (стр. 85) на шкурѣ бѣлого медведя, при чемъ выдра служила вмѣсто сѣда, а самва ужа вмѣсто кнута; Иванъ-царевичъ ударилъ по шкурѣ три раза и вылетѣлъ. У Азеласьева (I, 126) въ сказкѣ въ Пинежск. у. Ивашка Запечный вылетаетъ изъ орла; въ варианѣ изъ Воронежск. у. Иванъ-царевичъ нашелъ дудку и заигралъ на ней; выскочили кривой и хромой и спрашивавші: „что угодно, Иванъ-царевичъ?“ Они выносили его изъ подземнаго царства: дудка въ вестаельской сказкѣ (*Созкинъ*, I, 24; *Grimm*, № 91). Въ варианѣ с (стр. 133) отъ удара о землю посошок-перушка является двѣнадцать молодцовъ; они выносятъ Ивана-царевича на светъ. Порошокъ отнять Иваномъ-царевичемъ у Ворона Вороновича, похитителя его матери. Иванъ свалился на крылья Ворона Вороновича; тотъ носилъ его по горамъ, по облакамъ, но не могъ съ себѣ сбросить; царевичъ оставилъ его подъ условіемъ отдать посошокъ. Въ лубочнай сказкѣ (*Афакъ*, I, 140) похититель матери Ивана-царевича, Вихоръ, имѣть волшебную палицу; царевичъ ухватился за нее, Вихоръ поднялся на воздухъ и началъ летать, наконецъ опустился на землю и разсыпался на мелкія части; распаденіе на части въ звѣздномъ вѣю Монголіи связано съ созвѣздіемъ Плеяды. Въ эпизодѣ съ птицей, выносящей богатыря въ верхній міръ, часто встрѣчается мотивъ—вырѣзываніе

птенцами обыкновенно народнымъ вѣрованіемъ связывалось съ созвѣздіемъ Плеяды; на это указываютъ имена созвѣздія: Утиное гнѣзда, Куриное гнѣзда, Птичье гнѣзда, Осиное гнѣзда¹⁾, Квочка и съ курчатами²⁾.

Бурза Воловичъ наѣзжаетъ на дубъ, закиданный костями, по томъ на два, потомъ на три дуба; въ сказкѣ „Три царства“ у Афанасьевъ три дуба, одинъ въ 15 обхватовъ, другой въ 20 и третій въ 25; Иванъ Затрубникъ, валявшійся на печкѣ въ золѣ, собирается отыскивать увезенную царицу и пробуетъ силу, вырывается съ корнемъ сначала одинъ дубъ, черезъ годъ другой болѣе толстый и наконецъ самый толстый³⁾). Этотъ мотивъ былъ очевидно и въ сказкѣ „Бурза Воловичъ“, но скомканъ; тутъ только сказано, что два брата, выпивъ живой воды, пробуютъ свою силу, упираются въ дубъ ногами и разрываютъ его. Не значить ли это, что Орионъ представлялся въ видѣ трехъ дубовъ. Въ сказкахъ объ Ерусланѣ не три дуба съ костями, а три поля, усыпанныя костями побитыхъ ратей; на третьемъ полѣ лежитъ голова или тѣло богатыря Расланея. Въ эпизодѣ бурятской сказки „Хантъ-Гухиръ“, представляющемъ параллель къ этому мѣсту русской сказки, на мѣстѣ Расланея неподвижно лежитъ богатырь Хухудой. Мотивъ неподвижности въ звѣздномъ эпосѣ связанъ съ созвѣздіемъ Орионъ; о созвѣздіи говорятъ, что это богатырь Ко-готай, Кутей, Кугульдей, Коголь, Гоголь и пр., охотящійся за тремя оленухами⁴⁾). Можетъ быть, изъ сказаний объ Орионѣ самое правильное то, которое въ трехъ звѣздахъ Ориона видеть только трехъ оленухъ, а стрѣлка предоставляетъ намъ искать вѣсъ созвѣздія. Тогда это можетъ быть соображеніе созвѣздіе Плеяды или можетъ быть какая-нибудь другая звѣзда, наприм.. Полярная. Дерево или дубъ, когда онъ является въ единственномъ числѣ, образъ также подходящій для сближенія съ Полярной звѣздой, которая, какъ я это старался провести въ своихъ книгахъ⁵⁾, могла представляться древнему человѣку въ видѣ колонны, поддерживающей сводъ храма или дворца, кола или камня, которымъ

куска мяса изъ икры ноги. Выкваченое изъ ноги мясо связано съ полетомъ и въ сказаніи объ Иванѣ Крестителѣ и царѣ Дукліанѣ; Дукліавъ гонится за Иваномъ, улетающимъ на небо, и вырываетъ у него кусокъ мяса изъ ступни, оттого у людей и вымыка на ступни. Въ сказкахъ вырѣзанное мясо потомъ снова прикладывается и приростаетъ; искалеченная нога возстановляется какъ будто безъ слѣда. Но въ словецкой сказкѣ (Афан., I, 141) царевичъ, вырѣзавшій мясо и отдавшій его дракону, на вѣки остался хромъ.

¹⁾ Танг.-тиб. окраина Китая, II, 324; Очерки, с. з. Монг., IV, 730.

²⁾ Лѣтопись филол. общ. при Новоросс. универс., III, 1894 г. ст. Ястребова, стр. 64. („Курочка“, подраз. съ цыплятами, въ Сѣдлецк. г., по сообщ. Н. А. Яичука).

³⁾ Афанасьевъ, № 71, т. I, стр. 132.

⁴⁾ Очерки с. з. Монг., II, 124; IV, 204, 789; Танг.-тиб. окраина Китая, II, 328.

⁵⁾ Вост. мотивы, 203.

забито отверстіе и удерживаются воды, готовыя хлынуть, залить землю и погубить живой міръ, наконецъ въ видѣ мірового дерева, съ устойчивостью которого также могла связываться прочность мірового порядка. Сюда же можетъ быть вносятъствіи пріурочатся и представлениа о каменномъ столбѣ, въ которомъ замурованъ человѣкъ, о башнѣ, въ которой заточена красавица, подвѣшенній на цѣляхъ гробъ, въ которомъ лежитъ спящая царевна, или каменный гробъ, въ которомъ заживо погребенъ богатырь. Въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ сказокъ дѣйствительно встрѣчается образъ красавицы, заточенной на вершинѣ башни, или на золотой горѣ¹⁾). Въ смоленской сказкѣ обѣ Игры Палугримъ сидѣть на деревѣ, а варіантъ этого образа дивій мужъ сидѣть на столбѣ²⁾). Палугримъ даетъ Игру коня, на которомъ тотъ можетъ перелетѣть черезъ стѣну въ городъ, гдѣ спить дѣвицу; слѣдовательно, этотъ конь оказываетъ герою въ сходныхъ обстоятельствахъ такую же услугу, какъ и орлица, гнѣздо которой было на дубѣ; можетъ быть, редакція этого мѣста была еще ближе къ разсказу обѣ орлицѣ; Палугримъ, сидѣвшій на дубѣ, на себѣ носятъ героя; и въ самомъ дѣлѣ, въ верхоянской сказкѣ Пилигримъ, освобожденный изъ заточенія въ тюрьмѣ, носятъ, летая, на себѣ своего освободителя³⁾.

Бурза Воловичъ, отправляясь въ изгнаніе, идетъ сначала пѣшкомъ, потомъ по указанію старухи⁴⁾ находить коня въ погребу подъ дубомъ. Конь на привязи сибирско-татарскимъ и киргизскимъ повѣремъ относится къ Полярной звѣздѣ; звѣзда это приколъ, къ которому привязаны на арканѣ одинъ или два коня⁵⁾; дубъ въ этой русской сказкѣ представляетъ то же самое, что въ татарскомъ преданіи выражено представлениемъ о конѣ.

Въ числѣ товарищѣй французская сказка: „Jean de l' Ours“ одного называетъ Аррие-Montagne; онъ подираетъ плечомъ гору; только онъ попробовалъ по просьбѣ Jean'a отодвинуться отъ горы, какъ гора покачнулась. Это напоминаетъ народныя повѣрья о летучей мыши, которая поддерживаетъ міръ, въ томъ числѣ и монгольское о томъ же животномъ: летучая мышь, чтобы объяснить, почему она днемъ держится прижавшись къ скалѣ, говорить о себѣ, будто она поддерживаетъ камень, въ противномъ случаѣ онъ

¹⁾ Алтынъ-ту, „Золотая гора“, миѳическая гора алтайцевъ.

²⁾ Добролѣбский, Смоленск. сборн., I, 495.

³⁾ Чудесный конь, на которомъ съ несбыточно быстротой въ монгольскомъ сказании эхалъ Аргасунъ-хорчанъ, и въ которомъ вънизу монгольский конь вадевтъ къ Западному cheval de fuit, назывался Гурбизгу, именемъ птицы, которая въ другомъ преданіи стоитъ на мѣстѣ летучей мыши (См. Вост. мотивы, 327).

⁴⁾ Эта старуха, дающая совѣтъ, обусловливающій успѣхъ героя въ его предпринятіяхъ, можетъ быть, его мать. Стоящій въ другихъ сказкахъ на этомъ мѣстѣ пастухъ, можетъ быть, его отецъ.

⁵⁾ Вост. мотивы, 127.

можеть упасть¹⁾). Эти мотивы, кажется, находятся въ связи съ представленіями о Полярной звѣздѣ, въ которой, судя по нѣкоторымъ даннымъ изъ фольклора, прежніе люди видѣли міровой столбъ или колонну, подпирающую сводъ міра (ея народное название у кочевниковъ „Золотой кольцо“); на нее смотрѣли, какъ на основу мірового спокойствія, какъ на матицу мірозаднія. Въ одной сказкѣ одинъ изъ товарищѣй вертитъ мельницу на своемъ колѣнѣ—указаніе на звѣздный мірь, на круговорашеніе звѣздъ вокругъ Полярной звѣзды.

Въ русскихъ сказкахъ о коровьемъ сынѣ злое существо, наносящее побои товарищамъ, дежурящимъ въ лѣсной избушкѣ, въ однѣхъ изображается старикомъ съ длинной бородой (дідъ съ ногти, борода съ локіть)²⁾, въ другихъ это баба-яга, во французскихъ pain à grande barbe, великанъ, старая женщина или колдунья.

Въ бѣлорусской сказкѣ у Романова³⁾ въ нору уходить похититель царскихъ коней бѣлый медвѣдь, а въ варианте⁴⁾ бѣлый волкъ; побѣдитель его Иванъ-царевичъ или Иванъко. Въ общихъ чертахъ сюжетъ сходный со сказкой о коровьемъ сынѣ, только нѣть чудеснаго зачатія и лѣсной избушки. Брошенный братьями въ подземельѣ Иванъ-царевичъ находитъ здѣсь дѣда и бабу слѣпыхъ⁵⁾; змѣя выпила у нихъ очи; это намекъ на сказку объ Ерусланѣ; его отецъ и дядя потеряли зрѣніе. Иванъ-царевичъ возвращается зрѣніе слѣпымъ; по одному варианту онъ заставляетъ змѣю возвратить зрѣніе, по другому заставляетъ крука принести живой воды, которая здѣль на мѣстѣ желчи. У Афанасьевы⁶⁾ является похититель звѣрей изъ царскаго звѣринца Норка-звѣрь. Младшій изъ трехъ братьевъ за три раза, по три разы въ каждый, наносить Норкѣ девять ранъ; Норка уходитъ подъ бѣлый камень; камень этотъ величинаю съ гору. Младшій изъ братьевъ, спустившись въ подземный мірь, находитъ тамъ Норку; онъ спить на камнѣ по серединѣ моря,⁷⁾ храниТЬ, на семь верстъ волна бѣть. Афанасьевъ говоритъ, что въ вариантахъ на мѣстѣ Норки стоитъ Жаръ-птица. Въ сказкѣ у Афанасьева „Три царства“ подъ жемѣнную плиту въ подземелье уходитъ серебряная птичка золотой хохолокъ⁸⁾). Главное лицо въ сказкѣ одерживаетъ верхъ надъ чудовищемъ, дѣлаетъ трещину въ деревѣ и ущемляетъ въ ней бороду чудовища; но чудовище убѣгаетъ въ нору, въ монгольской сказкѣ въ трещину скалы⁹⁾; товарищи пробуютъ пооче-

1) Очерки с.-з. Монг., IV, 175.

2) Чубинский, II, 233.

3) Бѣлорусск. Сборн., т. I, въ 3, стр. 78.

4) Ibid., стр. 79.

5) Ibid., стр. 85 и 87.

6) Афанасьевъ, I, 73.

7) Ibid., 132.

8) Шидикуръ въ переводѣ Гомбоева (Этногр. Сборникъ, изд. Геогр. Общ. VI), стр. 25: „Они пошли по сѣтамъ, образовавшимся отъ старушонкиной

редно спустить въ нору одного изъ товарищъ, но никто изъ нихъ не можетъ спуститься до дна ямы, кромѣ главнаго лица; этотъ спускается и убиваетъ чудовище.

Въ „Восточн. мотивахъ“ я указалъ на алтайскія сказанія о Ельбегенѣ. Это злое существо, которое уносить мальчика Тардака-вака или Машпарека въ узкую пещеру, доходящую до центра земли ¹); чтобы убить Ельбегеня спускается въ трещину солнце, но трещина узка, солнце не проходить и отказывается отъ попытки; тогда мѣсяцъ отрубилъ себѣ половину (ущербнуль) и проникъ въ щель ²). О мальчикѣ говорится, что онъ спасался отъ Ельбегеня на желѣзномъ деревѣ, или на кустѣ, но Ельбегенъ вырвалъ дерево съ корнемъ и унесъ мальчика съ деревомъ; мѣсяцъ, проникшій въ щель, схватилъ Ельбегеня и унесъ его съ собой на небо. И теперь въ пятнахъ луны алтайцы видятъ Ельбегеня съ кустомъ въ рукахъ. Этотъ-то звѣздный миѳ и отразился въ монгольской сказкѣ о Масангѣ. Маленькая старуха—это Ельбегенъ; похищенный Тардакахъ—это похищенная царевна, унесенная въ подземелье; старуха уходить въ трещину скалы; это Ельбегенъ, уходящій въ узкую пещеру; въ аварской сказкѣ стоящее на этомъ мѣстѣ чудовище уносить съ собой въ трещину дерево, къ которому оно было прибито ³); это Ельбегенъ, который уносить въ щель желѣзное дерево, на которомъ сидѣлъ мальчикъ ⁴). Несудачная попытка солнца спуститься въ трещину отвѣчаетъ такой же неудачной попыткѣ трехъ товарищѣ; Масангъ или Jean de l'Ourz,—это слѣдовательно мѣсяцъ, успѣшно спустившійся на дно трещины. Старуха монгольская сказка даетъ маленькой ростъ (и въ русскихъ сказкахъ дѣдъ борода съ локіемъ тоже едва видѣнъ изъ-за порога ⁵) но вдругъ становится великаншей ⁶). Это на-

крови, по нимъ пришли къ пещерѣ въ одной страшной скалѣ. Они зашли въ пещеру, гдѣ посерединѣ была трещина въ 18 миль глубиной. На дѣлѣ этой трещины увидѣли, среди золота, бирюзы, разныхъ воинскихъ доспѣховъ и многихъ другихъ сокровищъ, трупъ старушонки”.

¹) Т. е. въ подземелье. Если подъ подземельемъ здѣсь разумѣется небо, то центральное мѣсто, куда ушелъ Ельбегенъ, придется видѣть въ Полярной звѣзда.

²) Вербнікій, Алтайскіе ифор. 157—158.

³) Созгин, I, 18.

⁴) Въ русскихъ сказкахъ встрѣчается мотивъ: чудовище, несущееся по воздуху съ деревомъ. Въ малорусской сказкѣ дамійносится съ дубомъ, Кыриакъ хватается за дубъ, и дамій выносить его изъ подземного міра въ верхній міръ (*Макосура*, Сказки, стр. 43—45); въ великорусской Ариадѣ царевичъ хватается за трость, которую держитъ въ рукахъ Вихорь, и тотъ заносить его за облака на гору (*Худяковъ*, Сказки, II, 27); Иванъ царевичъ хватается за палицу, которая была въ рукахъ у Вихра, и Вихрь понесъ его по воздуху (*Афанасьевъ*, № 71, т. I, стр. 128).

⁵) У Чубинскаго дѣдъ такъ малъ, что не можетъ перейти черезъ порогъ и просить пересадить его (II, 232).

⁶) Товарищъ, оставшійся въ домѣ, слышитъ шорохъ у дверей и видѣть старуху, ростомъ съ вершокъ. (*Шандикуръ*, 23); а потомъ когда Масангъ за-

поминаетъ сойотское повѣрье о звѣркѣ летягѣ (*Pteromys volans*). по-монгольски ольби, тоже ночномъ, какъ и летучая мышь, животномъ, именно будто летяга спорить съ небомъ и во время грома раздувается и становится большимъ звѣремъ¹⁾). Монгольское ольби въ сосѣднихъ діалектахъ переходитъ въ олбо, ольянъ, летяга, по-бурятски, ольбого, летяга по-сойотски²⁾); отсюда можетъ быть и имя чудовища Ельбегенъ. Летучая мышь, которая легко можетъ быть смѣшиваема съ летягой, по-монгольски назыв. бакбагай, для медвѣда есть монгольское ба-абаай; въ повѣрьяхъ и сказаніяхъ медвѣдь и летучая мышь, кажется, иногда замѣняютъ другъ друга.

И такъ монгольская старуха, французскій павпъ, русскій дѣдъ съ ноготь, борода съ локоть или баба-яга, ускользающіе въ трещину земли, это летучая мышь, по-монг. или шарисынъ, сарисынъ-бакбагай или сарисынъ бааба³⁾.

Алтайское и сѣверномонгольское повѣрье приписываетъ нѣкоторымъ грызунамъ вражду противъ неба; алтайцы говорять, что, поймавъ бурундукъ, слѣдуетъ въ угоду неба пригвоздить его къ дереву; монголы говорять, что въ угоду неба слѣдуетъ летягу распинать на перекресткѣ дорогъ, сойоты—убить, скечь и пепель разсѣять по воздуху⁴⁾). На Западѣ существуетъ обычай распинать на стѣнѣ летучую мышь⁵⁾). Не этотъ ли обычай отразился въ той казни, которой подвергается злое подземельное существо со стороны главного лица въ сказкѣ? оно прибито или прищемлено къ древесному стволу (или руки или борода ущемлены въ разщепъ дерева); это летяга, бурундукъ (въ болѣе древнихъ и болѣе правильныхъ редакціяхъ вѣроятно летучая мышь), привожденные къ дереву или перекрестку дорогъ.

Въ угрорусской сказкѣ о Каролѣ вмѣсто эпизода о подземельѣ стоить разсказъ о песиглавцахъ⁶⁾, у которыхъ кладовыя съ зо-

ставили ее пойти за водой, она видѣть, что эта съ верховъ старуха превратилась въ огромную женщину, чуть не достающую до вѣба (24).

¹⁾ Очерки с.-з. Монг., IV, 181. Танг.-тиб. окр. Китай, II, 344.

²⁾ Ibid., 160; стр. также на стр. 747 примѣчаніе 25-е. Вмѣсто ольби, олбо монголы произносятъ часто олмѣй или олмѣй.

³⁾ Очерки с.-з. Монг., IV, 173, 175.

⁴⁾ Очерки с.-з. Монг., IV, 181.

⁵⁾ Эпического оправданія этому обычаяу на западѣ, кажется, не существуетъ. Монгольское преданіе говорить, что небо преслѣдуетъ летягу своими молніями за то, что она перегрызла горло сыну неба, когда овъ спустился на землю и здѣсь заснула подъ тѣнью дерева. Этотъ сынъ неба, по всей вѣроятности, первый человѣкъ на землѣ; монгольская и калмыцкая предавія о родоначальникѣ народа (вумно понимать о родоначальнике всего человѣчества) изображаютъ его младенцемъ, найденнымъ подъ деревомъ; у калмыковъ это Царогъ, у монголовъ Чингель; и тотъ, и другой въ предавіи титулуется сыномъ Хорумсты, т. е. цара вѣба. Алтайское сказаніе Мешперека также называетъ первымъ человѣкомъ на землѣ.

⁶⁾ О песиглавцахъ см. у А. Веселовскаго, Дѣлъ замѣтки къ вопросу объ источникахъ сербской Александрии. П. Хананеи кивокефали и иконографическая изображенія св. Христофора, въ Журн. Мин. Нар. Пр., ч. CCXLІ, отд. 2,

ломъ. Въ приведенныхъ выше параллеляхъ къ этому рассказу, находящихся въ русскихъ сказкахъ, на мѣстѣ кладовыхъ столъ мельница, т. е. представление о круговоращательномъ движениі¹⁾. Песиглавцы люди съ собачими головами²⁾; иногда о нихъ говорится, что у нихъ одно око³⁾). Благодаря послѣднему представлению въ рассказы о песиглавцахъ вошла и тема о Полвфемѣ, одноглазомъ великанѣ; человѣкъ, попавшій къ песиглавцу въ домъ берется сдѣлать ему другой глазъ, но вместо того и единственный выкальваетъ раскаленнымъ желѣзомъ⁴⁾). Монгольскія преданія рассказываютъ о существахъ, у которыхъ глазъ единственное уязвимое мѣсто. У чудовища Ань-Долмана тѣло покрыто глазами и глазъ на серединѣ спины единственная уязвимая точка, на его тѣлѣ; богатырь Гэсэръ въ этотъ-то глазъ и направляетъ свой смертельный ударъ⁵⁾.

По русскому повѣрю песиглавцы—людоѣды; поймавъ человѣ-

стр. 189; *М. Драгоманова*, Роззіди (Збірник фольклоричної секції наук. товариства імені Шевченка, т. II, у Львові, 1899, стр. 152; переведено изъ Кієвск. Старини, 1883, грудень, стр. 546—559).

А. Н. Веселовскій, Наблюденія надъ исторіей пѣкот. романт. сюжетовъ средневѣк. литературы въ Жур. М. Н. Пр., ч. CLXV, отд. 2, стр. 154: царь Бокхъ съ мурдечомъ Сидрахомъ идетъ войной на страну песиглавцевъ, чтобы тамъ достать травы, растущіе на горѣ (ср. въ Очеркахъ с. в. Монг., IV, 581, въ тюркской сказкѣ богатырь Алтынъ-Чилтысъ, "Золотая звѣзда" видѣть гору, на ея верхушкѣ камень съ растущими на немъ девятью травами, посредствомъ которыхъ потомъ богатырь оживляетъ своего брата), безъ которыхъ не можетъ быть докончена постройка башни (тема о храмѣ Соломона); инциденты: мурдечъ Сидрахъ посаженъ подъ страzu, но царь не можетъ обйтись безъ его советовъ; Сидрахъ показываетъ царю Св. Троицу къ судѣ, поставленномъ на трехъ деревьяхъ; попытка отравить Сидраха; буря и ливень, угрожающій потопомъ. Въ бурятскіхъ преданіяхъ мотивъ псевдоющихся постройки также была, повидимому, связана съ исторіей прохода въ опасную страну, въ страну ирака; тутъ люди забираютъ золото (см. Записки Вост. сиб. Отд. Русск. Геогр. Общ. по эти., т. I, в. 2, Иркутскъ, 1890, стр. 91 и 143).

¹⁾ Въ воіжѣ Карла Великаго къ королю Гугону тема о необыкновенномъ богатствѣ также связана съ идеей о круговоращательномъ движениі; зола въ дворцахъ Гугона вертится.

²⁾ У Чубинского въ волынской сказкѣ № 57 (т. II, стр. 208) стравствующій съ войскомъ царь приходитъ въ землю, где жители въ половину люди, въ половину собаки; они перегрызали другъ друга отъ музыки. Далѣе следуетъ эпизодъ о подземельѣ; скѣдовательно послѣдовательность эпизодовъ та же, какъ и въ угроворусской сказкѣ о Каролѣ, сначала песиглавцы, потомъ спасеніе обрѣченной чудовищу царевны.

³⁾ *Гричченко*, Этнограф. материалы, собранные въ Черниговск. губ. Черниговъ, вып. 1, 1895, стр. 1; вып. 2, 1896, стр. 2; *Драгомановъ*, Малорусск. народа, преданія, Кіевъ, 1876, стр. 384.

⁴⁾ *Гричченко*, в. 2, стр. 2. По остаточному ионѳрию Лѣка, имѣвшій единственныій глазъ на темени, жилъ на двѣ озера; останкъ выжегъ ему глазъ, приложивъ къ нему раскаленный внутренности жаренаго карася (Очерки с. в. монг., IV, 706). Будетъ ли Лѣка испорченное русское Лихо или это своя остаточная форма?

⁵⁾ Танг.-тиб. окр. Китая, II, 56; Вост. мотивы, 181.

ка, они сначала откармливают его пряниками и волошскими оръхами¹⁾; кроме того они пытаются змѣинымъ мясомъ; эта пища даетъ вѣщее знаніе, напр., знаніе, отъ чего какая трава пользуетъ²⁾). Въ книжныхъ преданіяхъ писиглавцы помѣщались на островѣ³⁾, вѣроятно на морѣ и вѣроятно на серединѣ его; они повидимому отожествлялись съ волосатыми людьми, съ василисками (лицо дѣвичье, до пупа человѣкъ, отъ пупа змѣя, змѣиный хоботъ и крылья), съ человѣкоядцами, къ которымъ ходилъ Андрей Первозванный⁴⁾, съ велетнами, т. е. великантами. Христіанскій апокрифъ приписываетъ подобный вѣшній видъ св. Христофору; ему придается или собачья или волчья голова⁵⁾ онъ силачъ и по легендѣ несетъ ва себѣ черезъ рѣку младенца Христа, въ которомъ, какъ въ сумочкѣ Микулы Селяниновича, скопилась вся тяжесть земли⁶⁾). По одной легендѣ Христофоръ сынъ родителей, долго бывшихъ бездѣтными; рано онъ уже началъ превосходить своихъ сверстниковъ силою; ни одинъ конь не могъ поднять его; новидимому святой совершалъ всѣ свои странствованія пѣшкомъ; онъ носилъ въ руки посохъ⁷⁾.

Палицій огнемъ и летучій Змѣй, въ родѣ царя Огненный Щитъ, знакомъ не только сказкамъ, во и нашимъ быливамъ; Змѣй Горынычъ уносить Марью Дивовну за рѣку Смородину въ пещеры бѣлокаменные (баба-яга въ сказкѣ „Бурза Воловичъ“ уходитъ подъ бѣлую плиту, Норка звѣрь у Афанасьева, № 73, подъ бѣлый камень). Змѣй Горынычъ въ былинахъ на мѣстѣ дѣда съ ноготь, борода съ локоть сказки, и если сближеніе этого эпизода съ монгольскими сказаніями о грызунѣ, враждебно отнесшемся къ первому человѣку, имѣть основаніе, то представленіе о Горынычѣ находится въ связи съ повѣрьями о летучей мыши. Въ одной изъ своихъ статей (Этн. Обозр., XXVI) я высказалъ подозрѣвіе, что въ одной монгольской легендѣ (о Хараликѣ) русскому Горынычу отвѣчаетъ чудовищная корова Куринь, которая мечеть огнемъ; она умираетъ, когда къ ней пріѣхалъ герой сказки Эрдени Хараликъ, поѣхавшій за дѣвицей Билге-Биликъ. Я предполагаю, что монгольская легенда передѣлана изъ сказки, въ которой дѣло представлялось иначе, а именно: дѣвица Билге-Биликъ была похищена чудовищемъ Куринь; Хараликъ отправился освобождать

¹⁾ Гринченко, вып. 1, стр. 2; Драюмановъ, Малорусск. нар. пред., Кіевъ, 1876, стр. 2.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Драюмановъ, 1. с., стр. 153.

⁴⁾ Ibid., стр. 154.

⁵⁾ Въ подлиннике Долотова о св. Христофорѣ сказано: „И о семъ прекрасномъ мученикѣ глаголется вѣкое чудно и преславно, яко песю главу имѣши, отъ страны человѣкоядецъ“. А. Веселовскій Хананпей-Кинокефалы, стр. 196.

⁶⁾ Ibidem.

⁷⁾ А. Веселовскій, Хананпей-Кинокефалы, стр. 202. Virga ferrae въ Passio viжсто посоха г. Веселовскій готовъ принять за описку (стр. 199).

её. Сначала она встречает каких-то безобразных ассуровъ, подобно тому, какъ въ угрорусской сказкѣ Кароль на пути къ дѣвицѣ, обреченной Змѣю, встречаетъ песиглавцевъ, какъ царь въ сказкѣ у Чубинскаго (II, 208) прежде, чѣмъ явиться освободителемъ дѣвицы, находящейся въ подобныхъ же условіяхъ, встречаетъ людей съ собачьими головами; потомъ Хараликъ добѣжаетъ до чудовища Курина, убиваетъ его и увозитъ плѣненную имъ дѣвицу. Можетъ быть, въ одномъ изъ вариавтовъ этой сказки герой вместо Кароля назывался Кирилъ, и первый эпизодъ о песиглавцахъ или ассурахъ сохранился въ славянской церковной легендѣ о св. Кириллѣ, идущемъ въ страну человѣкоядцевъ болгаръ, а второй эпизодъ о битвѣ съ чудовищемъ и обѣ освобожденіи царевны отѣлился, и мы имѣемъ его въ кievской легендѣ о Кириллѣ-Кожемякѣ¹⁾.

Если мы соединимъ солунскую легенду о св. Кириллѣ, дополнивъ ее некоторыми данными изъ другихъ легендъ о томъ же святомъ, съ кievскимъ преданіемъ о Кириллѣ-Кожемякѣ, первую представимъ себѣ первымъ, второе вторымъ эпизодомъ одного и

1) Мимоходомъ обращаю вниманіе фольклористовъ на какую-то связь темы о песиглавцахъ или человѣкоядцахъ съ темой о внезапномъ уразумѣніи иностранного языка. Въ разсказѣ о песиглавцахъ у Гринченко человѣкъ, попавшій къ нимъ, становится у нихъ поваромъ, варитъ имъ пищу изъ змѣинаго мяса, пробуетъ соль, хотя это ему и запрещено, и, поѣвъ змѣинаго мяса, уясняетъ, къ чему какая трава пригодна; по другимъ записямъ о свойствахъ змѣинаго мяса поѣвшій его получаетъ даръ понимать языки травъ, птицъ и вообще животныхъ; каждая трава говоритъ о себѣ, отчего она полезна. У Худикова (Сказки, I, № 38 „Сага о русскомъ“, стр. 135), одинъ русский попалъ на морские острова къ писиглавцамъ, которые золятъ русскихъ людей. Хозяинъ, которому онъ достался, пожалъ съ вимѣньемъ на лѣсъ, заставилъ подѣ деревомъ выкопать иму, навелъ подѣ деревомъ будатную машину, замѣзъ на дерево и сталъ играть въ дудку, которая приманиваетъ полозовъ; когда полозъ (змѣй) наползъ на машину, писиглавецъ дернулъ за шнуръ, и машина перерѣзала полоза; русскій сварилъ мясо змѣи, писиглавецъ поѣлъ, во русскомъ запрѣты не утерпѣлъ и тоже поѣлъ, и сталъ понимать разговоръ скотинъ, взвѣрѣ въ птицъ. Тотъ же рассказъ у Истебнова въ „Лѣтописи филолог. Общества при Новоросс. универс., III, Одесса, 1894, стр. 139, но въ плохой редакціи. Св. Кириллъ идетъ къ болгарамъ человѣкоядцамъ; въ Солуни, когда онъ сидѣлъ подѣ храма, на него изъ клюва пролетавшаго голубя упалъ „Зборъкъ“, вошелъ внутрь его тѣла, и св. Кириллъ сразу получилъ умѣніе говорить поболгарски. Св. Христофоръ песиглавецъ не владѣлъ человѣческой рѣчью; какой-то свѣтлый мужъ тронулъ его уста, и Христофоръ получилъ рѣчъ и началъ проповѣждывать. Событие съ св. Кирилломъ было бы сообразно съ народнымъ повѣрьемъ передано, еслибы легенда рассказывала, что „Зборъкъ“ упалъ въ ротъ святого, а вѣ на плечо. Въ бурятской сказкѣ пониманіе птичьего языка получается отъ 70 уколовъ иголкой, сѣдланыхъ на языкѣ человѣку во время его сна (Оч. с.-з. Монг., IV, 201). Въ монгольской легендѣ глупый лама получилъ даръ краснорѣчія послѣ того, какъ во время сна ему въ ротъ плюнуль Цзонкава (записано мною въ Монголіи). Въ Викрамачаритѣ воронъ (подѣ видомъ которого былъ обращенный мудрецъ Лутабаранъ) испустивъ испражненіе въ ротъ царя Бикрама (т. е. Викрамадиты), но безъ чудотворныхъ посѣдствій.

того же рассказа, то мы получимъ сюжетъ угрорусской сказки о Карольѣ.

Схематический рассказъ о персонажѣ, въ которомъ будуть слиты св. Кирилль и Кирилль-Кожемяка, будетъ имѣть такой видъ:

1 э п и з о дъ.

Семь братьевъ; изъ нихъ младшій Кирилль—главное лицо легенды¹⁾. (Дополненіе изъ житія св. Константина).

Онъ идеть въ страну человѣкоядцевъ; его отговаривають (Солунская легенда).

Онъ посѣщаетъ старца отшельника (митрополита) (Сол. лег.).

(Сарацины) показываютъ ему свое богатство. (Дополненіе изъ житія св. Константина).

(Они) хотять отравить его (Дополненіе изъ житія).

Голубь несетъ зборъкъ (Солунск. лег.).

2 э п и з о дъ.

Женщина узницей у змія.

Голубь несетъ письмо.

Герой легенды (Кирилль) убиваетъ Змія.

Схема угрорусской сказки о Карольѣ будетъ такая:

1 э п и з о дъ.

Семь братьевъ; младшій—герой сказки (Дополненіе изъ сказки о Катигорошкѣ)²⁾.

Герой (Карольѣ) идетъ къ человѣкоядцамъ (песиглавцамъ). Его отговаривають.

Онъ посѣщаетъ старца отшельника.

Человѣкоядцы показываютъ ему свое золото.

Они хотять отравить его.

¹⁾ Число дѣтей у родителей св. Кирилла простиралось до семи; легенда называетъ Кирилла самыи младшимъ (Бильбасовъ, Кирилль и Мее., 139).

²⁾ У Чубинского въ сказкѣ № 63 у человѣка двѣнадцать сыновей и дочь; змій Ива уноситъ дочь; двѣнадцать братьевъ идутъ искать ее, но змій всѣхъ заразъ убиваетъ. Мать братьевъ проглотила горошину, плывшую по водѣ, и родила тринадцатаго сына Покотыгорошко, который убиваетъ змія въ освобождаетъ сестру (стр. 237). У Драгоманова шесть братьевъ и сестра; сестру полонили „Проклятый“, шесть братьевъ идутъ освобождать ее, но попадаютъ въ темницу. Ихъ мать зачала отъ горошины и родила седьмого сына Покотыгорошко, который и освобождаетъ сестру (Малорусси. преданія, стр. 260). Двѣнадцать удвоеніе шести; первоначальное число было вѣроятно шесть; и также было всего семь братьевъ, изъ которыхъ младшій герой сказки. У Афанасьевъ (№ 74, т. I, стр. 141 и 142) два брата гибнутъ въ поискахъ сестры; освобождается ее третій, Покотыгорошекъ.

2 ЭПИЗОДЪ.

Женщина обречена змѣю.

Герой освобождаетъ ее.

Старецъ обращается въ голубя и улетаетъ на небо.

Въ схемѣ о Кириллѣ я позволилъ себѣ дополнить солунскую легенду мѣстами изъ другихъ легендъ, именно 1) разсказомъ о Кириллѣ у саации, предполагая, что саации могли очутиться здѣсь на мѣсть болгаръ человѣкоядцевъ, и 2) разсказомъ о братьяхъ св. Кирилла. Схема о Каролѣ дополнена у меня однимъ заимствованіемъ изъ сказки о Коты-Горошкѣ, на что я считалъ себя имѣющимъ право въ виду указанныхъ выше отношеній этой сказки къ эпизоду о Каролѣ, освобождающемъ женщину, обреченную черту.

Изъ сличенія двухъ схемъ видно, что солунская легенда вошла въ схему о Каролѣ всѣмъ своимъ составомъ, за исключеніемъ двухъ мотивовъ; въ нашей схемѣ о Каролѣ нѣть призыва ангела ити къ человѣкоядцамъ и нѣть разсказа о голубѣ, несущемъ „зборькъ“, но голубь все таки есть и въ этой схемѣ; въ схемѣ о Кириллѣ голубь является въ обоихъ эпизодахъ, но ни голубь первого эпизода, ни голубь второго, не соотвѣтствуютъ голубю сказки о Каролѣ ни своимъ мѣстомъ въ схемѣ, ни своей ролью. Изъ того, что онъ такъ устойчиво появляется въ вашихъ схемахъ, слѣдуетъ однако заключить о важномъ значеніи этого мотива для сказки; можетъ быть въ видѣ голубя представлена въ сказкѣ мать героя, руководящая сыномъ и покровительствующая ему. Въ русской былинѣ мать Добрыни (который, какъ и Кароль, змѣеборецъ—онъ убилъ Тугарина Змѣевича) летить къ нему въ видѣ голубя съ извѣстіемъ, что его жену отдаютъ замужъ. Старецъ-отшельникъ, улетающій въ концѣ сказки на небо въ видѣ голубя, оказывается Каролю покровительствомъ; онъ даетъ ему цѣлебную мазь, которая ему потомъ пригодилась, дарить трехъ покровительствующихъ собакъ и, можетъ быть, даваль рушникъ, дающій неисчерпаемую пищу³⁾. Выше я уже указалъ, что сходной картиной—от-

³⁾ Выше было указано, что въ западноевропейскомъ сказаніи о поѣздкѣ Аполловія въ населенный змѣями Вавилонъ какой-то вѣрь Mijat снабдилъ путника кореньемъ, дававшимъ венесчерпаемую пищу. Угрорусская сказка разсказываетъ, что Кароль передъ встрѣчей съ отшельникомъ въ течевіе шести дней шелъ голодомъ; вѣроятно потому-то рушникъ и введенъ въ сказку, что по первоначальному плану редакціи нужно было спасти Кароля средствомъ для питанія. Если о св. Кириллѣ не говорится, что онъ идетъ голодный, то все таки легенда заставляетъ его сказать императору, что онъ готовъ ити въ Хазарію „глыбкомъ, босой, безъ всего, что Господь запретилъ носить своимъ ученикамъ“ (Бильбасовъ, I. с., 166), т. е. паломникомъ, безъ запаса, питающимся подояніемъ. Предавіе говорить, что императоръ снабдилъ Кирилла необходимымъ на дорогу; сказка тоже заставляетъ отца дать Каролю дорожный запасъ. Во французской пьесѣ Карль Велкій съ своими пѣрами идетъ

летъ троихъ и четвертаго кончается—и Гэсэріада; душа матери Гэсэра и три его небесныя сестры возносятся на небо¹⁾; только здѣсь же представляются онъ въ видѣ птицы; образъ души въ видѣ птицы, впрочемъ, не чуждъ Гэсэріадѣ; Гэсэръ зарубаетъ свою виновную жену и душа ея вылетаетъ изъ тѣла въ видѣ птицы цокцогой²⁾). Въ виду этихъ параллелей можетъ быть и въ кievскомъ преданіи голубь, несущій письмо отъ плѣненой змѣемъ царевны, тоже оттолосокъ мотива о матери, летающей въ видѣ голубя, а загадочный „зборъкъ“ солунской легенды, можетъ быть, найдетъ объясненіе въ преданіяхъ о птицѣ-вѣстнице, или сообщающей извѣстіе человѣческой рѣчью, или несущей письмо³⁾). Въ солунской легендаѣ голубь названъ говорящимъ; „и видѣхъ (Кирилль) голуба глаголющи, въ устѣхъ ношаще зборъкъ“⁴⁾; этотъ глаголющій голубь находитъ себѣ подобнаго въ „говоручемъ“ голубѣ одной малорусской сказки; Елена находится въ плѣну у Змія; Чурило єдетъ освобождать ее; онъ увозить ее отъ Змія, но у Змія есть „говоручий“ голубь, который докладываетъ ему, что его узница увезена; Змій гонится⁵⁾). Въ этой сказкѣ Чурило на мѣстѣ Кирилла-Кожемяки кievскаго преданія; онъ также спасаетъ отъ Змія увезенную имъ царевну; голубь играетъ ту же роль, какъ и въ кievскомъ преданіи; онъ извѣщааетъ лицо, у которого похищена женщина, но только попадь не на свое мѣсто; онъ является сторонникомъ Змія, врага Чурилы, тогда какъ ему слѣдовало бы быть пособникомъ Чурилы. Этотъ „глаголющій“ голубь сказанія о св. Кириллѣ напекаетъ на то, что въ сказкѣ, послужившей материаломъ для славянской легенды, былъ вѣроятно инцидентъ съ дѣвицей, унесенной Зміемъ⁶⁾.

въ Іерусалимъ также въ видѣ паломника. И въ Каролѣ смутно замѣтень толькъ же показанный отголосокъ: три раза онъ встречаетъ нищихъ и подаетъ имъ милостыню. Нищіе какъ будто введены въ сказку только за тѣмъ, чтобы оттѣнить какое-то побужденіе страшествованія Кароля, которое сказкой не объяснено.

¹⁾ Die Thaten des Bogdo Gesser-chagan, S. 286.

²⁾ Die Thaten, S. 272.

³⁾ Гесэр несетъ письмо отъ жены, которой угрожаетъ увозъ, сорока. Тавг. таб. окр. Китая, II, 19.

⁴⁾ Бильбасовъ, Кирилль и Мееодій, 218.

⁵⁾ Гринченко, I. с., вып. I, стр. 160.

⁶⁾ Параллельныя черты угорорусской сказки о Каролѣ съ стихомъ обѣ Егоріи Храбромъ: 1) У Кароли три собаки; у Егоріи или Юрія по великорусскому и малорусскому повѣрю три собаки или три хорта (въ заговорахъ отъ бывальма); Егорій или Юрій съ своими собаками єдетъ или по землемѣру или по золотому мосту; въ одномъ варіантѣ вместо Егорія старецъ съ 3 торбами и 3 ципками (Фамічныѣ, Божества древнихъ славянъ, стр. 323; Петребовъ въ Літописи Філолог. Собщества при Новоросс. универс. III, Од., 1894, стр. 103; Милорадовичъ въ Кіевѣ. Старкѣ, 1900, мартъ, 378). 2) Каролъ въ странѣ песноглавцевъ попадаетъ въ глубокую и темную пивницу, его освобождаютъ собаки; Егорій по приказанию гонителя цари (въ рязанскомъ сказаніи Змія Горюныча) брошенъ въ погребъ и заваленъ бревнами и кампами; вѣтры

Главному лицу въ сказкѣ приписывается происхождение въ подземный миръ и поднятие изъ него на верхъ; монгольский Масангъ сначала опускается подъ землю, потомъ поднимается на небо¹⁾. Такое движение не могло быть выведено изъ наблюдений надъ Б. Медвѣдицей и Полярной звѣздой; представление о персонажѣ, опускающемся подъ землю и поднимающемся на небо (или на гору, на башню), могло возникнуть только изъ наблюдений надъ закатывающимися звѣздами; это будутъ Орионъ, Плеяды и еще лучше мѣсяцъ, солнце, а также Венера, по монг. Цолмонъ.

Послѣдній эпизодъ въ сказкѣ объ Ерусланѣ—онъ спасаетъ царевну, обреченную на същеніе Змѣя, оставляетъ ей драгоценный камень и уѣзжаетъ въ Подсолнечное царство; оставленный камень долженъ послужить знакомъ, по которому отецъ узнаетъ своего сына, ожидаемаго отъ спасенной царевны; и действительно Ерусланъ встрѣчаетъ, потомъ своего сына въ полѣ, не узнаетъ его, вступаетъ въ поединокъ, но наконецъ видѣть перстень, и поединокъ прекращается. Въ другихъ сказкахъ эпизодъ о царевнѣ, обреченной Змѣю, имѣть другой конецъ: царевна спасена героями, но подвигъ этотъ приписывается себѣ постороннее лицо; царевну хотятъ выдать замужъ за этого мнимаго освободителя; но приходить герой, царевна видѣть у него на руѣ перстень, который она дала ему, разставаясь, узнать въ этомъ пришельцу своего истиннаго избавителя и выходить за него замужъ. Двѣ эти схемы

разносятъ эту крышу могилы и Егорій выходитъ изъ ямы. 3) Кароль истребляетъ пепеллавцевъ при помощи собакъ; въ рязанскомъ преданіи: „Егорій поѣхалъ въ лѣсъ, пострѣчавъ здѣсь много волковъ и напустилъ ихъ на Брагина хана грознаго“ (Змѣя Горюныча); въ стихѣ: Въѣхалъ Егорій въ лѣса дремучи, встрѣчлисъ Егорію волки рискучи, гдѣ волкъ, гдѣ два; „собори-тесь вы, волки! будьте вы мои собаки!“ (Афанасьевъ, Нар. русск. легенды, Лондонъ, 1859, стр. 134 и 136). Въ записи Якушкина царь насильникъ, живущій въ Китай-городѣ, напускаетъ на Егорія стадо волковъ; Егорій венчать имъ разойтись по степамъ и лѣсамъ и есть Егорьево благословеніе, и затѣмъ разсѣкаетъ Змѣю-горюничу о 12 хоботахъ и убиваетъ царя въ Китай-городѣ (П. И. Якушкинъ, Сочиненія, изд. Михневича, Спб., 1884; стихъ № 3). 4) Кароль освобождаетъ царевну, обреченную чертами; Егорій спасаетъ царевну, обреченную змѣю. 5) Кароль освобождаетъ зачарованныхъ четыре души, которые возносятся на небо въ видѣ голубей: душу старца отшельника и три души, которыхъ были заключены въ тѣла трехъ собакъ (Гесэръ освобождается изъ ада душу своей матери и на небо возносятся одновременно матеръ Гесера и три его сестры). Стихъ Егорія кончается освобождениемъ матери и трехъ сестеръ; тѣло сестеръ иногда обросло шерстью; Егорій освобождаетъ ихъ отъ этого вѣтріаго покрова (иногда призываютъ искущаться въ Гордаахъ рѣкѣ) Въ русской народной легенды у Афанасьева (Лонд., 1859, № 16, вар. с, стр. 67 и 70) солдатъ освобождаетъ изъ ада цѣлую толпу грѣшниковъ и ведеть ихъ въ рай.

1) О Масангѣ говорится, что онъ въ моментъ, когда поднимался на небо, былъ разбитъ на семь кусковъ, которые обратились въ семь буддъ. Число семь намекаетъ на Б. Медвѣдицу, которая по монгол. назыв. Долонъ-бурханъ, т. е. семь буддъ (Будда монголы переводятъ Бурханъ-бакши), но распаденіе на части приписывается больше Плеядамъ.

расходятся въ томъ, что въ одной по камню или перстню узнаетъ послѣ разлуки близкаго человѣка мужской персонажъ (сынъ), въ другой—женщина (невѣста).

Сказки о коварномъ присвоеніи чужого подвига, рассказываляемыя отдельно, часто начинаются съ того, что царевичъ вынужденъ своимъ коварнымъ слугой уступить этому слугѣ свои права, помѣняться съ нимъ своимъ званіемъ. Такъ въ верхоянской сказкѣ царевичъ, изгнанный отпомъ изъ царства, уходитъ вдвоемъ съ водовозомъ; дорогой царевичъ захотѣлъ пить, водовозъ опускаеть его на веревкѣ въ колодезь, но хочетъ оставить его на днѣ колодезя, если царевичъ не обмѣнится съ нимъ своими правами. Царевичъ поневолѣ соглашается; они приходятъ къ другому королю; водовозъ поселяется во дворцѣ въ званіи царевича, а царевичъ становится конюхомъ. По коварнымъ совѣтамъ самозванца король обременяетъ истиннаго царевича неисполнимыми порученіями; царевичу однако помогаетъ покровительствующее ему существо (Пилагримъ); наконецъ, при помощи того же покровителя, царевичъ поочередно побиваетъ трехъ претендентовъ на руку царевны, которую обыкновенно вызываютъ на поле побоища; эти же ники—трехголовый, пятиголовый и семиголовый богатыри; въ первоначальной редакціи тутъ вѣроятно стояли трехъ, пяти и семиголовый Змѣи; очевидно, это видоизмѣненный эпизодъ о царевнѣ, вывозимой на същеніе Змію. Подвигъ спасенія царевны присвоиваетъ самозванецъ, но царевна узнаетъ своего истиннаго спасителя по своему платку, которымъ она перевязала его раненую руку¹⁾.

Французская сказка *Le roi d'Angleterre et son filleul*²⁾ принадлежитъ къ варіантамъ этой сказки; въ ней также вынужденная уступка права на царское расположеніе, также это происходитъ у колодезя, затѣмъ также служба у иностранного короля, исполненіе по порученію этого короля опасныхъ поручекъ, накликанныхъ на царевича его врагомъ, самозванцемъ (онъ здѣсь горбунъ, и наконецъ благополучное исполненіе этихъ порученій при помощи покровителя гиганта, только послѣднихъ событий, битвъ съ женихами царевны въ этой сказкѣ не достаетъ.

Французская сказка начинается разсказомъ о королѣ, который на охотѣ заблудился, заночевалъ въ одинокій домѣ и тутъ сдѣлался восприемникомъ новорожденнаго ребенка. Удаляясь, король оставляетъ ему крестикъ и наказываетъ родителямъ, когда ребенокъ выростетъ, чтобы они послали его къ нему, и король по этому крестику будетъ знать, что это его крестникъ; это въ родѣ того, какъ Ерусланъ, оставляя камень индѣйской царевнѣ, велѣть, если родится сынъ, дать ему камень и послать его отыскивать отца,

¹⁾ Верхоянский сборникъ, 268—288.

²⁾ *Cosquin*, I, 43.

т. о. его, Еруслана; камень дасть ему увѣренность, что это дѣйствительно его сынъ, Крестникъ короля принужденъ отдать королевскій крестикъ своему дорожному товарищу¹⁾ съ условiemъ при томъ, хранить все это втайне до смерти, и только ва третій день послѣ смерти подлинному королевичу разрѣшалось раскрыть истину. Самозванецъ водворяется въ королевскомъ семействѣ, а подливный царевичъ на конюшнѣ. Послѣ вѣсолькихъ удачно исполненныхъ порученій короля, придуманныхъ коварнымъ самозванцемъ, самозванецъ, убѣждаясь, что этимъ путемъ не погубить королевича, убиваетъ его; королевна ищетъ тѣло убитаго, на третій дѣнь находитъ и воскрешаетъ королевича посредствомъ живой воды, которую туть самъ же принесъ въ одну изъ своихъ опасныхъ поездокъ. Такъ какъ три днѧ прошло послѣ смерти, то королевичъ открываетъ истину и получаетъ свои потерянныя права, а самозванецъ казненъ. Эпизода о царовнѣ, обреченной Змѣю, нѣть; онъ какъ будто отъ этой сказки отѣлился, но въ сборникеъ Коскена онъ все таки появился въ видѣ сказки Jean de l' Ours. Крестникъ англійского короля это Jean de l'Ours; вѣроятно объ немъ передавалось, что онъ былъ изгнанъ изъ царства, теряль знакъ своего царскаго происхожденія, затѣмъ совершалъ рядъ опасныхъ порученій и, наконецъ, освобождалъ трехъ принцессъ, но три его товарища (тутъ три вмѣсто одного) присвоивали трудъ освобожденія себѣ; однако принцессы заблаговременно снабдили资料его настоящаго спасителя золотыми шарами, по которымъ онъ его потомъ и узнали.

Трехдневная смерть и воскрешеніе указываютъ, что подъ крестникомъ короля (а также можетъ быть и подъ Жаномъ-Урсомъ) скрывается лува; трехдневный промежутокъ между ущербомъ и новолуниемъ осмысленъ, какъ трехдневное пребываніе въ гробу. Этотъ мотивъ встрѣчается и въ ордынскомъ фольклорѣ. Чингисъ-ханъ приказалъ убить шамана Тубутъ-тэнгри, о которомъ говорили, будто онъ єздилъ на небо верхомъ на бѣлой лошади²⁾. Тѣло убитаго было положено въ запертой юртѣ; къ юртѣ приставлена стража, но на третій дѣнь оно исчезло и дымовое отверстіе оказалось открытымъ, т. е. тѣло вознеслось черезъ дымовое отверстіе. Другой случай въ сказкѣ сѣверныхъ сибирскихъ татаръ обѣ Акъ-Кобокѣ; какъ Тубутъ соперникъ Чингиса, такъ

¹⁾ Въ кавказскомъ преданіи сынъ Рустема вынуждаетъ искать своего отца со знаками, по которымъ отецъ долженъ узнать его, по встрѣтившійся ему дѣвушка въ видѣ женщины смеется надъ нимъ, уѣзжая, что подѣленные знаки придаютъ богатырю женственный видъ; богатырь прачетъ знаки занавику или бросаетъ на землю, вслѣдствіе чего отецъ вѣ улавливаетъ сына и встрѣчаетъ его враждебно (Вс. Миллеръ, Экскурсы, стр. 43, 48, 51 и 53).

²⁾ Рошиль-Эддинъ, Исторія Монголовъ, перев. Березина въ Запис. Имп. Археол. Общ., т. XIV, Спб., 1858, стр. 159.

Акъ-Кобокъ соперникъ Киданъ-хана, сына Мангуша; Акъ-Кобокъ¹⁾; израненный въ войнѣ съ Киданомъ, ложится въ готовую могилу и говоритъ, что онъ на третій день воскреснетъ²⁾.

Хожденіе шамана Тубута на небо вѣроятно отголосокъ шаманской обрядности; шаманская мистерія представляется или исхожденіе шамана въ подземный міръ, въ царство Ерлика, въ царство мертвыхъ, или восхожденіе на небо (по алтайски въ царство Ульгена)³⁾. На небо шаманъ поднимается или ва гусъ, или по дереву. Послѣднее дѣйствіе изображается наглядно; во время камлания въ юртѣ ставятъ срубленный стволъ березы съ сдѣлаными на немъ зарубками; зарубки это ступени, по которымъ шаманъ долженъ ступить; шаманъ дѣлаетъ примѣрныхъ движеній, будто онъ шагаетъ по ступенямъ⁴⁾. Кроме того летательными средствами для шамана представляются бубень (будто бы шаманъ садится въ него и летаетъ по воздуху) и жезлы; послѣдние имѣютъ на верхнихъ концахъ конскія головки и называются мори-харьбо, «конскія харьбо»⁵⁾; это кони, которые переносятъ шамана въ міръ духовъ. Представляется ли шаманский плащъ летучимъ, мнѣ неизвѣстно. Въ царство Ерлика, царя ада, шаманъ по единственной извѣстной мнѣ записи ѿдѣтъ на лошади. Мнѣ не довелось узнать, изображается ли эта экскурсія шамана когда-либо въ видѣ опускания на веревкѣ, а также изображается ли поднятіе шамана на небо на цѣпи.

Приуроченіе этой темы къ Тубуту вызываетъ догадку, не было ли объ этомъ Тубутѣ и его сопернику Чингисѣ сказки въ родѣ тѣхъ, которые связаны съ именами Ерусана и Jean de l'OURS. На параллели сказаний о Чингисѣ съ сказкой объ Ерусанѣ я указалъ въ своей книжѣ „Вост. мотивы“⁶⁾. Во французской сказ-

¹⁾ Акъ по-татарски бѣлый. Кобокъ ср. съ якутскимъ *куобахъ*, „запъ“.
Есть какія-то отношенія зайца къ мѣсяцу.

²⁾ Сагайды перенесли этотъ мотивъ на Амуръ-сарана, т. е. на послѣднаго джунгарскаго приза Ажурсану (*Radloff, Proben*, II, 385, преданіе о Шуно). Въ истории Морольеа трехдневная инимая смерть жены Соломона; языческій царь подоспѣлъ музыкантамъ, свѣдущихъ въ волшебствѣ; они даютъ царицѣ траву; въявлъ ее въ ротъ, она становится, какъ мертвая. Призванный Моролье не вѣрить ея смерти, видитъ тутъ колдовство и говоритъ: „Стерегите ее покрѣпче; бѣюсь объ закладѣ, что она еще уйдетъ отъ васъ“. На третью ночь музыканты увезли царицу (*A. Н. Веселовскій*, Слав. сказан. о Соломонѣ и Битоврасѣ, стр. 283—284).

³⁾ Дева „мѣсяца“ потибетски.

⁴⁾ Въ болгарской сказкѣ о женщинѣ, унесенной черезъ пору въ подземный міръ, герой вылезть изъ подземного міра по дереву *коу*, которое, подобно Масанду, самъ заставляетъ. (*Cosquin*, I, 21). Въ русской сказкѣ горохъ вырастаетъ до неба; по нему взирается на небо человѣкъ и находить тамъ козу съ семью (вар. съ двѣнадцатью) глазами, которая караулить домъ (*Леамас*, № 6, т. I, стр. 19, № 231, т. II, стр. 376). Ср. у Cosquin'a (II, 188) сказку „Le pois de Rome“.

⁵⁾ См. стр. 296—347.

къ Jean de l'Ours заказываетъ себѣ пальцу у кузнеца, а иногда онъ служить у кузнеца подмастеремъ¹⁾ и оказывается искусствѣе хозяина. Этотъ мотивъ очень распространенъ въ группѣ еруслановскихъ сказокъ, хотя въ сказкѣ о самомъ Ерусланѣ его нѣть. Кузница и кузнецное дѣло связаны съ именемъ Чингисъ-хана²⁾ и вѣроятно этотъ мотивъ былъ и въ сказкѣ Ерусланѣ.

Въ приведенныхъ сказкахъ нерѣдко встрѣчается разсказъ о двухъ водахъ сильной и бессильной³⁾). Когда герой, спустившись въ подземный міръ, находитъ здѣсь похищенную царевну, она учить его, какъ одолѣть чудовище; нужно переставить бочки съ водой; утомившись отъ боя, соперники кидаются къ водѣ, чтобы прохладиться, и чудовище или змѣй пьетъ бессильную воду, не подозрѣвая, что бочки переставлены, а герой пьетъ сильную воду, становится сильнѣе противника и убиваетъ его. Въ верхоянской сказкѣ Пилигримъ поитъ царевича, которому онъ покровительствуетъ, сильной водой; и царевичъ, благодаря этому, побиваетъ три войска.

Въ восточномъ фольклорѣ точь въ точь такого мотива нѣть, но есть спаиваніе противника виномъ передъ битвой. Въ сборнике „Арджи-Барджи“ Бикаръ Мадзада (въ моей устной записи Бэгэръ-Меджитъ) выставляетъ передъ битвой сосуды съ виномъ; противникъ его, царь шимусовъ, выпиваетъ вино и обезсиливается, а Бэгэръ обращается въ сто львовъ (арсланъ), нападаетъ на него, убиваетъ его шимусовъ и его самого⁴⁾.

Сказка о Бэгэръ-Меджитѣ напоминаетъ вышеприведенные сказки и тѣмъ еще, что начинается зачатіемъ отъ съѣденной нищи. Вместо ухи изъ щуки, отъ которой рождается Бурза Воловичъ, вместо горошины, отъ которой былъ зачатъ Горошекъ, здѣсь мука. Царица была бездѣтна; лама отшельникъ далъ ей тѣсто; она сѣла его, остатки вылизала служанка; у царицы родился сынъ Бэгэръ, у служанки Шялу⁵⁾. Въ „Вост. мотивахъ“

¹⁾ *Cosquin*, I, 8.

²⁾ См. Вост. мотивы, 420.

³⁾ *Леанас*, I, 128, 133, 136. *Романосъ*, Балорусск. сборникъ, т. I, в. 3, стр. 80, 83. Чубинский, II, 208; (два камня, сильный и бессильный), II 209.

⁴⁾ Въ японской сказкѣ Sosano, освободителемъ обреченной въ съѣде виномъ царевны, выставляетъ восемь горшковъ съ *Saki* (родъ водки); драконъ съ 8 головами прикладываетъ каждую голову къ горшку, напивается пьянь и Sosano убиваетъ его. (*Cosquin*, I, 75). Это Бэгэръ-Меджитѣ (Бикаръ-Мадзада), который выставляетъ сосуды съ виномъ предъ тѣмъ, какъ идти въ бой съ царемъ шимусовъ. Въ монгольской сказкѣ нѣть освобождаемой царевны, но обреченныхъ жертвъ есть; населеніе было обязано ежедневно отдавать на съѣде царю шимусовъ по сту человѣкъ съ благородной персовой во главѣ. Вѣроятно только отсутствіе обреченной царевны удерживало Коцкена отъ присоединенія Бэгера къ другимъ указаннымъ имъ параллелямъ.

⁵⁾ Въ грузинской сказкѣ (Сборникъ матер. для опис. мѣстн. и племен. Кавказа, т. X, отд. II, стр. 54—61) сюжетъ сказки Jean de l'Ours (Ломъ-каци) встрѣчается человѣка съ жерновомъ на ногѣ, догоняющаго зайца и другого,

я сдѣлалъ сближеніе этихъ персонажей съ найманами Хорису-Маджу и Тункъ-Шяль, которые убиваютъ Бань-хана, противника Чингисъ-хана¹⁾). Если Бэгэръ и Хорису въ самомъ дѣлѣ тождественны, то значитъ и о Хорису можетъ быть предполагаемъ разсказъ, что онъ родился отъ съѣденаго тѣста, какъ Горошекъ отъ проглоченной горошины.

Въ нѣкоторыхъ вариантахъ, какъ, напримѣръ, въ аварскомъ и, имеретинскомъ, сынъ медвѣдя дебитируетъ со своей силой въ рубкѣ лѣса. Въ аварской царь посыаетъ богатыря Медвѣжье ухо рубить дрова; богатырь сразу столько нарубилъ, что завалилъ лѣсомъ городъ²⁾). Въ имеретинской³⁾ царь, чтобы отдѣлаться отъ необыкновенного силача, медвѣжьяго сына, посыаетъ его въ самый густой лѣсъ, срубить въ немъ срубъ для дворца и доставить къ старому дворцу; медвѣжій сынъ повалилъ вѣковыя деревья и исполнилъ приказъ царя. Во французской сказкѣ о сынѣ медвѣдя (Jean de l'Ours) этого мотива нѣть, но онъ есть въ сказкахъ Bénédicité и L'homme fort; герои этихъ сказокъ не выдаются за сыновей медвѣдя, но такое происхожденіе ихъ можно подозрѣвать.

Такой же дебютъ и русского былинного богатыря Ильи Муромца. Послѣ того, какъ онъ просидѣлъ сиднемъ тридцать лѣтъ⁴⁾ проходившіе старцы дали ему пить циша, и послѣ того онъ сталъ сильнымъ богатыремъ точно такъ же, какъ тотъ царевичъ, которому покровительствовалъ Пилигримъ верхоянской сказки. Получивъ возможность ходить, Илья отправляется корчевать лѣсъ. Вѣроятно и здѣсь сила эта только напугала родителей и они, вѣроятно, сами отослали его странствовать. Изъ сходства такого начала русской сказки съ началомъ кавказскихъ вытекаетъ заключеніе, что Илья Муромецъ такой же сынъ медвѣдя, какъ аварскій C'il'in, имеретинскій Леванъ Датвисшили и ингушій Че уа.

который коруетъ янца; жизнь встроемъ; великанъ отнимаетъ обѣдъ у двухъ товарищъ, но Ломъ-хана убиваетъ великанъ; спускъ въ подземелье, освобожденіе принцессы, измѣна товарищей; орлица выносить Ломъ-хана) соединены не съ мотивомъ неестественнаго союза медвѣдя съ женщиной, а съ мотивомъ неестественнаго зачатія въ родѣ монгольской сказки о Бэгэрѣ-Меджитѣ (Арджи-Борджи); царевна сѣѣдаетъ яблоко, служанка комицу съ него; у царевны рождается сынъ Арджеванъ, у служанки Ломъ-хана; это послѣдний отвѣчаетъ Шилу монгольской сказки. Ломъ-хана убиваетъ великанъ (въ монгольской сказкѣ Бэгэръ, а не Шилу убиваетъ царя шимнусовъ; о томъ, что тутъ можно предполагать испорченную редакцію см. Вост. мотивы, 258), освобождается царевна и выдастъ ее замужъ за Арджевана. Космѣевъ указываетъ греческую сказку, которая представляетъ переходъ отъ сказки Jean de l'Ours къ египетскому роману о двухъ братьяхъ (Cosquin, I, 25).

¹⁾ Вост. мотивы, 236 и 251.

²⁾ Cosquin, II, 113.

³⁾ Сборн. мат. для оп. Кавк., XIX, отд. 2, стр. 3.

⁴⁾ Въ сказкѣ, записанной въ Бретани, Petite Baguette до сорока лѣтъ ничего не дѣлаетъ, потомъ обнаруживаетъ силу и уходитъ съ жезльной „baguette“ въ семьсотъ лировъ вѣсомъ (Cosquin, I, 5).

Сказка объ Ильѣ Муромцѣ представляетъ иѣкоторыя параллели къ монгольской сказкѣ объ Иринѣ-Сайнѣ. 1) Иринь-Шайнѣ¹⁾ въ алтайской сказкѣ по порученію царя приносить Ханкыри; царь испугался и просить отнести Ханкыри на прежнее мѣсто²⁾; въ аварской царь, чтобы отдѣлаться отъ медвѣжьяго сына, посыаетъ его принести сначала чудовище „карть“, потомъ змѣя „аждах“; богатырь приносить; царь, не ожидавшій этого, пришелъ въ ужасъ и просить отнести чудовище назадъ; Илья Муромецъ приносить ко двору князя Владимира Соловья разбойника; князь перепугался. 2) Иринѣ Сайнѣ бѣется съ братомъ и племянникомъ; Илья бѣется съ сыномъ³⁾; 3) Иринѣ-Сайнѣ влезть на лѣстницу, чтобы оттуда взглянуть на толпу непріятелей; Илья поднимается на гору, чтобы посмотретьъ на непріятельское войско. Если моя догадка вѣрна, что Иринѣ-Сайнѣ и Джиренше-шешенѣ (Ерень-шешенѣ) тожественны, то и еще одно совпаденіе получается. Джиренше-шешенѣ (Джиренше-мудрецъ) посаженъ царемъ въ тюрьму, Илья также; правда, о Джиреншѣ иѣть разсказа, что онъ въ трудную минуту выручалъ царя, какъ Илья Владимира. Этой чертой судьба Ильи похожа на судьбу Акира премудраго, только при Ильѣ иѣть загадокъ. Въ отношеніи загадокъ Акирѣ сходится не съ Ильей, а съ Джиренше-шешенемъ; Джиренше разгадывается, какъ и Акирѣ, царскія загадки, и при томъ есть одна почти тожественная съ загадкой, заданной Акирю. Я думаю, что поединокъ съ сыномъ потому и стоитъ въ былинѣ объ Ильѣ, что Илья есть русскій Иринѣ-Сайнѣ; бой Ильи съ Борисомъ-королевичемъ или съ Збутомъ-королевичемъ, это бой Иринѣ-Сайнѣ съ Арсланомъ. Въ области тѣхъ же материаловъ, вѣроятно, найдеть объясненіе и появленіе въ русской былинѣ Жидовина на мѣстѣ сына Ильи Муромца; едва ли это этнографический терминъ. Въ виду того, что въ числѣ названий Больш. Медвѣдицы есть формы Джеты-гань, Жидигань и т. п., нужно подождать на-

1) Иринѣ ср. съ цркѣ, „медвѣдь“.

2) Очерки с. в. Мовг., IV, 427.

3) Ibid 452. Въ малорусской сказкѣ, Илья Мурантъ (т. е. Илья Муромецъ) спрашивается у одной панви: „есть ли гдѣ сильнѣе менѧ и краше тебѧ?“ Оказывается, что есть; это красавица, которая содержится за десятнадцатью желѣзными дверями; чтобы жениться на ней, нужно убить 30 годоваго змѣя; Илья обматываетъся пражей, обгибаются смолой т. е. поступаетъ, какъ Кириль-Комсомика кіевскаго предавія, бѣется со змѣемъ и убиваетъ его (Вс. Миллер, Очерки русск. народн. словесности. Былины. М. 1897. Стр. 408). В. Ф. Миллер думаетъ, что еруслановские инциденты позднѣйшее вспоминаніе на имя Ильи Муромца. Можетъ казаться, сростаніе иѣкоторыхъ еруслановскихъ темъ съ героями, родившимися отъ медведя или медвѣдицы, началось гораздо древнѣе, чѣмъ составился сюжетъ объ Ерусланѣ. Илья Мурантъ узнаетъ, что какой-то богатырь выколодилъ глаза его отцу и матери; для исправленія вѣтъ Илья достаетъ сердце чародѣйного богатыря. У Романова, III, стр. 85 и 87, Иванъ царевичъ встрѣчаетъ какихъ-то дѣда и бабу, у которыхъ змѣя выпила очи; онъ достаетъ средство исцѣлить глаза.

коплениа преданій объ этомъ созвѣдіи и не торопиться съ ближніемъ имени Жидовинъ съ именемъ жидъ. Можетъ быть Жидовинъ окажется славянизированнымъ аварскимъ Жадиганъ¹⁾.

Въ сказкѣ, записанной г. Эварницкимъ, Илья Муромецъ спасаетъ царевну, обречеаную змѣю, но бояндарь отрубаетъ ему голову и подвигъ приписываетъ себѣ; св. Петръ оживляетъ Илью; сливается обличеніе самозванца²⁾.

Въ „Вост. Мотивахъ“³⁾ я сравнивалъ съ преданіемъ объ Ильѣ сказку о Бормѣ-Ярыжкѣ; здѣсь прибавлю, что конецъ, который мы находимъ въ сказкѣ Эварницкаго, придается и Бормѣ и его эквивалентамъ; такой конецъ—спасеніе обреченной змѣю царевны, самозванство и обличеніе самозванца—находится въ сказкахъ 1) вологодской о Михайлѣ Трунщиковѣ, 2) самарской о Иваѣ Туртыгинѣ и 3) могилевской о Дикомъ Бурьмѣ⁴⁾. На схему сказки

¹⁾ Въ греческой былинѣ отецъ богатыря Армури въ плену у саракиновъ сидитъ въ темнице; но подвигъ Армури (бой съ саракиномъ у рѣки, битва съ саракинскимъ войскомъ) заводить страхъ на саракинскаго эмира, онъ напоминаетъ свое обращеніе съ узникомъ, угожаетъ его, освобождается изъ темницы, отсылаетъ къ сыну и обещаетъ отдать за сына свою дочь (В. О. Миллеръ, „Очерки“, 334). Это сходно съ татарской былинѣ объ Ала-Картагѣ; браты Темусы увезли въ пленъ отца Ала-Картаги, Акъ-хана и посадили его въ иму, но подвигъ Ала-Картаги (бой съ Джедай-ханомъ) напугалъ ихъ, и они отпустили Акъ-хана изъ неволи, вѣтуть на встречу къ Ала-Картагѣ съ подарками. А. И. Веселовскій думаетъ, что даѣте въ греческой былинѣ было разсказъ о поединкѣ отца съ сыномъ, г. Миллеръ отклоняетъ это предположеніе. Въ побочныхъ вариантахъ, однако, можно допустить вмѣсто мирной встречи отца съ сыномъ поединокъ по ведоразумію, какъ это и имѣетъ мѣсто въ былинѣ о Саурѣ Ванидовичѣ. Въ приведенныхъ выше татарскихъ сказкахъ мы находимъ во первыхъ столкновеніе Ала-Картаги съ Джедай-ханомъ, во вторыхъ Картиги съ Седѣй-изргеномъ, но сказки не дѣлаютъ ихъ родственниками. Седѣй-Маргэнъ, возвращаясь на родину, встрѣчаетъ въ полѣ свою дочь и не узнаетъ ее съ первого раза, но этого изнайденіе не принадлежитъ къ категоріи встречъ съ поединкомъ; это другой типъ встречъ, въ родѣ встречи Одиссея съ отцомъ Лаэртомъ.

²⁾ А. Веселовскій, Мелкіе замѣтки къ былинамъ въ Журн. М. Н. Просв., ч. CCLXIX, отд. 2, стр. 63.

³⁾ Стр. 701.

⁴⁾ Ждановъ, Русскій былевой эпосъ, 5 и 9; Иванющкій, Истор. по втн. Волог. губ., стр. 165 (Изв. Моск. общ. люб. естествоз., антр. и этн., т. LXIX); Садовниковъ, Сказки и пред. самарск. края, стр. 22—27; Романовъ, Бѣлорусск. сборн., в. З., № 28, стр. 205. Въ вологодской и могилевской сказкахъ герой сказки (Трунщиковъ или Дикій Бурьма), везущій царскіе инсигніи, въ одному мѣстѣ останавливается отдохнуть и засыпаетъ; товарищи улавливаютъ за корабль съ добытыми вещами и выдаютъ себя за виновниковъ пріобрѣтенія ихъ; истинный ихъ вріобрѣтатель просыпается только черезъ три днія (такъ въ могилевскомъ варианта у Романова). Въ православное царство Дикаго Бурьму переносятъ льва, которому онъ оказалъ услугу въ борьбѣ съ змѣемъ (эпизодъ, отвѣчающій борьбѣ двухъ быковъ, чернаго и бѣлаго въ монгольской сказкѣ о Масангѣ). Борьба льва съ змѣемъ описывается и въ другомъ могилевскомъ варианта (о проворной Ярыжкѣ), и въ самарской сказкѣ, но въ обоихъ случаяхъ забыты въроломный поступокъ товарищей. Во всѣхъ описано случаяхъ благодарный левъ доставляется героямъ сказки на мѣсто.

о Бормѣ похожа схема былины о Васильѣ Буслаевѣ. Борма Ѣдетъ втроемъ; и Буслаевъ Ѣдетъ втроемъ; Борма перелазить че-резъ змѣя, замѣняющаго городскую стѣну; Буслаевъ поднимается на Сорочинскую гору; на обратномъ пути Борма запнулся на вер-шинѣ змѣинаго хребта; Буслаевъ запнулся на Сорочинской горѣ, у камня Алатыря. Василій Буслаевъ никакихъ святынь изъ Іеру-салима, не принесъ; но три святыни въ новгородскихъ преданіяхъ были, только они попали повидимому въ другое народное сказа-ніе, именно въ сказаніе о сорока каликахъ которые принесли изъ Іерусалима чашу, копкарь и скатерь „во веки имъ кормле-ніе“¹⁾.

Но можетъ быть тотъ же мотивъ вставлялся и въ былину о Васильѣ Буслаевѣ или сказаніе о сорока каликахъ можетъ быть ставило его атаманомъ каликъ. Въ одномъ варианте повѣсти о Вавилонскомъ царствѣ одинъ изъ трехъ пословъ императора, иду-щихъ въ Вавилонъ, называется Васильемъ-русеникомъ²⁾. Г. Жда-новъ указываетъ на сказку у Афанасьевъ³⁾, въ которой какой то Весельчакъ отправляется въ змѣиный городъ доставить мазь, чтобы исцѣлить больные глаза царевны; онъ перелазить черезъ змѣя, облегавшаго городъ вмѣсто стѣны, находить подъ камнемъ мазь и убѣгаеть съ нею, спасаясь отъ погони³⁾,—следовательно это вариантъ сказки о Бормѣ. Имя Весельчакъ, можетъ быть, вы-звано созвучiemъ съ именемъ Василій.

Жизненный дебютъ Василья Буслаева напоминаетъ Jean'a de l'Ours; во время игръ онъ „у кого руку оторвѣть, у кого голову рѣсколѣтъ“. Мать отдала его учиться къ старчищу Угрумищу „листи писать“. Однажды Угрумище созвалъ гостей на пиръ, а Буслаева не позвалъ; Буслаевъ пришелъ па пиръ не званый, „изъ передняго угла гостей новыхваталь, со скамеечки повыдергалъ, проводилъ на новы сѣни черныхъ вязомъ“⁴⁾). Во французской сказкѣ подобная сцена происходитъ въ школѣ; Jean de l'Ours цѣлую лавку учениковъ однимъ ударомъ высадилъ изъ за стола, а учителя выбросилъ въ окно⁵⁾.

Обзоръ материала, которымъ я воспользовался для этой статьи, приводить къ заключенiuю во 1-хъ, что сказка объ Ерусланѣ вы-шла изъ сказки о медвѣжьемъ сынѣ, во 2-хъ, что она относится къ звѣздному эпосу. На нѣкоторыя звѣзды, какъ напримѣръ на Венеру, на луну есть въ приведенныхъ мною сказкахъ прямые указанія; въ другихъ случаяхъ звѣзду или созвѣздіе легко уга-

1) Вс. Ф. Мильмеръ, „Къ былинѣ о сорока каликахъ со каликою“ въ Журн. М. Нар., Пр., 1899, августъ (СССХІУ), стр. 489.

2) А. Веселовскій Повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ стр. 133 (Славянскій Сборникъ т. III).

3) И. Н. Ждановъ, Русск. былев. впосѣ, 18.

4) Афанасьевъ, № 176 (II т. стр. 256).

5) Coquin, I, 2.

дать по обстоятельствамъ, въ которыхъ выведено дѣйствующее лицо. Для вѣкоторыхъ сказокъ главную роль при создании сюжета играло, повидимому, наблюдение надъ небесными свѣтилами, при чёмъ движение свѣтила или явленіе, происходившее съ нимъ, осмысливалось при помощи явлений въ жизни людей и звѣрей на землѣ. Напримѣръ было замѣчено движение одного созвѣздія вслѣдъ за другимъ, какъ бы по пятамъ его; ему придавался смыслъ погони охотника за оленемъ или преслѣдованія оленя хищнымъ звѣремъ. Примѣры того, что звѣзды представлялись звѣрями, не рѣдки; народное повѣрье видѣть въ нихъ лосей, оленей, волковъ, собакъ. Было и обратное возвѣдѣствіе; представленіе, возникшее изъ наблюденія надъ небомъ, могло переноситься на землю. Такъ напримѣръ, замѣтивъ неподвижное положеніе Полярной звѣзды, человѣкъ нашелъ параллельное къ нему явленіе въ образѣ жизни летучей мыши, неподвижно прижавшись къ скалѣ, проводящей день; затѣмъ, связавъ съ Полярной звѣздой прочность мірозданія, признавъ въ ней залогъ того, что небо не обрушится на землю, человѣкъ перевесъ это представленіе на летучую мышь и создалъ легенду, будто летучая мышь воображаетъ, что она поддерживаетъ скалу отъ паденія, иначе скала упадетъ и задавитъ людей.

Имена созвѣздій иногда смѣшиваются. Еще болѣе смѣшенія между созвѣздіями нужно ожидать въ сюжетахъ, пріуроченныхъ къ нимъ. Такъ напримѣръ, разсказъ о подъемѣ дѣйствующаго лица въ сказкѣ на гору или опусканіе его въ подземелье можетъ быть выведено изъ наблюденія надъ свѣтиломъ, восходящимъ къ зениту или заходящимъ за горизонтъ, но такое явленіе наблюдалось и надъ Венерой, и надъ Плеядами, и надъ Оріономъ, и надъ луной, и надъ солнцемъ. Есть, впрочемъ, явленія, связанныя только съ опредѣленными свѣтилами. Такъ напримѣръ, неподвижное положеніе замѣчается только у Полярной звѣзды; разсѣченіе тѣла пополамъ или периодическое убываніе тѣла и иароставіе его можетъ быть выведено только изъ наблюденія надъ фазами луны; движение противъ теченія—изъ наблюденій надъ Большой Медвѣдицею; вѣчное движеніе взадъ и впередъ, какъ маятникъ (напр. представление о вѣчномъ перевозчикѣ) только изъ наблюденій надъ тѣмъ же созвѣздіемъ. Но въ теченіе вѣковъ традиція нарушилась, утратилось пониманіе связи между сказкой и той реальностью, которая въ ней прежде подразумѣвалась, особенно при переходѣ сказания въ чужую народность безъ перевода собственныхъ имёнъ, и тогда явилась возможность и детали, выведенныя изъ наблюденія надъ фазами луны, и детали, идущія изъ наблюденія надъ Б. Медвѣдицеей, или Плеядами, или Полярной звѣздой, соединять на одномъ дѣйствующемъ лицѣ, не имѣя повода усматривать тутъ нелогичность. Въ виду этого разоблаченіе сюжетовъ возможно только въ извѣстныхъ границахъ. Нельзя, напримѣръ, сказать, что Ерусланъ вотъ такая-то звѣзда или такое-

то созвѣздіе. Возможно открытие генезиса только инцидента, а не сказки.

На протяжениі статьи нерѣдко дѣлались указанія то на ту, то на другую звѣзду. Здесь, на послѣднихъ страницахъ статьи, я хочу свести вмѣстѣ эти указанія. Чаще всего мнѣ приходилось указывать на Полярную звѣзду. Въ „Вост. мотивахъ“ я выскажалъ мнѣніе, что съ этой звѣздой были связаны эсхатологическій темы. По одному народному повѣрю семь звѣздъ Большой Медведицы—это семь волковъ, которые гонятся за лошадью, привязанной къ приколу, а подъ послѣднимъ подразумѣвается Полярная звѣзда, которая въ разныхъ частяхъ орды такъ и называется Желѣзный коль или Золотой коль. Когда волки догонятъ лошадь, конецъ міра. Но другому повѣрю міръ погибнетъ отъ воды, который изолируется изъ отверстія, пока заткнутаго камнемъ. Есть къ этому представлению параллельное, впрочемъ не связанное съ идеей о кончинѣ міра—воды изливаются изъ отверстія, сдѣланаго въ земной поверхности посредствомъ желѣзного посоха; посохъ былъ воткнутъ въ землю и вынутъ, изъ пробитаго имъ отверстія потекли воды и образовали море. Предполагая для всѣхъ этихъ представлений одно общее происхожденіе, я прихожу къ заключенію, что въ Полярной звѣздѣ иногда видѣли камень или коль, которымъ было закупорено отверстіе, ведущее къ хранилищу воды, угрожающихъ всемирнымъ наводненіемъ¹⁾.

Къ той же группѣ представленій слѣдуетъ отнести и представление объ отверстіи, сдѣланномъ также посохомъ, но изъ которого на землю извергаются не воды, а гады, гнусъ и всякое подобное зло; отверстіе это дѣлаетъ Ерликъ, царь ада²⁾. Это представление можетъ быть принято за переходъ къ другому, къ представлению объ отверстіи, ведущемъ въ подземный міръ, обитаемый нечистыми духами (въ царство Ерлика). Сюда примкнуть тѣ инциденты въ сказкахъ, въ которыхъ герой отваливаетъ камень, прикрывающій отверстіе, спускается въ подземное царство и тамъ вступаетъ въ поединки съ злыми силами, похитителями царевенъ (въ переводѣ на языки тюркомонгольскихъ повѣрій, съ способами Ерлика, похищающими на земль человѣческія души и причищими ихъ въ казематахъ ада). Иначе сказать, Полярная звѣзда представлялась отверстиемъ, ведущимъ въ другой міръ, где живеть злое существо, насыщающее на людей смерть. Бѣлая плита, подъ которую уходитъ баба-яга, бѣлый камень, подъ который уходитъ Норка-звѣрь, желѣзная плита, подъ которую уходитъ птичка, золотой хохолокъ³⁾, это образы, въ которые на-

¹⁾ Вост. мотивы, 363; Танг.-таб. окр. Китая, II, 211—214 и 331. По якутскому повѣрю въ Полярную звѣзду, въ Плеяды отверстіе въ вѣѣ чѣмъ-то заткнутое; когда оно отмыкается, на землю дуютъ вѣты (Вост. мотивы, 325, 571).

²⁾ Вост. мотивы, 569.

³⁾ Афанасьевъ, изд. 1897, т. I, стр. 132.

редное воображение превратило Полярную звезду. Злая сила уносить через это отверстие въ темный міръ царевну, и иногда тамъ приковываетъ ее цѣпями; представление о подземномъ мірѣ переходитъ въ представление о темницѣ съ заточенной царевной¹⁾). Заточение въ темницѣ можетъ толковаться въ сказкѣ, какъ возмутительное насилие или какъ наказаніе за преступленіе²⁾). Иногда же это не темница, а погребъ, куда спрятаны дѣти, чтобы спасти ихъ отъ злого существа, которое умышляетъ унести ихъ; или пещера, въ которой укрывается бѣглецъ (я припоминаю въ этомъ случаѣ Чингисъ-хана монгольского преданія, собственно Темучина, а также Балъ-Доржи тибетского преданія, убившаго царя Ландарму, прячущихся въ пещерѣ).

Въ одной сказкѣ возлѣ отверстія, ведущаго въ подземный міръ, помѣщается столбъ, но онъ не запираетъ входъ, а врытъ для того, чтобы герой могъ привязать къ нему веревку, на которой онъ долженъ спуститься въ подземелье. Тутъ связь столба съ отверстиемъ иная, чѣмъ въ предыдущихъ преданіяхъ, но эта версія показываетъ, что дѣло идетъ о какой то реальности, которая представлялась и въ видѣ отверстія и въ видѣ столба.

Столбъ иногда замѣняетъ темницу. Въ некоторыхъ изъ приведенныхъ сказокъ сестра измѣница въ наказаніе за измѣну выставлена на каменномъ столбѣ; въ вариантахъ этой сказки она помѣщена на вершинѣ дуба (и оттуда свергнута) или привязана

1) Подъ прикованной цѣнами царевной могла подразумѣваться Большая Медведица, которая монгольски называлась Джиты-Каракаше, а на другомъ тюркскомъ наимѣніи, алтайскомъ, *каракчы* значить „красавица“. У алтайцевъ есть сказка объ Очу-Каракчинѣ, „Злой красавицѣ“, у которой семь братьевъ. Въ русской былинѣ Змѣй Горыныч унесъ Марью Дивовну за реку Пучай и заключилъ въ пещеры блокчаменные. Въ сказкѣ объ Ерусланѣ Феодулѣ-Змѣй уткнулся за море въ каменяя ворста. У Асанасьева въ сказкѣ № 71, вер. бъ входъ въ пещеру, т. е., въ подземное царство имѣть видъ же лѣзной двери (изд. 1897, I, 127). Заточенные собаки представлялись или сидящими на цѣпяхъ, возможно привязанными къ столбу т. е. къ Полярной звѣздѣ, или запертными въ (каменномъ) домѣ; они пытаются освободиться и (или грызутъ цѣпь или) грызутъ каменныя двери; отсюда какъ будто можно догадываться, что Полярная звѣзда представлялась или столбомъ, или дверями, или воротами, иногда каменными, иногда же лѣзными. „Жезльзныя ворота“ очень распространено варожное представление и часто встречается, какъ названіе урочища (Темиръ-капу потурецки, „А-мыны, поистайски). Народному преданію известны также и „Золотые ворота“.

2) Въ разныхъ вариантахъ сказки о сестрѣ-измѣнице встречается представление о деревѣ, къ которому выставлена измѣнившая женщина, но въ некоторыхъ заточение терпѣть и человѣкъ, потерпѣвший отъ измѣны. Такъ у Романова, въ № 5 „Юда беззаконный чортъ“ вар. а, сестра-измѣница, въ сказкѣ съ Юдой, кладетъ убитаго брата въ бочку, нагоняетъ на нее дѣвушку, пить обручей и бросаетъ ее въ море (стр. 59); въ № 7 Иванъ Ивановичъ, русскій царевичъ, брошенъ сестрой измѣницей въ боченкѣ въ море (стр. 65); въ вариантахъ къ этой сказкѣ пессчастный братъ защемленъ въ расщепленной вѣдѣ соснѣ (стр. 66).

къ дереву, въ одномъ случаѣ привязана къ явору ¹⁾. Въ другихъ сказкахъ привязаннымъ является несправедливо страдающій; Ай-домей пригвожденъ семью гвоздями къ землѣ у основанія столба, который служить коновязью. Иногда положеніе на деревѣ не мотивируется, какъ казнь; это просто мѣсто жительства. Такъ въ русскихъ сказкахъ Давій мужъ сидитъ на дубѣ, на границѣ царства; очевидно это пограничный сторожъ; его замѣститель въ варианте Полугримъ сидитъ на столбѣ, а въ верхоянской сказкѣ Пилигримъ, онъ же и золотой человѣкъ, содергится въ тюрьмѣ не какъ преступникъ, а какъ диковинка. Въ алтайской сказкѣ Тарданакъ сидитъ на *желѣзномъ* деревѣ.

Посохъ, вбитый въ землю, сливается съ деревомъ. Въ кавказскомъ преданіи обѣ Амиранѣ костыль, который Христосъ вбиваетъ въ землю, пускаетъ глубокіе корни и превращается въ дерево, и Амиранъ напрасно старается раскачать дерево и вырвать его; если это ему, однако, удастся, будетъ конецъ міра. Встрѣчаются преданія о мечѣ, всаженному въ землю или въ скалу, о ножѣ, всаженному въ тѣло оленя, и никто, кроме героя сказки, не можетъ его извлечь. Мечъ Навуходоносора былъ заложенъ въ городскую стѣну (вмѣсто стѣны служилъ обложной змѣй), и когда онъ былъ вынутъ, послѣдовала конецъ жизни въ Вавилонѣ.

Преданіе о Тарданакѣ, сидящемъ на *желѣзномъ* деревѣ и о Джельбекенѣ, который вырвалъ его вмѣстѣ съ деревомъ и вмѣстѣ съ деревомъ несѣть по воздуху, имѣть, можетъ быть, свои отраженія въ разсказахъ о Дзміѣ, который носится по воздуху съ дубомъ и прицѣпившимся къ нему Кыріакомъ, Кобылячимъ сыномъ ²⁾, о Вихорѣ, который летаетъ съ тростью и ухватившимся за нее Аригадъ-царевичемъ, и о Вихрѣ, носящемся съ палицей, за которую держится Иванъ-царевичъ.

1) Иногда, помѣстивъ измѣянницу на вершинѣ дерева, сбрасываютъ ее оттуда, встражнувъ дерево. Вейнемейпенъ садить и выращиваетъ дубъ; когда Ильмариненъ вѣзъ на него, Вейнемейневъ потрясъ за стволъ и Ильмариненъ улетѣлъ въ Покиолу. Мотивъ сверженія съ высоты не разъ встрѣчается въ ламайскихъ легендахъ о кающемся грѣшнике, который потомъ становится богомъ Майдари (Вост. мотивы, 511); грѣшникъ приходить къ отшельнику, загордившемуся своей святостью; гордый святой искушаетъ пришельца предложеніемъ броситься со скалы въ пропасть. Въ легендахъ о Мила-райбѣ, кажется также совершающемъ трудъ покаянія, сверженіе вѣ со скалы, а съ крыши храма (Танг. тиб. Китай, II, 374).

2) *Маккура*, Сказки, стр. 43. Дзмій вырываетъ съ корнемъ дубъ, въ трещину которого была ущемлена его борода, и уходить въ подземелье; Кыріакъ спускается подъ землю и ухватился за дубъ; дамій выпѣсъ его на верхъ (вероятно на небо). Я думаю, что тутъ дамій, какъ злое существо, стоять на мѣстѣ Джельбекеня, а подъ Кыріакомъ подразумѣвается мѣсяцъ. Ср. съ повѣрьями и преданіями о Кирикѣ; по одному преданію онъ брошенъ матерью въ огонь, чтобы спасти Христа отъ преслѣдующихъ жидоў, но остался невредимъ; харьковское преданіе не знаетъ имени Кирикъ, а называетъ сгорѣвшаго мальчика Папарыкомъ и говоритъ, что овъ вмѣстѣ съ мѣсяцемъ умираетъ, но вмѣстѣ съ мѣсяцемъ и рождается. Если Кирикъ тожественное лицо

Въ одномъ преданіи мнѣ встрѣтилась булава, всаженная въ землю ¹⁾). Въ большинствѣ случаевъ съ палицей не связана идея о неподвижномъ положеніи. Есть только разсказы о томъ, какъ герой пробуетъ только что скованную желѣзную палицу, бросаетъ ее къ небу, и она, при паденіи, глубоко входитъ въ землю, но герой вытаскиваетъ ее изъ земли и странствуетъ съ нею.

Въ рядѣ сказокъ вмѣсто подземнаго царства гора, т. е. все то, что герой находитъ въ подземномъ царствѣ, здѣсь также помѣщается около Полярной звѣзды, только Полярная звѣзда представляется не отверстиемъ, ведущимъ въ подземелье, а вершиной горы; на эту гору перенесены и эпитеты съ звѣзды; вмѣсто именъ Золотой или Желѣзный коль образовались имена: Золотая гора или Желѣзная гора. Чтобы попасть туда, герой долженъ не опускаться, а подниматься. Иногда онъ поднимается по дереву, которое вырастаетъ изъ косточекъ, имъ же самимъ посаженныхъ, и вершиной достигаетъ до неба (въ отрывкахъ можетъ быть отъ этой же сказки выростаетъ горохъ до неба и по нему взбирается на небо старикъ); по тому же дереву онъ могъ и спуститься. Но въ другихъ случаяхъ герой слетаетъ внизъ съ горы на трости,—это та же трость, вѣроятно, съ которой летаетъ Вихорь и которая замѣщается въ вариантахъ дубомъ или палицей, только въ послѣднихъ случаяхъ этой трости или палицѣ не приписывается летучести,—или по полотну, спущенному съ Золотой горы ²⁾). Эквивалентами этого средства являются желѣзная цѣпь, посредствомъ которой Масангъ поднимается на небо ³⁾), паутина, по которой спускается съ неба паукъ и которая немного не достигаетъ до земли ⁴⁾). Алтайское повѣрье знаетъ Золотую гору, подошва которой на небѣ, а вершиной она обращена къ землѣ и только на локотѣ не достигаетъ до земной поверхности.

Большая Медвѣдица должна отразиться въ сказаніяхъ особенностью своего состава; созвѣздіе состоять изъ семи звѣздъ, иъѣстественно число семь встрѣчается въ сказкахъ очень часто. Нѣкоторые случаи безъ затрудненія могутъ быть сведены съ Большой Медвѣдицей, вприм. семь хортовъ Иванъ-царевича, семь собакъ

съ харьковскимъ Папарыкомъ, то, значить, о Киркѣ говорили, что онъ вмѣстѣ съ мѣсяцемъ умираетъ и вмѣстѣ съ нимъ рождается. Сагайское повѣрье приписываетъ ту же судьбу Джедай-Хану. Большая Медвѣдица называется у разныхъ тюрковъ: Джеты-гань, Джеты-Карайше, Джеты-Каракъ (см. Вост. мотивы, 459; Эн. Обозр., кн. XX, стр. 108),

¹⁾ Вост. мотивы, 549.

²⁾ Въ Ласѣ, по рассказамъ паломниковъ, ежегодно совершается обрядъ — по протянутому навату со скалы на дно долины спускается лама, одѣтый пигицей Ханъ-Гариды; кажется, это совершается въ 3-ій день 2-ой луны; см. Nouveau Journ. asiatique 1829, t. IV, p. 143.

³⁾ Интересны повѣрья осетинъ, соединенные съ цѣпью, на которой котель подвѣшивается къ потолку сакхи.

⁴⁾ Вост. мотивы, 407.

Джедай-хана близкое представлениe къ киргизскому о Б. Медвѣдцѣ, которое видить въ созвѣздіи семь волковъ. Семь богатырей, приставленныхъ караулить Айдолея, пригвожденного при основаніи коновязаного столба, также сильно намекаютъ на ордынскія представления о Б. Медвѣдца, какъ о семи человѣкахъ, которые скрываютъ лошадь, прикованную къ желѣзному столбу, т. е. Полярной звѣздѣ, или въ вариантѣ—караулящихъ, чтобы ее не украли.

Остяцкое представлениe нѣсколько отклоняется отъ киргизскаго; по послѣднему семь звѣздъ или семь воровъ преслѣдуютъ лошадей, которыхъ ходятъ кругомъ Полярной звѣзды; остяки говорять, Б. Медвѣдица это лось, за которымъ гонится богатырь (Тункъ-похъ, который вмѣстѣ съ мѣсяцемъ рождается, вмѣстѣ съ нимъ и умираетъ, какъ Джедай-ханъ); по варианту лось представленъ только четырьмя звѣздами созвѣздія, а остальные три—три охотника, преслѣдующіе лося. Я выше высказалъ предположеніе, что въ степномъ фольклорѣ мѣсто лося долженъ быть занять конь, такъ что въ ордѣ вмѣсто погони за лосемъ были разсказы о ловлѣ коня, и вотъ эти-то разсказы вошли въ сказку объ Ерусланѣ. Въ этомъ эпизодѣ обыкновенно появляется царскій пастухъ Ивашка, но ловить коня самъ Ерусланъ; въ монгольской же сказкѣ объ Иринѣ-Сайнѣ ловить коня пастухъ¹⁾, а не самъ Иринѣ-Сайнѣ; въ русской сказкѣ ловить коня Иванъ-царевичъ. Въ сказкѣ объ Ерусланѣ имя Иванъ съ главнаго героя перешло на второстепеннаго, а ловля коня осталась при главномъ героѣ.

Вліяніе Ориона можно угадывать тамъ, где число три, наприм. три ели въ урянхайской сказкѣ, на вершину которыхъ спаслись убѣжавшія отъ Джельбаги дѣти, три придорожныя дѣвицы (три сестры Гасэра), три собаки, три дикозинки.

Въ Плеядахъ народное представлениe видить гнѣзда съ птенцами; въ сказкахъ мы часто встречаемъ дерево, на вершинѣ котораго гнѣзда съ орлятами; орлица на своей спинѣ выносятъ героя въ верхній міръ²⁾.

¹⁾ По русскому повѣрю, сохранившемуся въ загадкахъ, пастухомъ представлялся мѣсяцъ, по монгольскому звѣздѣ Цолмонъ, т. е. Венера; см. Вост. мотивы, 192.

²⁾ Къ приведеннымъ выше примѣрамъ этого представлениe можно присоединить еще одинъ изъ румынскихъ сказокъ. Бездатный старикъ сѣялъ яблоко, заснувъ и, пробудившись, нашелъ возлѣ себя дѣвочку; ее уноситъ грифъ въ свое гнѣздо на деревѣ; изъ молодежи высевается голову змѣй и хочетъ съѣсть птенцовъ сидящихъ въ гнѣзда; ангелъ убилъ змѣя; гравъ выкармливаетъ дѣвочку; деревичъ, охотовавшійся, хотѣлъ стрѣлять по грифамъ, увидѣлъ дѣвочку и женился на ней (Бесселовский, Разысканія, X, 422). Г. Веселовскій сближаетъ эту сказку съ апокреотическими предавѣніемъ объ императорѣ Фануилѣ и его сенешалью Іоакимѣ; отъ сока яблока вслѣдъ Фануила набухло и разрѣшилось дѣвочкѣ; по приказанію императора дѣвочка была отнесена въ лѣсъ; положенная въ гнѣздо лебедей, она выросла вмѣстѣ съ птицами; во время охоты Фануилъ находить ее и выдастъ за Іоакима. Эта дѣвочка была св.

По бурятскому преданию Млечный путь образовался изъ молока небожительницы, которое она разлила, осердившись на Гэсера, похитившаго у нея эрдени. Я думаю, что это молочное море имѣло цѣлью задержать убѣгавшаго вора; оно вѣроятно образовалось впереди Гэсера. Въ другихъ случаяхъ или передъ убѣгающими, или между ними и преслѣдующей его погоней внезапно возникаетъ рѣка (какъ въ египетскомъ романѣ о двухъ братьяхъ Аппу и Битью, въ кавказской сказкѣ о Колой-Кантѣ и орхустойцахъ). Въ вышеприведенныхъ сказкахъ встрѣчается представление, которое, можетъ быть, относится къ той же реальности, какъ и молочное море; это борозда, которая проводится плугомъ, запряженнымъ змѣемъ; но мотивы, которые представляли бы переходъ отъ молочного моря или рѣки къ этой бороздѣ, я указать не могу. Пропаханная на змѣѣ борозда преданьемъ отожествляется съ Змѣевымъ валомъ, который указываютъ около Киева. Въ Монголіи встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ остатки вала Чингисъ-хана. Это по одному преданию ровъ, вырытый для свадебнаго поѣзда; по другому это дорога, насыпанная для проѣзда Чингисъ-хана въ то время, какъ онъ объѣжалъ кругомъ свое царство. По изъ-которымъ намекамъ этого предания въ немъ дѣло идти не объ историческомъ Чингисъ-ханѣ, а о какомъ-то деміургѣ, который, повидимому, объѣжалъ не царство, а всю землю и при этомъ творилъ (по собраннымъ мною въ послѣднюю поѣздку показаніямъ). Въ эпизодахъ обѣ убѣгающемъ отъ погони герои или обѣ убѣгающихъ дѣти иногда внезапно появляются не рѣка, а мостъ черезъ рѣку или море, и убѣгающіе переходятъ по мосту; это переходъ отъ представленія о рѣкѣ къ представлѣнію о дорогѣ¹⁾.

Въ русскихъ сказкахъ при разныхъ случаяхъ появляется мельница, представление, внушенное, можетъ быть, зреющимъ небесного свода, врачающагося вокругъ Полярной звѣзды. Въ однихъ сказкахъ сестра-измѣница посылаетъ брата достать муки или мучной пыли изъ мельницы, въ которой мелять черти; у этой мельницы двѣнадцать дверей (указаніе числа шести, что намекаетъ

Анна. Дерево, на которомъ росли яблоки, было крестное дерево, оно вѣтвилось съ тѣмъ деревомъ, на которомъ сидѣла св. Анна, по крестное дерево также представлялось иногда съ сидящимъ на немъ младенцемъ (Разысканія, IV, 60 и слѣд.). Крестное дерево было срублено Соломономъ. Въ уральской сказкѣ о Джельбагѣ, праведевой выше, три дѣвочки, сидящія на вершинахъ трехъ деревьевъ.

1) Мостъ чудеснымъ образомъ возвинкаетъ отъ взмаха платка или полотенца; братъ и сестра благополучно переходятъ на другую сторону, мостъ нечезаетъ, и змѣй остается на другой сторонѣ; но онъ соблазняетъ сестру, и она выманиваетъ чудесное полотенце у брата вѣдь предложимъ, что его нужно вымыть, взыскиваетъ иль вадъ рѣкой и вызываетъ появление моста, по которому змѣй и переходитъ. Не было ли этого мотива въ южнославянскомъ преданіи о Троинѣ, посыпавшей царевицу по ночамъ, т.-е. не приходилъ ли онъ къ ней по мосту, который она вызывала взмахомъ полотенца, и не вѣтъ ли мостъ подразумѣвается въ Словѣ о полку Игоревѣ подъ видомъ „тропы Троинѣ“?

на Плеяды, въ которыхъ монголы насчитываютъ шесть звѣздъ); здѣсь иногда находится скопленное богатство. Въ аварской сказкѣ о медвѣжьемъ сынѣ одинъ изъ его товарищѣй имѣть мельницу на колѣнѣ.

Въ одномъ варианѣ русской сказки вмѣсто мельницы домъ, въ которомъ живутъ двѣнадцать или двадцать четыре разбойника; они сидятъ на двѣнадцати креслахъ кругомъ бочки съ виномъ, картина, которую осетинское повѣрье видитъ въ созвѣздіи Плеяды. Сходный мотивъ въ сказкѣ у Афанасьевы, № 71, var. b: Иванъ-царевичъ обходитъ три подземныя царства: мѣдное, серебряное и золотое; у воротъ мѣдного дворца на мѣдныхъ цѣпяхъ прикованы страшныя змѣи; подлѣ колодезя, у колодезя мѣдный корецъ на мѣдной цѣпочкѣ висить. Иванъ-царевичъ зачерпнулъ корцомъ воды и напоилъ змѣй. Въ слѣдующемъ царствѣ серебряный дворецъ, змѣи прикованы серебряными цѣпями, подлѣ колодезя съ серебрянымъ корцомъ. Въ третьемъ царствѣ золотой дворецъ, змѣи на золотыхъ цѣпяхъ, корецъ золотой, на золотой цѣпочкѣ.

Кромѣ наблюдений надъ небесными явленіями и надъ явленіями въ жизни звѣрей и въ жизни людей вообще, въ сказкахъ можно еще отмѣтить отраженія изъ специальной области человѣческой жизни, отраженія шаманской обрядности. Въ богатырѣ, который поднимается на гору или опускается въ подземный міръ, можно видѣть звѣзду, поднимающуюся къ зениту или опускающуюся подъ горизонтъ, но также и шамана, поднимающагося на небо представительствовать за пострадавшаго предъ Ульгенемъ или Эсэгэ-малакомъ, царемъ неба, или спускающагося въ адъ представительствовать предъ Ерликомъ. Представление о богатырѣ, летающемъ на трости, едва ли можно объяснить иначе, какъ только отраженіемъ народнаго повѣрья о шаманскихъ жезлахъ или костыляхъ, что это кони, на которыхъ шаманъ летаетъ въ область темныхъ духовъ¹⁾.

Г. Потанинъ.

1) Въ былинѣ (Гильбердинъ № 101 и 207) о Каликѣ-богатырѣ говорится „О костыль Калинушка опираласи, высоко Калинушка поднималаси, поднялся тутъ Калинушка поповыше лѣсу стоячаго, поднялся тутъ Калинушка попониже оболочка ходячаго“ (изд. 1896, стр. 218). Колосовъ (Филологич. записки, 1874, II, 17) сблизилъ эти стихи съ однимъ лѣстою Слова о полку Игоревѣ: „Той (т.-е. Всеславъ) клюками подпрѣся о кови и скочи къ граду Кыеву и дотчеся стружіемъ золата стола Кіевъскаго“. О шаманскихъ костыляхъ см. въ ост. мотивахъ, 716.У Худакова, II, № 43, стр. 20: Ариадѣ-царе.